

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
Иркутский государственный университет им. А.А.Эданова
Лаборатория археологии

МЕЗОЛИТ ВЕРХНЕГО ПРИАНГАРЬЯ

Часть I

Памятники Ангаро-Бельского и
Ангаро-Идинского районов

Иркутск - 1971

Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Иркутского государственного университета имени А.А.Жданова

Ответственный редактор Г.И.Медведев
Ответственный за выпуск В.В.Свинян

От авторов

Предлагаемый вниманию читателей сборник статей подчинен единой теме - мезолиту Верхнего Приангарья. По существу сборником подводится определенный итог исследований круга памятников, которым до конца 50-х годов археологи уделяли слишком мало внимания. Двенадцать лет систематических исследований, начиная с 1957 года, не решило, разумеется, мезолитическую проблему Верхнего Приангарья в полном объеме. Однако, собранный археологами - чешский материал так же, как и основывающийся на нем необходимый минимум выводов, заслуживает введения в научный оборот. Обобщение результатов первого, как мы полагаем, этапа работ должно стимулировать процесс дальнейших исследований. Оно поможет внести определенные коррективы в методику полевых и камеральных исследований, возможно, наметит новые направления в теоретических построениях.

В настоящем сборнике помещена часть материалов мезолитических стоянок Верхнего Приангарья. Публикуются сведения только по памятникам Ангаро-Бельского и Ангаро-Иддинского районов. Памятники Иркутского района будут изданы отдельно.

Публикуемые материалы подготовлены пятью авторами и составляют шесть статей, которые можно с одинаковым успехом считать последовательными разделами.

В первой статье "К истории исследования мезолита в Приангарье" (Г.И.Медведев) сделана попытка осветить основные моменты развития полевых исследований мезолитических памятников Приангарья

и сопоставить результаты этой чисто практической работы с интерпретацией добытого материала на страницах археологических изданий.

Основной раздел сборника "Памятники мезолита Верхнего Приангарья" содержит три статьи, которые можно было бы назвать сводками, содержащими сведения по геологии и археологии местонахождений мезолита.

Статья "Стоянки Ангаро-Бельского района" подготовлена к публикации А.М.Георгиевским и Г.Н.Михнюк (многослойная стоянка Сосновый Бор), Г.И.Медведевым (многослойное поселение Усть-Белая, стоянки Черемушник I, Бадай I, Перешеек, Ленковка и общее резкие) и Н.А.Савельевым (многослойная стоянка Уляха).

Статья "Стоянки Ангаро-Идинского района" написана И.Л.Лежненко. Материалы этого комплекса публикуются впервые.

"Мезолитические погребения Верхнего Приангарья" (Г.И.Медведев) - сводка по преимуществу компилятивная, но в данном сборнике необходимая, ибо представляет по своему уникальные погребальные комплексы трех известных в Приангарье захоронений, материал которых можно отнести к позднему докерамическому времени.

Статья "Хозяйственный уклад мезолитических обитателей Усть-Белой" (Г.И.Медведев) является заключительным разделом сборника. Она представляет собой попытку обобщения данных анализа "кухонных остатков" на стоянке, производственного инвентаря и сведений по этнографии народов Евразии.

Авторы обращаются с глубокой благодарностью ко всем, кто в различной форме содействовал появлению в свет этого сборника и прежде всего к студентам-историкам Иркутского университета, участвовавшим в археологических экспедициях 1957-1968 гг. и составившим внушительный отряд в 360 человек. Без их самоотверженного труда были бы невозможны проведение исследования и не писались бы эти строки.

А.М.Георгиевский, И.Л.Лежненко,
Г.Н.Михнюк, Г.И.Медведев, Н.А.Савельев.

Иркутск, 1969 г.

К И С Т О Р И И И С С Л Е Д О В А Н И Я М Е З О Л И Т А П Р И А Н Г А Р Ь Я

Г. И. М Е Д В Е Д Е В

История исследования мезолита в Приангарье сложна и своеобразна и по своему оригинальна.

Период целенаправленного и систематического изучения мезолитической проблемы охватывает всего лишь немногим более десяти летия, начиная с 1957 года.

Такое запоздалое проявление внимания к истории населения Приангарья в мезолитическое время объясняется не отсутствием памятников материальной культуры - они были известны давно. Но в научной литературе эти памятники-стоянки и отдельные находки интерпретировались как палеолитические. Более того, сами термины "мезолит" и "мезолитический", в применении их к сибирским стоянкам, приобрели характер показателей исключительно хронологического порядка. Мезолит, как определенный период в истории общества, закономерный этап в его развитии для Приангарья, отрицался.

Вполне закономерно возникает ряд вопросов: имелись ли до конца 50-х - начала 60-х годов текущего столетия объективные возможности для выделения мезолитического этапа в каменном веке Приангарья; являлось ли отрицание мезолита в Приангарье ошибкой субъективного подхода к изучению памятников древней материальной культуры или же подобный взгляд был исторически обусловлен, и в таком случае, где коренится основной отправной момент этой ошибочной интерпретации.

Чтобы разрешить эти вопросы, необходимо вернуться к тому отдаленному времени, когда в изучении каменного века Сибири и в особенности его донеолитического периода делались первые шаги.

Первое мезолитическое местонахождение в Приангарье было открыто М.П.Овчинниковым в 1893 г. под Иркутском на Верхоленской Горе. Два года раньше на Енисее, в устье левого его притока - Бирюсы, А.С.Еленев обнаружил многослойное поселение Усть-Бирюса, где также выделяется сейчас мезолитический комплекс находок (Гурьяна, 1964).

Обстоятельства сложились так, что мезолитические стоянки в Сибири были открыты по сути дела одновременно с первым знаменитым памятником мезолитического периода Франции, материал которого лег в основу выделения самого этого периода: в 1887 г. Пьетт открыл мезолитический слой в гроте Мас д'Азиль (Обермайер, 1913)

Общим для всех трех памятников в момент их открытия было отсутствие термина "мезолитический", который появился гораздо позднее. Во всем остальном судьба этих памятников была различной.

Открытие Пьетта и затем Г.Мортилье было подготовлено всем ходом развития французской археологии, оно было необходимым, или, образно говоря, "ожидаемым". Культурные комплексы гротов Мас д'Азиль, Турас, Кузад и др. сразу же заняли свое место в схеме периодизации каменного века Европы, ликвидировав тем самым hiatus в древней истории, существовавший между палеолитом и неолитом (Мортилье, 1903; Обермайер, 1913; Ж.Морган, 1926).

В Прибайкалье, равно как и на Енисее, сложилась иная ситуация. Здесь археологическому изучению подвергнуты были лишь отдельные памятники поздних эпох: от неолита до эпохи железа. Открытие палеолита в Иркутске в 1871 году явилось ярким эпизодом в отечественной науке, но не более, так как собранная у военного госпиталя коллекция погибла, возможно, во время пожара в Иркутске в 1879 году, и изучение эпохи палеолита надолго прервалось. Таким образом, к 90-м годам XIX в. вопрос о палеолите в Приангарье оставался открытым. Вполне понятно, что потребность в выделении переходного периода между неизвестным еще ангарским палеолитом и весьма отрывочно изученным неолитом в то время не назрела.

Вторым своим рождением Верхоленская Гора обязана профессору Иркутского университета Б.Э.Петри. Открыв в 1913 г. на многослойной стоянке Улай-Хада на Байкале ранне-неолитический слой, Б.Э.Петри, естественно, был заинтересован в отыскании генетичес-

ких корней этого комплекса, и единственным памятником, который в этом отношении мог привлечь внимание исследователя, была Верхоленская Гора.

Возможность организовать раскопки этого памятника появилась в 1919 году, благодаря созданию кружка "Народоведение" при Иркутском университете. Первые и по существу наиболее значительные по объему раскопки на Верхоленской Горе в 1920 году дали обширный материал, на основании которого Б.Э.Петри датировал стоянку временем мадлена, по схеме периодизации палеолита Франции, оговорившись при этом, что данное определение сделано предварительно до выработки своей, сибирской схемы (Петри, 1922). В дальнейшем он еще раз подтвердил свой вывод, отнеся Верхоленскую Гору к позднему мадлену (Петри, 1927).

Сейчас можно сказать, что Б.Э.Петри ошибался в своих выводах. Но в этой обстановке, которая сложилась в археологии к 20-м годам, о Верхоленской Горе трудно было сказать что-либо большее.

К 1920 году изучение мезолита в Европе и особенно в Северной Европе сделало большие успехи. Был выделен ряд локальных мезолитических культур, датированных по совокупности археологического и геологического, палеонтологического и палинологического материалов. Устанавливались их связи и взаимоотношения, изучались вопросы эволюции этих культур во времени и пространстве (Жуков, 1923, 1924). По существу здесь шел процесс "детализации" - не только хронологическое определение комплекса в первом его приближении, но и решение вопросов положения каждого памятника в конкретно-исторической обстановке данного региона в соответствующую эпоху.

На основании проводимых в Европе исследований, к 20-м годам складывается и определенная интерпретация мезолитического уклада жизни первобытного человека, характеризуемая переходом к иным формам хозяйства (рыболовство, собирательство). Эти изменения нашли отражение и в изменении морфологии инвентаря: в кремневой индустрии получает развитие микролитическая техника со специфическими геометрическими формами. Именно в это время термины "мезолит" и "микролит" утверждаются как понятия равнозначные, определяющие переходный период от палеолита к неолиту.

Признак микролитической техники, характерный для ряда культур, одной большой зоны, как и схема Мортилье, получил глобальное значение.

На восток от Волги памятники с микролитическим инвентарем не были зафиксированы. Едва ли можно было предполагать тогда по этому поводу что-либо иное, как не результат слабой изученности.

Верхоленская Гора в единственном числе (если не считать проблематичный нижний горизонт Улан-Хадн) представляла донеолитическое прошлое Приаггарья. Сейчас очевидно, что она не была полностью исследована даже на вскрытой раскопками площади. Список фауны был не полным и содержал особи различных периодов антропогена. Археологический материал тоже был перемешан. Наконец, сама специфика каменного инвентаря сибирских стоянок, характеризуемая сочетанием форм, близких к мустьерским, с формами явно неолитическими (Савенков, 1892; Мергарт, 1923; Петри, 1923), при анализе, преимущественно с позиций формально-типологического метода конечно, не могла способствовать определению Верхоленской Горы как памятника мезолитического времени.

Все это отразилось в классификационной схеме каменного века Сибири, опубликованной Б.Э.Петри в 1926 году (Петри, 1926). Стремление синхронизировать этапы развития первобытного общества Сибири с Западной Европой, найти общие черты и закономерности в этом развитии получило свое отражение в сопоставлении отдельных, сугубо внешних, признаков инвентаря различных памятников этих двух далеких друг от друга территорий. Такими признаками, своего рода индикаторами, явились шлифованные орудия из камня, лук и стрелы, керамика, а отсутствие или наличие их в комплексах стоянок определяло принадлежность к тому или иному периоду.

Вполне понятно, что для мезолита, представление о котором слагалось на основе европейских "эталонов", в схеме Б.Э. Петри была оставлена пустая графа с указанием - "не найдено". Петри оказался прав в одном: "азилия" в Сибири действительно не было.

Для выделения же "собственного", сибирского мезолита необходимо было изучить сибирский палеолит (его еще надо было открыть) и сибирский неолит, который требовал дополнения новыми материалами и систематизации.

Кроме того, еще предстояло решить, возможно ли считать мезолитическими памятниками, культурные комплексы которых типологически отличны от европейских "микролитических". Другими словами, в археологии еще не был выработан единый взгляд на мезолитический период как на закономерную, имеющую всеобщее значение, социально-экономическую фазу развития человеческого

общества, не были определены те характерные особенности, которые были бы присущи материальной культуре переходного периода от палеолита к неолиту вне зависимости от ее региональной принадлежности.

Все эти факторы оказали влияние на критику положений Б.Э. Петри, В.И.Подгорбунский (1928) и Г.Ф.Дебец (1928), выразившие свои сомнения по поводу мадленской датировки Верхоленской Горы, в обоснование смогли привести лишь чрезвычайно общие соображения, касавшиеся типологии отдельных форм инвентаря.

В итоге даже наиболее подробное обоснование В.И.Подгорбунского, относившего Верхоленскую Гору в общем к переходному периоду от палеолита к неолиту, не получило действительной силы.

В настоящее время теоретические выводы В.И.Подгорбунского можно расценивать как первое предположение о наличии в Приангарье мезолитических комплексов, высказанное в полемической форме и, к сожалению, дальше не развитое.

Особенностью археологических исследований 20-х годов в области донеолитического периода в Приангарье является чрезвычайно узкий круг изучаемых памятников, а в связи с этим и узость проблемных вопросов. По сути дела, полевые исследования донеолитических местонахождений в этом десятилетии ограничивались раскопками Верхоленской Горы и теоретическая мысль концентрировалась вокруг вопроса о ее датировке. Раскопки Б.Э.Петри в местности Царь-Девича (1924), открытие первых ленских "палеолитических" местонахождений П.П.Хороших (1924), открытие М.М.Герасимовым палеолитической стоянки на Кайской Горе (1924) и вторичное, после М.П.Овчинникова (1895), открытие "палеолита" у с. Бадай (1925), небольшие раскопки Я.Н.Ходукиным в пади Ушканка (1926, 1927), к сожалению, остались лишь эпизодами истории археологического исследования Приангарья.

В то время они не оказали влияния на разработку проблемы донеолитического прошлого.

Положение изменяется с 1928 года, когда в с.Малта была открыта палеолитическая стоянка, раскопанная затем М.М.Герасимовым.

Любопытно, что это само по себе чрезвычайно важное событие сыграло в изучении мезолитических памятников Приангарья в известной степени отрицательную роль.

Оно как бы отодвинуло проблематику позднепалеолитических стоянок на второй план. И это было закономерным явлением: рас-

копки М.М.Герасимова в Мальте открыли миру культуру такой древности, которая вообще не мыслилась в Сибири и такого совершенства, которое не уступало ни в чем лучшим образцам европейского палеолита.

Этот памятник и связанный с ним узел проблем, среди которых на первый план выдвигались две основные: датировка и вопросы генезиса, надо было срочно и полно изучать, а позднепалеолитическим стоянкам остался удел ждать своей очереди.

Так в схеме периодизации памятников донеолитического времени в Приангарье, предложенной М.М.Герасимовым в 1931 г., Верхоленская Гора и близкие к ней стоянки суммарно относятся к азильской фации сибирского палеолита, но никакого обоснования этому не приводится (Герасимов, 1931). Видимо, соображения В.И.Громова¹, В.И.Подгорбунского, Г.Ф.Дебеца, дополненные собственными наблюдениями, по мнению М.М.Герасимова, не оставляли сомнения в этом вопросе, а так как основной задачей работы была публикация материалов мальтинской стоянки, то он вообще не считал необходимым на нем останавливаться. Разрыв во времени между Мальтой и Верхоленской Горой, равный всему периоду развития мадлена в Западной Европе был объяснен, как в свое время у Б.Э.Петри, двумя словами "не найдено".

Позднее, в кратком предварительном сообщении об исследованиях в Усть-Белой при датировке нижнего слоя М.М.Герасимов так же ограничился определением его азильского возраста без специального обоснования (Герасимов, 1940).

Уже два эти факта свидетельствуют о том, что в изучении памятников Приангарья, синхронизируемых теперь с азильским временем, реальных сдвигов было мало.

Подобное положение отразилось и на работе Г.П.Сосновского (1934). Посвященная итогам исследования палеолита Северной Азии, эта работа в целом явилась важным событием в археологии Сибири 20-х - 30-х годов. Анализ результатов археологических исследований в области донеолитического периода в Сибири, проведенный Г. Сосновским, обнаружил прежде всего значительную неравномерность в изученности различных регионов.

1. Схема Громова (1928г.) послужила геологической основой схемы М.М.Герасимова.

В долине Енисея были выявлены две хронологические группы палеолитических памятников (II и III), подвергнутых интенсивным исследованиям как в археологическом, так и в геолого-палеонтологическом отношениях. Но на Енисее отсутствовали памятники "ранней" стадии верхнего палеолита, или первой группы.

Они имелись лишь в Приангарье в лице Мальтинской стоянки. Зато II и III группы здесь объединялись в комплексе одного памятника Верхоленской Горы.

О палеолите Забайкалья имелись лишь весьма отрывочные сведения, сложившиеся на основе немногочисленного подъемного материала. Все местонахождения, из которых происходил материал, суммарно были отнесены Г.П.Сосновским к III, самой поздней группе сибирского палеолита.

Час в данном случае интересует Верхоленская Гора, ибо в интерпретации Г.П.Сосновского она представлена несколько в ином свете, чем у Б.Э.Петри, В.И.Подгорбунского и др.

В отличие от Б.Э.Петри (1923), Г.П.Сосновский считал Верхоленскую Гору многослойным памятником, нижний слой которого, залегающий в лессовидном слое с вкраплениями извести, он относил к ледниковому периоду на основании фауны (носорог, гигантский олень, джигетай). Средний и верхний культурные горизонты, не содержащие гигантскую фауну и заключенные в отложения, частично захваченные почвообразовательными процессами, отнесены были к послеледниковому времени.

В принципе верное представление о многослойности и геологическом возрасте памятника производит впечатление в значительной степени интуитивного решения. Четкого обоснования геологическим условиям залегания культурных остатков в различных горизонтах Верхоленской Горы не существовало и Г.П.Сосновским в подкрепление собственных выводов не могло быть приведено.

В связи с этим по-прежнему оставался сомнительным и факт синхронности особей, представленных в костных остатках нижнего слоя с изделиями из камня.

Особых отличий в инвентаре нижнего и верхнего слоев Г.П.Сосновский не обнаружил. Суммарный краткий типологический обзор не выявил никаких специфических деталей, статистического анализа сделано не было, а публикация рисунков орудий была еще менее полной и более выборочной, нежели у Б.Э.Петри, и совершенно не могла характеризовать основные типы орудий Верхоленской Горы, а тем

более всего круга известных, но неисследованных стоянок Приангарья, которые считались близкими, родственными Верхоленской Горе (Герасимов, 1931; Соосновский, 1934).

Таким образом, в характеристике материальной культуры Верхоленской Горы оставалось много неясных, неразрешенных моментов. Это особенно ярко проявляется в классификационной схеме сибирского палеолита, предложенной Г.П.Сосновским.

В схеме Б.Э.Петри (1926) Верхоленская Гора соответствует "мадлену", у М.М.Герасимова (1931) она помещена в графу "азиль". Оба автора воспринимали при этом культурный комплекс стоянки как единое целое.

Г.П.Сосновский, высказавший предположение о наличии разновременных палеолитических горизонтов на Верхоленской Горе, оказался в весьма затруднительном положении.

Верхний и средний культурные горизонты он синхронизировал с III группой енисейских стоянок, хотя определенных оснований для этого не было. По крайней мере, материалы Верхоленской Горы не давали основания относить верхние горизонты ко времени, которое на Енисее характеризовалось "обилием диких быков и лошадей".

Но если все же допустить возможную для того времени подобную корреляцию верхних горизонтов, то нижний горизонт Верхоленской Горы оказался буквально подвешенным в воздухе.

Он должен был по мнению Г.П.Сосновского соответствовать средней стадии верхнего палеолита (II группе Енисейских стоянок). Однако, носорог, определивший в основном "ледниковый" возраст горизонта, по схеме вымер гораздо раньше - еще в "ранней стадии". С другой стороны, характерные для II группы Енисейских стоянок изделия из бивня мамонта, как и сам мамонт, на Верхоленской Горе отсутствовали. Более того, ни лавролистные наконечники из камня, ни гарпуны из рога, характерные (по Г.П.Сосновскому) для низа Верхоленской Горы, ни в одной из Енисейских стоянок не были зафиксированы.

В этой связи определение гарпунов и наконечников элементами региональных отличий Ангарских комплексов от енисейских выглядит малоубедительным. При создавшейся полной неясности в хронологическом положении нижнего горизонта, они с таким же успехом могли стать элементами стадийного отличия.

Надо полагать, Г.П.Сосновский все это прекрасно понимал, и в итоге нижний горизонт Верхоленской Горы "исчез" из схемы.

Графа "средней стадии верхнего палеолита" в Приангарье осталась пустующей.

Работа Г.П.Сосновского со всей очевидностью свидетельствует, что прийти к правильному решению вопросов развития поздепалеолитических культур в Приангарье на основе только старых материалов, представленных к тому же одним памятником (тем более использованных не во всем объеме), было невозможно.

Памятник, по сути дела, остался вещью в себе. Его генетическая связь с хронологически далеким и типологически несравнимым комплексом мальтинской стоянки не могла быть установлена.

Переход к неолиту, через группу так называемых раннеолитических стоянок (Царь-Девича, Улан-Хада и др.) мыслился весьма туманно в связи со слабой изученностью последних.

Неудивительно поэтому, что определение возраста Верхоленской Горы и близких к ней по культуре ангарских, а также забайкальских стоянок азиатским временем по европейской классификации, давало повод не для причисления их к разряду мезолитических памятников, а для сопоставления с позднейшей группой Енисейских палеолитических стоянок. А так как последние были полнее исследованы и подробнее опубликованы, то ангарские и забайкальские стоянки в силу необходимости превращались лишь в иллюстративное приложение регионального порядка.

Вопрос о наличии в Приангарье, как впрочем и во всей Сибири, мезолитических комплексов не мог быть поставлен. Ни один из памятников палеолита Сибири не давал основания для нахождения в его инвентаре элементов, сходных типологически с микролитическим инвентарем европейских мезолитических стоянок.

Подойти же к решению этого вопроса иным путем, попытавшись вскрыть сходство внутренних процессов развития общества в период мезолита на материалах сибирских стоянок, не было возможным в силу отсутствия комплексной изученности их материалов.²

Г.П.Сосновский попытался подойти к вопросу о трансформации палеолитической культуры в неолитическую особым путем. По его мнению этот переход мог совершиться лишь в условиях геологической современности. Все, что находилось за этой естественной

2. Теоретическая основа для подобного исследования в известной степени уже была подготовлена (см. Толстов, 1931, 1932). Необходим был достаточный объем фактического материала.

границей, пребывало в сфере палеолитической эпохи. В таком плане стоянками переходного периода могли быть лишь раннеолитические памятники, инвентарь которых характеризовался отсутствием керамики, лука и стрел, шлифованных орудий.

Раннеолитические стоянки были известны в основном в Приангарье. Они, как и "соприкасавшиеся" с ними палеолитические стоянки типа Верхоленской Горы, не были изучены, и вопрос о переходном периоде от палеолита к неолиту остался открытым. Последнее можно объяснить еще и тем, что Г.П.Сосновский не ставил специально целью разрешить проблему происхождения сибирского неолита.

Таким образом, "мезолитическая проблема" в работе Г.П.Сосновского не была затронута. На первом плане стояли проблемы датировки памятников палеолита и происхождения сибирского палеолита. Вопросы эволюции палеолитической культуры освещались крайне схематично и динамика этого процесса представлялась весьма туманно.

Большая статья Г.П.Сосновского была детищем своего времени. Специфика исследований конца 20-х и первой половины 30-х годов в Приангарье заключалась в том, что основное внимание большинства исследователей было обращено к неолитическому периоду, памятники которого были представлены чрезвычайно широко, легкодоступны и при сравнительно небольшой затрате усилий на полевое исследование давали яркий, многочисленный материал. С открытием Мальты родилось новое, самостоятельное, палеолитическое в полном смысле этого слова, направление. Оба направления, особенно исследование мальтинской стоянки, представляются цепью систематических, планомерных исследований. Подобного же "мезолитического" или "позднего - палеолитического" направления в археологии Приангарья мы назвать не можем, его не было. Даже более менее регулярные раскопки Петри Б.Э. на Верхоленской Горе прекратились в 1927 году.

Не случайно поэтому в работе отчетного характера, посвященной проблемам развертывания археологических исследований в зонах строительства каскада Ангарских ГЭС, Г.П.Сосновский в перечне памятников древности отмечает, по сути дела, лишь неолитические стоянки и могильники, известные на период 1932-1933 гг. (Сосновский, 1936). Характерно при этом, что на участке от Байкала и до Братских порогов им не упоминается, кроме Царь-Девы, ни одного донеолитического местонахождения.³ О состоянии же изученности тех памятников

3. Верхоленская Гора и Ужаника в зону затопления не попадали.

"переходного периода от палеолита к неолиту", которые были в приустьевом участке р.Белой (Сосновский, 1936), можно судить по замечанию Г.П.Сосновского о Мальтинской стоянке, которая по его мнению еще практически не изучена; между тем этот памятник регулярно раскапывался, начиная с 1928 года, тогда как известны на р.Белой более поздние стоянки были подвергнуты лишь внешнему осмотру с ориентировочной фиксацией площади простирающихся культурных остатков. Ни одна из них не раскапывалась. Исключение составляет лишь небольшой комплекс находок, обнаруженный в 1932 г. при раскопках Мальтинской стоянки выше основного культурного слоя и датированный "азилем Сибирской фации" (Герасимов, 1935).

В общем мы не погрешим против истины, сказав, что в конце 20-х и первой половине 30-х годов изучение памятников промежуточного положения между палеолитом и неолитом находилось в мертвой точке.

Но долго пребывать "в тени" вопрос о "переходном периоде" не мог.

Пока в археологии Приангарья продолжался процесс "собираательства", пока исследования по неолиту и более поздним эпохам, а также по изучению "истинно-палеолитического" мальтинского комплекса находились еще в стадии количественного накопления фактического материала, забвение вопроса о генезисе неолита Приангарья, точно так же, как и проблемы эволюции палеолита мальтинской стадии, было терпимым.

Но когда наступил момент оценки накопленного материала, когда возникла необходимость теоретического обобщения всей суммы данных, вопрос о "переходном периоде" от палеолита к неолиту начал, наконец, привлекать пристальное внимание археологов.

Не случайно Б.Э.Петри в 1936 году раскопками стоянки Рогатка в истоке р.Ангары возобновляет исследование комплексов "докерамического" неолита.

М.М.Герасимов с 1934 года начинает исследование позднепалеолитических ("азильских") стоянок по р.Белой.

Наконец А.П.Окладников в специальной работе, посвященной обобщению громадного материала по могильникам Приангарья (Окладников, 1938), уже в плане чисто теоретическом, касается вопроса о переходе к неолиту в связи с проблемой генезиса последнего.

А.П.Окладников подошел к анализу материалов позднепалеолитических стоянок Енисея и Ангары с иных позиций, чем предшествующие

исследователи.

Б.Э.Петри, В.И.Подгорбунский, В.И.Громов, М.М.Герасимов, Сосновский Г.П. основное внимание акцентировали на проблеме дати-ровки палеолита Сибири. А.П.Окладников попытался воссоздать картину культурно-исторической эволюции палеолитического общества, которая должна была вскрыть корни происхождения прибайкальского неолита.

Автор пришел к выводу о том, что поздний "архаический" палеолит Сибири представляет собой именно тот субстрат, из которого развилась богатая неолитическая культура Прибайкалья. Особое внимание А.П.Окладников обратил на "архаичные" элементы в каменной индустрии позднепалеолитических стоянок Енисея и Ангары и в противовес археологам, видевшим в них пережиток мустьерской и даже ашельской эпох (Савенков, 1892; Мергарт, 1923; Городцов, 1929), высказал мысль о том, что эти "мнимо архаичные элементы" являются показателями прогрессивного, "нового" в технике и быту позд-непалеолитических охотников. По утверждению А.П.Окладникова эти элементы, "в частности, орудия из речной гальки, кремня или сланца, напоминающие по форме мустьерские скребла, остроконечники и даже ручные рубила, преобладают над другим инвентарем". (Окладников, 1940, стр.60). В чем конкретно проявляется генетическая связь неолита Прибайкалья с позднепалеолитическими стоянками Сибири, автор не указал, однако, сноска на архаичные элементы в неолитических погребальных комплексах исаковского этапа (Окладников, 1938, стр.248) не оставляет сомнений в том, что она мыслилась именно по линии этой своеобразной архаики.

Таким образом, для развития первобытного общества Северной Азии в конце палеолитической эпохи намечался иной путь: в то время, когда в Европе получили развитие мезолитические культуры, в Сибири продолжалась эпоха палеолита. Более того, здесь в то время им-ло место едва ли не противоположное явление - развитие "макролитической" каменной индустрии.

Подобная постановка вопроса несомненно была новой. Характерен тот факт, что изложенный А.П.Окладниковым новый взгляд на поздний палеолит Сибири базировался на тех же материалах, которые были в распоряжении его предшественников. Объем их, по сути дела, не увеличился. Однако, новые данные по ранним этапам верхнего палеолита Сибири (Мальта и Буреть) и обширные материалы по неолиту и бронзе, собранные в основном экспедициями под руководством Оклад-

никова А.П., создали, как нам представляется, тот фон, на котором позднепалеолитические комплексы в общесторическом плане развития древних культур Северной Азии приобрели особую рельефность, особый контраст с предшествующими и последующими периодами.

Поскольку эти последние обнаруживали очень много точек совпадения с известными культурами палеолита и неолита Европы, то вполне понятно, что отрывочные сведения по "промежуточному" звену в Сибири в силу сложившихся обстоятельств облекались в форму особого, специфического, "сибирского" пути развития.

Характерна и вторая деталь: теперь поздний палеолит всей Восточной Сибири воспринимался как единое целое, без каких-либо региональных и даже хронологических подразделений. Мальта и Буреть олицетворяли собой совершенно особый, "изначальный" круг древних культур; на другом полюсе находились "архаичные" позднепалеолитические комплексы Енисея и Ангары. При этом, как и у Г.П.Сосновского, в основу характеристики этого "второго" этапа развития палеолитических культур Северной Азии А.П.Окладниковым были положены материалы енисейских стоянок. Ангарские стоянки отныне совершенно утратили свою самостоятельность.

Спустя двенадцать лет, в 1950 году в свет вышел I и II том исследования А.П.Окладникова по неолиту и бронзовому веку Прибайкалья (Окладников, 1950).

Высказанные в 1938 году краткие соображения с сущности позднепалеолитических комплексов Сибири, их месте в каменном веке этой обширной территории, в данном произведении были развернуты А.П.Окладниковым в главу о происхождении прибайкальского неолита.

Теперь А.П.Окладников уверенно датировал позднейшие палеолитические комплексы Сибири VIII—VI тысячелетиями до н.э. (стр.140). и одновременно объединял их на огромной территории от Улан-Батора до Байска в одну культуру с единообразным и устойчивым внешним обликом (стр.144).

"В самом основном элементе материальной культуры того времени, — писал А.П.Окладников, — каменном инвентаре — постоянно повторяются одни и те же знакомые формы и типы, встречающиеся, примерно, в одних и тех же привычных сочетаниях. Везде, где бы это ни было, — на Лене, Ангаре, Енисее или Селенге, — во всех памятниках одинаково доминируют специфические массивные скребла, представленные в многочисленных, но повсюду повторяющихся, вариациях, в основном полудунной — "мустьерской". Повсюду встречаются сход-

ные "архаического" типа изделия и своеобразная "мустьероидная" техника их изготовления" (стр.144).

"Унифицированная", таким образом, сибирская позднепалеолитическая культура, синхронная позднему мадлену, азилю и тарденуазу эволюционирует затем в неолитическую культуру, но "эта эволюция сибирского палеолита все же во многом отличается по темпам и характеру от того, что происходило тогда на Западе" (Окладников, 1950, стр.141).

Отличия эти заключались в том, что на Ангаре и Енисее, Лене и Селенге палеолит слишком "затянулся", но затем, минуя микролитическую фазу развития, характерную для Европы, через хиньскую стадию ангарского неолита с ее "пластинчатыми" наконечниками, чрезвычайно быстро трансформировался в развитую неолитическую культуру.

Все это было обусловлено "какими-то глубокими особенностями Сибирского палеолита", памятники которого составляли "особый круг", существенно отличающийся от круга европейских культур той же эпохи" (Окладников, 1950, стр.144)

В период своего "затянувшегося" палеолитического существования древнее общество Приангарья сумело выработать очень много прогрессивных черт, в число которых, наряду с изобретением вкладышевой техники, включались и "макролитические" изделия из галек - прообразы неолитических топоров и тесел.

Этот арсенал "технических" открытий затянувшегося палеолита и обеспечил настолько близкое соприкосновение палеолитической и неолитической эпох, что потребовалось крайне немного времени на переходный период (Окладников, 1950, стр.162).

Фактологическая база этой теории, развивавшей идеи 1938 года, по-прежнему оставалась чрезвычайно узкой.

Небольшие по масштабам раскопки Усть-Белой после 1937 года не были продолжены. Та же участь постигла стоянку Рогатка. Исследование стоянки Уляха в 1940 году проводилось в рамках разведки. Сами же материалы этих памятников не были введены в научный оборот. После 1940 года археологические исследования в Приангарье прекратились почти на целое десятилетие.⁴

4. В конце 40-х годов Иркутский музей и Иркутский ун.верситет возобновили археологические исследования в Приангарье, но они носили характер экскурсий или небольших эпизодических раскопок, которые проводил на Берхоленской Горе в 1947-1948 годах П.Хороших.

Полевые исследования А.П.Окладникова в 1941-1944 гг. на Лене в направлении изучения донесолитических памятников этого региона носили сугубо разведочный характер и не были развернуты в систематическое стационарное исследование (Окладников, 1953),

Работами Бурят-Монгольской Археологической экспедиции 1947 - 1951 гг. в Забайкалье был открыт лишь один памятник донесолитического периода, который мог бы стать опорным в изучении мезолита долины р.Селенги и прилегающих районов - Ошурково. Однако, анализ полученного здесь археологического материала и полнота его публикаций до сих пор оставляют желать лучшего (Окладников, Флоренсов, 1961; Равский, Александрова, Вангенгейм., 1964).

Таким образом, к 1950 году в пределах долин рр.Ангары, Лены и Селенги не было ни одного памятника из позднепалеолитической серии, подвергнутого планомерному комплексному исследованию и сколько-нибудь полно опубликованного.

В то же время в Европейской части СССР к 1950 году только раскопанных и опубликованных мезолитических местонахождений насчитывалось около 60; сведения о них были опубликованы более чем в 80 научных статьях.

Вышедший в 1950 г. обзор по мезолиту Восточной Европы, составленный М.В.Воеводским (Воеводский, 1950) явился третьей по счету обобщающей сводкой (Воеводский, 1934, 1940), суммирующей результаты исследований мезолитических культур европейской части СССР, проведенных рядом специалистов-археологов (О.Н.Бадер, С.Н.Бибиков, П.И.Борисковский, М.В.Воеводский, П.П.Ефименко, Д.В.Крайнов, П.Н.Третьяков и др.).

Как нам представляется, уже этого, чрезвычайно краткого, сопоставления вполне достаточно для того, чтобы показать насколько низким оставался еще уровень изученности позднепалеолитических комплексов Приангарья и соседних регионов.

Положение не изменилось и с началом работ Ангарских археологических экспедиций в зонах затопления Иркутской и Братской ГЭС в 1951-1960 гг. Проводя в трудных полевых условиях таежного Приангарья колоссальную работу по изучению могильников и поселений эпох неолита, бронзы и железа, экспедиции сделали чрезвычайно мало в области изучения позднейших палеолитических комплексов. Очень интересные, проведенные на высоком уровне современной методики, но не завершенные раскопки Красного Яра (Абрамова, 1962), не восполняют этого пробела. Раскопки позднепалеолитической стоянки Фе-

дзеве (Астахов, 1963) и вскрытие нижнего горизонта многослойной стоянки Ленковки в 1960 г. с полным правом можно назвать рекогноспировочными.

Не случайно поэтому в 1959 г. А.А.Формозов, анализируя и сопоставляя формы развития мезолитического общества в зоне степей лесной полосы Азии, попытавшись коснуться мезолита Сибири, лишь онстатировал, что последний не выделяется исследователями "из олднего палеолита" и не имеет того микролитического облика, который присущ мезолиту Европы и Средней Азии (Формозов, 1959).

Точно также О.Н.Бадер в 1960 г., определяя возможные связи мезолита Урала с районами Сибири, смог привлечь для анализа лишь материалы стоянок Енисея, отметив, что они развиваются по совершенно иному, чем Средняя Азия и Урал, пути - "макролитизации" каменного инвентаря (Бадер, 1960).

Начало специальных тематических исследований мезолита в Приангарье связано с деятельностью Мальтинского палеолитического отряда, возглавляемого М.М.Герасимовым. В 1956-1959 гг. отряд в составе Братской геолого-палеонтологической экспедиции Института геологии Восточно-Сибирского филиала АН СССР, руководимой Логачевым Н.А., проводил раскопки Мальтинской палеолитической стоянки (1956-1958 гг.), многослойного поселения Усть-Белая (1957-1959 гг.) и Верхоленской Горы (1959 г.).

Раскопки 1957 г. в Усть-Белой позволили М.М.Герасимову отнести III и IV культурные слои памятника к мезолиту. Подобное конкретное определение культурного комплекса в Приангарье делалось впервые (Герасимов, 1958).

В 1960 году на конференции историков Сибири и Дальнего Востока автор настоящей статьи выступил с докладом о результатах раскопок на Верхоленской Горе в 1959 году. Анализ полученных материалов позволил ему считать памятник мезолитическим (Медведев, 1961).

С 1960 г. исследование памятников мезолита в Приангарье проводится силами Иркутского государственного университета и Иркутского областного музея.

За двенадцать лет работ, начиная с 1957 года, изучению в общей сложности были подвергнуты 20 мезолитических памятников, 10 из которых раскапывались, и на 4-х были проведены шурфовочные работы.

В итоге был собран значительный по объему фактический мате-

риал. Достаточно отметить, что в 1964 г. археологический материал из мезолитических горизонтов Усть-Белой превосходил по количеству старее коллекции из различных местонахождений "позднепалеолитического возраста" в Приангарье. Количественное превосходство было одновременно и качественным: новый материал отличался обилием различных форм орудий труда, многие из которых ранее вообще не были известны.

Систематические раскопки Усть-Белой и Верхоленской Горы позволили собрать большие по объему и хорошо стратифицированные коллекции фауны - "кухонные отбросы", - что сделало возможным определение видового состава объектов охоты и рыболовства мезолитических обитателей Приангарья.

Конец 50-х - начало 60-х годов текущего столетия ознаменовался появлением ряда обстоятельных монографий и статей, посвященных проблемам геологии антропогена Сибири и ее отдельных регионов, в частности, - Приангарья.

До этого существовало практически только две схемы геохронологии, в которых находили отражение материалы палеолита Приангарья, предложенные В.И.Громовым (1948) и И.В.Арембовским (1951, 1958). Однако, эти схемы были еще весьма общими, а археологические памятники привязывались в них к крупным подразделениям антропогена. Так у В.И.Арембовского стоянки мадленско-азильской эпох относились ко "второй, или последней эпохе оледенения" (Арембовский, 1958, стр.46).

Конечно такое определение геологического возраста культурных комплексов было еще весьма условным.

Выход в свет ряда работ по геологии Сибири (Равский, 1959, 1960, 1961; Равский, Алексеев, 1960; Логачев, Ломоносова, Климанова, 1964; Равский, Цейтлин, 1965; Цейтлин, 1964, 1965) обеспечил более дробное подразделение геологической истории Приангарья в антропогене. Стало, наконец, возможным ввести в действие такой важный индикатор, как данные определения абсолютного возраста по радиоуглеродному методу (Чердынцев, 1956, 1961; Чердынцев, Алексеев, Книд ... 1966).

Все это в целом позволило сопоставить наблюдения по геологии мезолитических памятников Приангарья с предложенными схемами геохронологии и таким образом привязать культурные комплексы мезолита к конкретным событиям естественной истории конца плейстоцена - начала голоцена, а также произвести внутри их хронологию.

ческое подразделение. С другой стороны, достижения в области геологии антропогена обеспечивали более четкую, чем прежде, синхронизацию мезолитических памятников Приангарья с памятниками как соседних, так и более отдаленных регионов.

Результаты проведенных работ были частично обобщены автором статьи и М.П.Аксеновым в ряде публикаций, посвященных исследованиям стоянок Черемушник I, Усть-Белая, Верхоленская Гора (Медведев, Аксенов, 1963; Аксенов, 1966, 1966а; Медведев, 1966; Аксенов, Медведев, 1967; Медведев, 1967).

В статьях выдвигались возражения против определения Усть-Белой, Верхоленской Горы и аналогичных им местонахождений в Приангарье палеолитическими памятниками, отвергалась трактовка их инвентаря как "макролитического".

Авторы исходили из положения, что тот или иной археологический комплекс может быть определен мезолитическим лишь на основе анализа суммы признаков, какими должны являться морфология всего в целом (а не выборочно) инвентаря, характеристика хозяйства, данные естественных наук.

Но все эти взгляды были изложены очень кратко, зачастую носили характер тезисов или предварительных сообщений. Авторы оперировали по преимуществу материалами двух памятников - Усть-Белой и Верхоленской Горы.

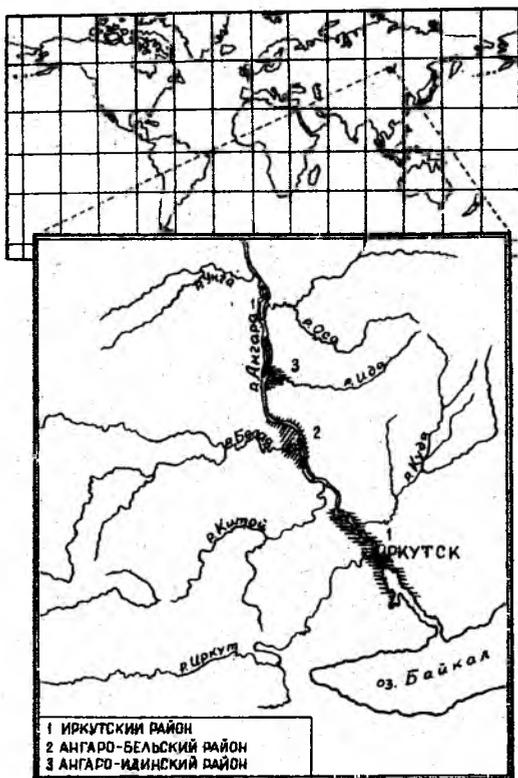
Первый и планируемый вслед за ним второй выпуски "Мезолит Верхнего Приангарья" должны дать по возможности полную сводку материалов известных местонахождений мезолита и тем самым дополнить и расширить фактологическую базу и теоретическую часть "мезолитической" проблемы.

Заканчивая более чем сжатый очерк истории развития "мезолитической" проблемы в Приангарье, мы хотим коротко резюмировать, что весь ход развития археологических исследований в Приангарье до конца 50-х годов нынешнего столетия объективно вел к тому, что изучение позднейших донеолитических памятников шло не столько по линии расширения фактологической базы, сколько по пути неоднократного переосмысливания старых материалов. Последнее в свою очередь заставляло исследователей строить выводы на основе противопоставления сибирского материала привычным эталонам европейской классификации. Все это означало, что изучению подлежала лишь внешняя сторона культуры, внутренние закономерности ее развития оставались глубоко в тени. Их эквивалентом искусственно и

выборочно становились формальные признаки. Отсюда и брал начало "особый", "сибирский", "безмезолитический" путь развития общества от палеолита к неолиту.

ПАМЯТНИКИ МЕЗОЛИТА ВЕРХНЕГО ПРИАНГАРЬЯ

Г.И. МЕДВЕДЕВ, А.М. ГЕОРГИЕВСКИЙ,
И.Л. ЛЕЖНЕНКО, Г.Н. МИХНЮК, Н.А. САВЕЛЬЕВ

Верхнее Приангарье охватывает участок долины р. Ангары от ее истока до Братских порогов. В статьях сборника рассматривается территория еще более ограниченная. Прежде всего выпадает 60-километровый участок Иркутского водохранилища неохарактеризованный стратифицированными находками мезолита. В таком же положении находится почти 450 - километровый участок Братского водохранилища от устья р. Иды до порогов. Таким образом, под "мезолитом Верхнего Приангарья" понимается группа памятников, сконцентрированная на 160-километровом отрезке ангарской долины от г. Иркутска до устья Иды - правого притока Ангары.

В геоморфологическом отношении⁵ рассматриваемый нами участок относится к югу Средне-Сибирского плоскогорья и входит в район Иркутско-Черемховской предгорной равнины, примыкающей широкой полосой к подножью Восточного Саяна.

Максимальные отметки плоских поверхностей междуречий колеблются в пределах 550-728 м. Превышение водоразделов над днищами долин 100-170 м.

Для равнины характерно наличие широких долин рек, выработанных в юрских, легкоразрушаемых породах.

Главная водная артерия района - Ангара течет на северо-запад, принимая в пределах рассматриваемого участка три крупных левых притока - Иркут, Китой и Белую и три менее значительных правых - Ушаковку, Куду, Иду. Рельеф склонов ангарской долины на всем протяжении создан деятельностью Ангары и ее притоков.

5. Сведения по геоморфологии Верхнего Приангарья извлечены нами из работ Н.И. Соколова (1934), С.С. Воскресенского (1959, 1962), Н.А. Логачева (1958, 1964), Г.П. Вологодского (1965).

Склоны долины резко асимметричны. От истока до Иркута левый берег крутой и слаботеррасированный, правый же более пологий и на нем лучше всего развиты речные террасы.

Ниже Иркутска характер долины Ангары иной: правый склон становится крутым и скалистым, а левый представляет собой широкое днище долины, плавно переходящее в склоны и водоразделы.

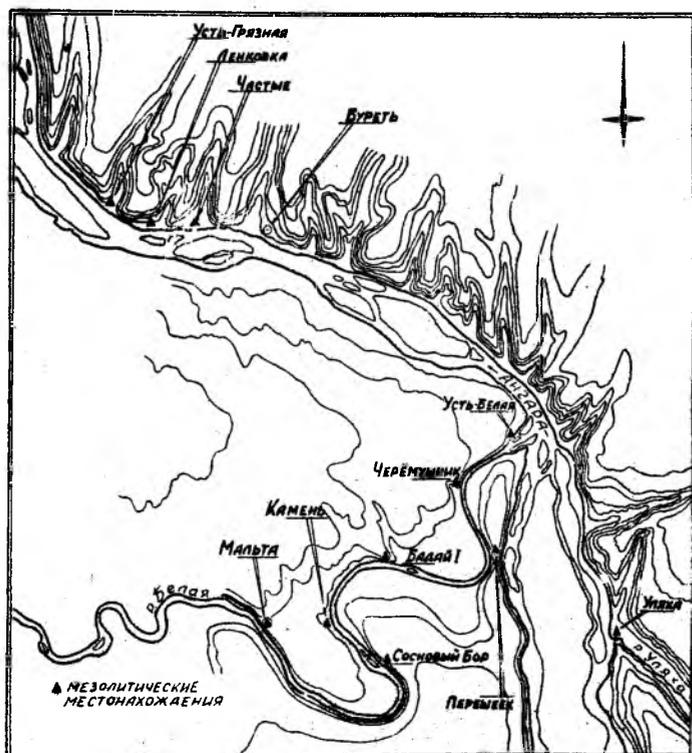
В долине Ангары выделяются 8 террас высотой от 4-6 м до 120-150 м. Комплекс низких террас (4-6 - 30-40 м) с дислоцированными на них археологическими памятниками наиболее полно и отчетливо представлен в приустьевом участке р.Белой.

В археологическом отношении изучена лишь долина самой Ангары. Из притоков только долина р.Белой в ее нижней части подвергалась активному археологическому исследованию.

Исходя из современного состояния изученности мезолитических памятников Верхнего Приангарья, подразделяем их по территориальному признаку на три района концентраций: Ангаро-Идинокский, Ангаро-Бельский и Иркутский.

СТОЯНКИ АНГАРО-БЕЛЬСКОГО РАЙОНА („БАДАЙСКИЙ” КОМПЛЕКС)

Г.М. МЕДВЕДЕВ, А.М. ГЕОРГИЕВСКИЙ,
Г.Н. МИХНЮК, Н.А. САВЕЛЬЕВ

Стоянки Ангаро-Бельского района сосредоточены на 26-километровом отрезке нижнего течения р.Белой и на участке правого берега р.Ангара от устья р.Уляхи до пади Семеновской (37 км).

Правый ангарский берег в пределах района высокий и крутой слабо-террасированный, с относительными отметками 100-150 м от зеркала Ангары. Он расчленен многочисленными падами, в большинстве своем узкими и глубокими, хорошо облесенными, но в основной массе сухими, не имеющими выходов грунтовых вод.

К устьям этих падей и к приустьевому участку долины реки Уляхи приурочены все известные памятники мезолита.

Поскольку р.Ангара плавно изгибает здесь свое русло в северо-западном направлении, древние стоябища имеют западно-юго-западную экспозицию и хорошо укрыты от северных ветров правобережными высотами.

Левый берег низкий, отлогий, с плавными перегибами денудированных речных террас, относительные отметки которых колеблются в пределах 60-70 м. Последние значительно удалены от современного берега как р.Ангара, так и р.Белой. Левый ангарский берег не имеет сколько-нибудь удовлетворительно изученных памятников до керамического времени. Буреть II, расположенная ниже устья р.Белой и несколько местонахождений в районе г.Усолья-Сибирского и пос.Тельмы, сильно разрушены и неохарактеризованы ни в геологическом, ни в археологическом отношении.

Все известные памятники левобережья сконцентрированы в долине р.Белой, достаточно широкой, хорошо выработанной, с четко-выраженным комплексом низких террас (I-III).

Всего в рассматриваемом районе насчитывается 15 местонахождений донеолитического возраста, которые мы относим к мезолиту.

Интересующие нас памятники распределяются следующим образом:

7 стоянок - Уляха, Олонки, Пономарево, Частые, Ленковка, Усть-Грязная - на р.Ангаре.

9 стоянок - "верхнее пятно находок" на стоянке Мальта, Маль - тинка, Каменоломня, Камень (Шамотный завод), Сосновый Бор, Бадай I, Перешеек, Черемушник I, Усть-Белая - на р.Белой.

Не все из этих местонахождений могут быть привлечены к специальному рассмотрению, ввиду слабой изученности отдельных из них и фрагментарности материала.

Так, из Ангарской группы по этой причине, приходится исключить Пономарево, Олонки, из бельской - Мальтинку, Камень (Шамотный завод) и Каменоломню.

Мезолитические погребения в падах Частые, Усть-Грязная, а также погребение в пади Хиньской из Ангаро-Идинского района мы выделяем в особую группу и рассматриваем отдельно.

Памятники мезолита Ангаро-Бельского района интересны уже тем, что являясь значительно сближенным во времени и составляя до - вольно "тесную" хронологическую цепочку, они дислоцированы на различных террасовых уровнях, залегают в различной стратиграфической ситуации и дают разнообразный по содержанию археологический материал. Это, естественно, вызывает определенные трудности в сопоставлении культурных комплексов отдельных местонахождений, но, с другой стороны, позволяет представить себе облик существовавшей здесь в мезолите общности, которую мы вслед за М.М.Герасимовым именуем "бадайской", причем, представить ее не в статике короткого отрезка времени, а в динамике развития на протяжении всего мезолитического периода. Конечно, такое представление во многом еще схематично, не во всех моментах равноценно обеспечено фактическим материалом, но все же оно дает нам возможность проследить эволюцию мезолитической культуры в данном районе, вплоть до рубежа неолитической эпохи.

Описание памятников Ангаро-Бельского района мы начинаем с местонахождения у с.Бадай, материалы которого послужили основой для наименования всей группы памятников "бадайской культурой".

БАДАЙ I

Местонахождение на левом берегу р.Белой в 6 км выше ее устья у села одноименного названия.

Культурные остатки встречаются на поверхности 10-15 метровой террасы у верхней окраины села и далее вверх по реке на 18-25 метровой террасе вплоть до поселка Шамотный завод. Общая протяженность местонахождения вдоль берега около 1,5 км. Свообразными естественными рубежами, разделяющими его, являются два распада. Первый из них, находящийся за верхней окраиной с.Бадай, как бы разделяет стоянку на две части. Второй (верхний), расположенный у нижней окраины пос.Шамотный завод, отделяет Бадай I от местонахождения Шамотный завод (или "Камень", см.Сосновский, 1936).

Общая фронтальная экспозиция стоянки Бадай I - юго-юго-восточная. В глубину террасы находки распространены неравномерно, удаляясь иногда от берега до 1,5-2 км, но большей частью встречаются в 50-100 метровой полосе у бровки II и III террасы.

Едва ли можно сомневаться в том, что под именем Бадай I скрывается несколько отдельных стоянок, одновременных в рамках определенного периода развития материальной культуры, но в общем асинхронных, являющихся результатом периодического, многолетнего посещения людьми одного и того же района.

История исследования Бадая I очень бедна событиями. Где-то в окрестностях села в 1895 году М.П.Овчинников поднял несколько изделий из камня, написав на некоторых из них собственной рукой "Бадай 1895". Это были первые сборы на стоянке. В 1929 году Бадай I был "вторично открыт" М.М.Герасимовым, Г.Ф.Дебецом и Хороших П.П., собравшими здесь небольшую коллекцию подъемного материала.

Первые небольшие раскопки были проведены лишь в 1957 г. археологическим отрядом Иркутского университета под руководством П.П.Хороших.

Наконец, в 1966 году Ангарским археологическим отрядом Иркутского университета были сделаны зачистки обнажений на 18-25-метровой террасе.

Благодаря раскопкам П.П.Хороших и нашим зачисткам, мы можем составить достаточно определенное мнение о стратиграфическом положении культурных остатков. На всем полуторакилометровом

участке они залегают очень неглубоко от поверхности, в желто-бурых супесях. Максимальная глубина залегания — до 40 см. Супеси желто-бурой окраски, мощность которых не превышает 35-40 см, подстилаются палевым карбонатным суглинком. Контакт слоев резкий, иногда очень неровный, на контакте встречается мелкая дресва. При высыхании палевый суглинок подвергается сильной цементации. Мощность его различна, но не превышает 45-50 см. Палевым суглинком прикрыта слабослоистая толща супесей и суглинков с бурыми и ржавыми слюйками в нижней части. Толща покоится на галечниках, перекрывающих цоколь, сложенный из доломитов кембрийского возраста.

Культурные остатки встречаются в верхней и средней части желто-бурой супеси. Неглубокое залегание обеспечило сравнительно легкое выпахивание кремня, в силу чего на пашнях во множестве встречаются отщепы, куски битого кремня, изделия из кремня и кварцита. Кроме отдельных фрагментов керамики железного века и редких обломков железных предметов, возможно бурятского происхождения, других остатков здесь не встречено. Это дает основание считать, что находки кремня в подъемном материале относятся к одному культурному комплексу. В этом убеждает и его полное сходство с материалами из раскопок и зачисток.

Культурные остатки Бадая I представлены исключительно изделиями из камня и отходами от их производства. Орудий из кости нет. Нет и фауны. В одном случае на поверхности пашни был найден зуб лошади плейстоценового возраста, покрытый известковой коркой, но нет уверенности в том, что он синхронен остаткам древней культуры.

Количество находок в районе местонахождения Бадая I составляет сейчас в общей сложности около 100 предметов, преимущественно изделий. Среди них следует отметить топорovidное орудие из массивной гальки кварцита (Аксенов, 1966а, рис.7, I), "чоппер" из гальки окремненной породы (табл. I-3), нож из массивного отщепа кремня с двусторонней обработкой лезвия (табл. I-1) и серию нуклеусов грубопризматической формы со скошенными площадками (табл. I-2).

ПЕРЕПЕЧАТ

Местонахождение в излучине правого берега р. Белой против

нижней окраины с. Бадай, на восток от нее. Название Перешеек дано древнему памятнику в связи с его особым положением между долинами двух рек - Ангары и Белой. Расстояние между ними в этом месте 150-200 м. Относительно ровные поверхности III и IV террас обрываются к Ангаре и Белой отвесными скальными обнажениями, протяженностью около 1,5 - 2 км.

Впервые следы каменного века были зарегистрированы в данном пункте летом 1959 года во время археологической экскурсии.⁶ Находки обработанных кремней отмечались на большой площади как на ангарском, так и на бельском берегу.

Летом 1966 года Ангарским археологическим отрядом Иркутского университета на памятнике были проведены шурфовочные работы. Три шурфа были заложены на 300-метровом участке бельского берега.

Характер отложений в этом районе, согласно разрезу в шурфе № 3 (табл. 2-1) следующий:

	Мощность в метрах
1. Почвенно-растительный горизонт	0,10 - 0,15
2. Красновато-бурая супесь гумусированная в кровле и слегка осветленная в подошве	0,40 - 0,50
3. Палевая, рыхлая, оглиненная, обизвесткованная супесь. На контакте с красной супесью, хорошо прослеживаются следы размытой погребенной почвы. Линия контакта четкая	0,40 - 0,50
4. Дресвяно-гравийный горизонт красновато-оржавого цвета. Этим горизонтом, по всей вероятности, уничтожены более древние отложения желтоватых суглинков. В этом убеждают остатки клиновидных внедрений в нижележащую толщу, заполненных этими суглинками. Верхние части клиновидных трещин срезаны гравийным горизонтом	0,05 - 0,08
5. Главные пески, гравий, галька, конгломераты	около 4,00 м

Культурные остатки залегают в средней части слоя 2 на глубине 40-45 см. Аналогичное положение культурных остатков зафикси-

6. В сообщениях Г.П. Сосновского (1936) и М.М. Герасимова (1935, 1940) нет указаний на то, что это местонахождение было известно, хотя трудно предположить, чтобы в своих разведочных маршрутах они могли миновать его. В 1959 году автором совместно с М.П. Аксеновым и П.Б. Коноваловым здесь были произведены сборы подъемного материала с поверхности пашен. Тогда же местонахождение было наименовано "Перешеек".

ровано и в остальных шурфах. Плотность находок в плане очень велика.

На стоянке ни в шурфах, ни в подъемном материале не зафиксировано остатков керамики или изделий из камня неолитического облика. Это позволяет материалы из шурфов и подъемные сборы считать принадлежащими к единому комплексу. На стоянке в настоящее время собрано 370 обработанных кремней.

В составе находок преобладают отщепы серого и темно-серого кремня (300), встречающегося в виде прожилки в доломитах кембрия и отдельными валунчиками в перекрывающих цоколь галечника юрского возраста.

Изделия из камня представлены архаичными формами нуклеусов, уплощенными многоплощадными (табл.2-7), грубопризматическими, клиновидными и призматическими с двумя противоположными поверхностями скалывания нуклеусами (табл.2-6), скребком из пластинчатого скола белого кремня (табл.2-9), заготовкой (?) топорика (табл.2-8), заготовками различных изделий и клиновидных нуклеусов, пластинками и отщепами. После отщепов пластинки составляют наибольшую по количеству группу - 25 экземпляров.

Изделий из кости в составе находок не обнаружено. Нет пока и остатков фауны. Стратиграфическое положение находок и их внешний облик свидетельствуют о идентичности местонахождения по времени и культуре стоянке Бадаи I.

ЧЕРЕМУШНИК I

Стоянке в местности Черемушник археологи уделили значительно больше внимания, чем Бадаю I и Перешейку. Благодаря этому, мы располагаем и более многочисленной коллекцией каменных изделий этого памятника.

Открыта стоянка была М.М.Герасимовым в конце 20-х годов, им же в 1936 году впервые здесь были проведены разведочные раскопки, установившие, что культурные остатки залегают сразу под почвенно-растительным горизонтом в слое коричнево-бурого суглинка (Герасимов, 1940).

В 1957 году здесь производил сборы подъемного материала археологический отряд Иркутского университета под руководством Хороших П.П.

В 1959 году на территории стоянки была заложена серия разве-

дочных шурфов. Работы осуществлялись археологическим отрядом Братской геолого-палеонтологической экспедиции БСФ АН СССР.

В 1960 г. археологическим отрядом Иркутского областного музея по результатам работ предыдущего года на Черемушнике были проведены небольшие раскопки, которые затем продолжались в 1962 году силами Ангарского археологического отряда Иркутского университета. В обоих случаях работы были кратковременными и носили характер рекогносцировочных. В итоге было вскрыто всего 33 м².

В 1966 г. Ангарский археологический отряд Иркутского университета возобновил работы на стоянке, заложив несколько шурфов.

Местонахождение расположено на левом берегу р. Белой в ее излучине, в 3 км выше устья. Находки в подъемном материале дислоцированы на отметках соответствующих уровням II (10 - 15 м), III (18-25), IV (25-30), V (30-35) террас. Общая их экспозиция здесь юго-восточная. Подошва II и III террас удалена от современного берега (бровка высокой поймы) на 150-300 м. Распространение находок по поверхности отмеченного комплекса террас чрезвычайно широкое и представляется сплошными, производя впечатление единого, монолитного комплекса, хотя без сомнения, здесь сконцентрирован ряд отдельных поселений, возможно, различного возраста.

Стоянка Черемушник I, в узком понимании этого наименования, расположена на склоне с отметками III и IV террас. Склон обращен на юго-восток. Ограниченный с востока отвесным скальным уступом доломитов кембрия, а с запада - древней овражной выемкой, он образует своеобразный мыс.

Здесь был заложен первый раскоп М.А.Герасимова, здесь же ниже первого раскопа, у правого борта оврага, на самой оконечности мыса были проведены раскопки 1960 и 1962 гг.

Разрез стоянки Черемушник I, полученный в результате раскопок и опубликованный М.П.Аксеновым (1966), имеет следующий вид:

	Мощность в м
1. Бурый задержанный слой	0,10 - 0,12
2. Буровато-коричневая гумусированная супесь	0,12 - 0,15
3. Прослойка заизвесткованной лессовидной супеси	0,03 - 0,30
4. Беловатая слабоизвестковистая лессовидная супесь	0,25 - 0,30
5. Желтоватая супесь	0,50 - 0,55

6. Супеси, илы, суглинки (аллювий)
видимая мощность

свыше 2 м

Культурные остатки фиксировались в буровато-коричневой гумусированной супеси и в лессовидной карбонатной прослойке, которая, собственно, являлась верхней частью единого карбонатного горизонта (слои 3 и 4). Особенно четко положение находок на контакте с лессовидной супесью отмечалось в юго-западном углу раскопа, где было обнаружено некое подобие очага (см. Аксенов, 1966). В то же время в слое буровато-коричневой супеси отмечалось какое-то странное переслоение находок. Они располагались как бы в три горизонта, но не сплошь, а гнездами и поэтому четкого членения произвести было невозможно. Кроме того, из этого же слоя, отмечались карманообразные внедрения находок отдельными скоплениями в подстилающий горизонт палевой супеси.

Установление факта положения находок в кроше карбонатных лессовидных супесей имело тогда для нас большое значение.

Благодаря этому, появилась возможность сопоставить разрез Черемушника с разрезом Федяево (Астахов, 1963). На Федяево культурные остатки были зафиксированы также в палевых карбонатных супесях. Определенная фауна - северный олень, бизон, лошадь - составляла типичный плейстоценовый (верхне-палеолитический) комплекс. Находящиеся в составе фауны лось и косуля - голоценовые виды - придавали комплексу особый облик переходности.

Найденные на Черемушнике I осколки зубов лошади и астрагал косули позволяли предположить здесь аналогичный Федяево палеонтологический комплекс.

С.Н. Астахов датировал Федяево концом Сартанского оледенения. Этой дате должен был соответствовать и культурный комплекс Черемушника I. Впоследствии, в соответствии со схемой членения последнего ледниковья Сибири (Цейтлин, 1965), геологический возраст памятника был уточнен: он помещался в верхней подгоризонт Сартанского оледенения (Медведев, Аксенов. 1963; Аксенов, Медведев, 1967).

Наблюдения на Черемушнике I и сопоставление их с материалами Федяева позволили нам все памятники, культурные остатки которых были заключены в карбонатных лессовидных супесях и суглинках, считать в геологическом отношении позднеплейстоценовыми и определять их археологический возраст ранним мезолитом.

Однако, принятие карбонатных горизонтов, дислоцированных под

современными почвенными образованиями, за таксономическую единицу и за датированный индикатор, вызвало, если не возражение, то, по крайней мере, сомнение со стороны геологов.⁷ Возникла необходимость специальных стратиграфических работ.

В связи с этим в 1966 г. возобновились работы на Черемушнике I и соседних с ним однотипных памятниках.

В итоге были получены новые интересные данные, позволившие внести определенные коррективы в прежние представления об этих стоянках и их соотношении между собой.

На Черемушнике I были заложены шурфы на 25-28 метровых отметках в 40-50-60 м северо-западнее и выше раскопов 1960-1962 гг. Мы приводим наиболее полный разрез стоянки в этом районе по шурфу № 3.

Характер отложений сверху вниз следующий (табл.3-I):

	Мощность в м
1. Почвенно-растительный горизонт в прошлом подверженный перепашке	0,10
2. Красно-бурая оглиненная супесь. В подошве слоя прослеживаются клиновидные внедрения криогенного характера, разрывающие подстилающие отложения на глубину до 1,20 м. В устье трещины - до 0,30 м. В средней части не превышают 0,10 м. В плане образуют полигональную сетку. Заполнение рыхлое, выполненной той же красно-бурой супесью	0,16-0,20
3. Палевая, лессовидная, пылеватая карбонатизированная супесь. В кровле тонкие прослойки погребенного гумуса с включением значительного количества дресвы. Более крупные дресвяно-гравийные фракции отмечаются и на контакте с подстилающим слоем. Здесь же в подошве слоя отмечены неглубокие и узкие клиновидные внедрения, связанные, возможно, с сухим растрескиванием почвы. В одной из наиболее крупных трещин отмечен затек дресвы	0,07-0,20
4. Белый плотный суглинок, неслоистый в кровле и слоистый в подошве. Средняя часть толща сильно смята процессами солифлукции. Нижняя часть, сложенная слегка волнистыми слоями белого суглинка и ржавых песков, в верхнем своем отделе, как бы срезана криогенными процессами деятельного слоя	0,68-0,78
5. Галечники, цементированные ржавыми песками и глинами, видимая мощность до	0,80

7. Н.А.Логачев высказал сомнение в древности палевых карбонатных супесей, мотивируя его возможностью известкования в результате современных почвенных процессов.

Культурные остатки заключены в кровле слоя 2 на глубине 15-20 см. Точно такое же положение находок кремня зафиксировано и в трех других шурфах. Незначительные отклонения наблюдаются лишь в глубине залегания от поверхности, что связано с колебаниями мощности почвенно-растительного покрова и мощности слоя желто-бурой супеси, включающей находки.

Аналогичное положение находок зафиксировал в свое время М.М. Герасимов (1940). Поэтому будет правильным в стратиграфии памятника принять за основу наблюдения автора первых раскопок и считать, что культурный горизонт лежит не в палевой карбонатной супеси, а выше нее.

Отмеченное в раскопках 1960 и 1962 гг. на Черемушнике I положение находок на контакте с палевой супесью и в ее кровле следует отнести за счет интенсивного склонового смыва, так как раскопками вскрыта часть стоянки, расположенная на самом краю левого борта древнего оврага.

Зафиксированная в разрезе погребенная почва со следами размыва, или развараживания, в соответствии со схемой членения последнего оледенения (Цейтлин, 1965) может быть сопоставлена со средним подгоризонтом Сарганского оледенения (интерстадиалом).

В этом как будто убеждают и морозобойные трещины, которые, возможно, отражают последнее обострение криогенных процессов конца плейстоцена.

Положение культурных остатков выше уровня, захваченного процессами морозного растрескивания заставляет нас воздержаться от определения геологического возраста стоянки Черемушник плейстоценом.

Мы склонны датировать его ранним голоценом или хронологической границей плейстоцен-голоцен около 11000-10000 лет.

В характеристике материальной культуры обитателей стоянки Черемушник I мы можем опираться лишь на комплекс изделий из камня.⁸

Общее число находок обработанного камня на Черемушнике I, собранных в раскопах, шурфах и в подъемном материале⁹, превышает сейчас 4000 единиц.

8. Планировка поселения до сих пор остается неясной. Каких-либо бытовых или хозяйственных комплексов, кроме отмеченного уже кострища - очага - не обнаружено.

9. Все находки кремня в подъемном материале происходят из одного культурного горизонта. Предметов более ранних или более поздних периодов на стоянке до сих пор не обнаружено (Аксенов, 1966а).

Однако, при относительной многочисленности, коллекция Черемушника I не отличается сблизием серий изделий из камня.

Как повсеместно в Приангарье, подавляющую часть находок здесь составляют отщепы. Отщепы кремня местного происхождения из доломитов кембрия или юрских конгломератов в основной массе представлены мелкими и средними экземплярами. Крупные отщепы получены с речных валунов мелкозернистого кварцита.

Группа призматических пластинок в коллекции Черемушника I очень немногочисленна и однообразна: подавляющее большинство представлено микропластинками (табл.4 - 1,2,3,4,5,6,7), хотя наличие единичных крупных сколов (табл.4 - 8,9) с призматических нуклеусов может свидетельствовать о применении в производстве обитателями Черемушника пластин различной величины. Изделия из пластин, не считая нескольких экземпляров средней величины с так называемой "рабочей ретушью", ограничиваются единственным острием, которое Аксенов М.П. именует наконечником стрелы (Аксенов, 1966)¹⁰ и которое на самом деле скорее является проколкой или сверлышком. В этом изделии обращает внимание тонкая, искусно нанесенная двусторонняя ретушь, оформлявшая обломанное острие.

Нуклеусы Черемушника I составляют три типологические серии: архаичные многоплощадные, приближающиеся иногда к диску (табл.4 - I3), грубопризматические (табл.4 - I0,I2,I4), клиновидные в нескольких вариациях и мелкие призматические. Среди последних интересен тип нуклеуса с двумя поверхностями скалывания, отмеченный нами также на стоянке Перешеек и встречающийся в дальнейшем в инвентаре пачки поздних горизонтов Усть-Белой (табл.4 - II).

Особый интерес вызывает немногочисленная, но выразительная серия орудий типа долотовидных инструментов. Они изготовлены или из кусков кремня, или из пластинчатых сколов (табл.3 - I0). Характерным признаком их является двусторонняя подтеска одного из концов орудия, сообщающая им облик "плотничьего" инструмента. Последний тип - ни что иное как "пластинка с концевой подтеской" (*Pieces e'cailles*)¹⁰ как и на других стоянках Ангар-Бельского района этот тип дополняется "нестандартными" формами, приближающимися к примитивному типу топора (табл.5 - I,2).

10. В свое время мы считали этот предмет предшественником хиньских "архаичных" наконечников стрел (Медведев, 1966), что оказалось неверным.

Характерной группой инвентаря Черемушника I являются скребла.

Все скребла изготовлены из отщепов кварцита приемом односторонней обивки. При этом ретушь, нанесенная ударами с бржлка, бывает то более короткой и крутой, то более плоской и длинной. Несомненно, в группе этих изделий есть и ножи, причем особой, остроконечной формы, и обыкновенные скребла.

Отсутствие анализа рабочих функций группы скребел-ножей не позволяет произвести внутри нее подразделение по этому признаку. Поэтому остается лишь чисто внешний признак, согласно которому мы и выделяем отмеченную выше остроконечную форму.

Для нее характерна тщательная специальная обработка острого конца изделия, то в виде двусторонней концевой подтески, то в виде приострения обуха. (табл.5 - 4,5).^{II} Ретушь, оформляющая лезвие - длинная и плоская, край лезвия выровнен и приострен мелкой отжимной ретушью.

Скребла из отщепов с короткой крутой ретушью не имеют определенного стандарта и выполнены из разнохарактерного кварцитового материала.

Орудий двусторонней обработки в коллекции Черемушника немного. Они представлены двумя ножами с овальным лезвием, напоминающим "Ула" Верхоленской Горы (табл.5 - 3),¹² широким ножом (заготовкой) из кварцита и тремя оригинальными изделиями, которые были отнесены М.П.Аксеновым к топорам (табл.3 - 9) (см.Аксенов, 1966, рис.8 - 3,4,5).

Относительно последнего типа орудий с двусторонней обработкой следует сказать несколько слов. Изучение этого предмета под микроскопом при различном увеличении показало, что на чрезвычайно тупом для рубящего изделия "лезвия" работанность выражена локально и иногда под очень большим углом к продольной оси орудия (более 45°). Кроме "лезвия", работанность в виде сплошной сетки царапин выражена на узком конце орудия, причем направление царапин противоположно общей направленности следов работанности на

II. В Приангарье этот тип орудия характерен пока лишь для Черемушника и соседних с ним, синхронных ему "Бадайских" стоянок. Аналоги ему обнаруживаются только на Енисее, в частности, в инвентаре стоянки Улазы.

12. Оба они выполнены из кремня. Обивка плоских краев очень тщательная. Но это - не ножи изделий Верхоленской Горы. И в округлом тупом конце - "пятке", и в слегка задернутом остром - во всем чувствуется своя манера исполнения.

"лезвий". Далее, сам характер следов сработанности в обоих случаях происходит не от работы по мягкому материалу, а производит впечатление специальной заточки на камне. Более того, на узком конце "орудия" многие царапины оставлены от взаимодействия с кремнем: они глубокие, короткие, неровные, с "рваными" краями. На одной плоскости орудия выделяется небольшая зона выпуклости сплошь покрытая короткими, но глубокими выбоинками и царапинами, расположенными хаотично, что указывает на употребление орудия в качестве отжимника. Видимо, что и было основным назначением орудия. То же можно сказать и о экземпляре с Верхоленской Горы II, на который ссылается М.П.Аксенов (1966; см.Медведев, 1961, рис.3, 24). Можно было бы считать эти изделия заготовками "гобийских" нуклеусов, но у нас нет в этом уверенности. Мы оставляли их в разряде "ладьевидных орудий" со специфическими рабочими функциями.

В целом, группа двустороннеретушированных изделий Черемушника I производит впечатление разнохарактерной. Она дает нам основание говорить пока лишь о наличии в арсенале приемов обработки кремня обитателей Черемушника I бифациальной техники и о применении ее для изготовления орудий, формы которых в общем близки, но в деталях специфичны по отношению к давно известным изделиям Верхоленской Горы.

Скребки Черемушника I немногочисленны. Изготовлены они из отщепов или пластинчатых сколов. Выделяются среди них: скребки с "выемками", концевые скребки, "боковые", "высокий" тип и микро-скребки.

Резцы представлены шестью экземплярами. Один угловой, напоминающий отдаленно мальтинский тип (табл.3 - 5) и пять трансверсальных (табл.3 - 3,4).

Изделий из целых или расколотых галек на Черемушнике чрезвычайно мало. "Чошперов", в полном смысле слова, здесь нет совершенно. Их заменяют подчетырехугольные скобели (или тесловидные орудия) с обозначенными слегка боковыми выемками (табл.5 - 6).

Галечными орудиями исчерпывается набор изделий в коллекциях Черемушника.

МАЛЫТА

(верхнее пятно находок)

Обнаружено М.М.Герасимовым в 1932 году при раскопках палеолитической стоянки одноименного названия. Культурные остатки залегали на 50 см. выше основного слоя и на глубине 45 см от сов-

ременной поверхности. М.М.Герасимов отмечает, что вскрытый комплекс практически не имел территориального распространения. Это было именно "пятно" находок, сконцентрированных вокруг плит известняка со следами огня. Возможно, комплекс представлял собой именно то, что называется в археологической литературе "кратковременным охотничьим лагерем". Согласно предварительной публикации в комплекс "верхнего пятна находок" входили сходные, судя по рисунку с изделиями Бадая I - Черемушника, скребла и двустороннеобработанные ножи, скребки, отщепы. Найденные здесь кости животных принадлежат быку и северному оленю. Но автор раскопок указывает, что подобное определение предположительное (Герасимов, 1935). Таким образом, единственная, после Усть-Белой, коллекция фауны из комплекса "Бадайской" группы остается под сомнением.

УСТЬ-БЕЛАЯ

Многослойное поселение Усть-Белая является в настоящее время одним из интереснейших памятников Приангарья. Колодка культурных напластований этого памятника содержит остатки различных эпох: от раннего мезолита до железного века.

Особенно интересна нижняя часть культурной толщи, относящаяся к донеолитическому времени. Она заключена преимущественно в аллювиальных отложениях, что обеспечило четкое подразделение всего донеолитического комплекса на серию культурных горизонтов, изолированных друг от друга стерильными прослойками речных наносов. Возможность проследить последовательно жизнь самого древнего поселения Усть-Белая с подробностями, исключенными на любом другом памятнике, обеспеченность его обширным палеонтологическим материалом, наконец, наличие абсолютной даты, делают Усть-Белую одним из важнейших памятников мезолита в Приангарье.

История исследования Усть-Белой имеет своим началом 1928 год, когда М.М.Герасимов, в пешем маршруте собрал в колее дороги на территории стоянки первые отщепы, пластинки и нуклеусы.¹³

В 1934 году здесь был заложен первый шурф, а в 1937 году - первый раскоп, открывший для археологии Сибири уникальный памятник древнейшей истории (Герасимов, 1940, 1941), сразу же привлёкший к себе внимание археологов и геологов-четвертичников.¹⁴

13. Коллекция хранится в фондах Иркутского музея.

14. В 1940 г. разрез Усть-Белой изучался Н.В.Тюменцевым и Аремсовским (устное сообщение Н.В.Тюменцева). Несмотря на явную фрагментарность как геологического, так и археологического материала, сведения о памятнике, начиная с конца 30-х годов

Исследования, прерванные Великой Отечественной войной, возобновились в 1957 году. Работы производились отрядами: Л.А.Крижевской, Н.Н.Гуриной и М.М.Герасимова. Первые два отряда входили в состав Братской археологической экспедиции Ленинградского отделения института истории материальной культуры (начальник А.П.Окладников), археологический отряд М.М.Герасимова работал от Братской геолого-палеонтологической экспедиции Восточно-Сибирского филиала АН СССР, возглавлявшейся Н.А.Логачевым (Свинин, 1960).

В 1960 году, по окончании работ Братской геолого-палеонтологической экспедиции, исследование Усть-Белой было продолжено Иркутским областным музеем. М.М.Герасимовым совместно с автором настоящих строк был намечен примерный перспективный план исследования памятника, осуществление которого практически продолжается в настоящее время.

С 1961 года основную работу по исследованию Усть-Белой проводил Ангарский археологический отряд Иркутского университета, силами которого добыт обширный фактический материал, в значительной степени составивший основу нижеследующего описания.

Многослойное поселение Усть-Белая расположено на восьмиметровой левобережной террасе р.Белой, при впадении ее в Ангару, в 108 км на северо-запад от Иркутска и в 17 км на северо-восток от знаменитого палеолитического памятника Мальта. В этом месте р.Белая, вырываясь из своеобразного "коридора", образованного отвесными скалистыми берегами, создает относительно широкую приустьевую равнину, состоящую из комплексов речных террас высотой от 2-4 до 30-32 м.

Интересующая нас 8-ми метровая левобережная терраса прислонена к крутому склону 15-ти метровой скульптурно-аккумулятивной террасе и достигает местами в ширину 200 метров.

Как по берегу р.Белой, так и по берегу р.Ангара поверхность террасы неровная. На ней наблюдается серия задернованных песчаных всхолмлений, представляющая собой древние приустьевые отмели и валы. В свое время поверхность 3-метровой террасы гвлялась ложем левого основного рукава р.Белой. Прямо против устья располагались длинные песчаные острова р.Ангара, вызывавшие явления подпруживания и усиленную аккумуляцию наносов в приустьевом отрезке р.Белой.

постоянно вводились в том или ином контексте в работы археологов и геологов (Тюменцев, 1941; Арембовский, 1942, 1961; Окладников, 1950; Воскресенский, 1959).

Возникшие таким путем продольные гряды затем превратились в песчаные отмели и косы, которые не затапливались даже при средних паводках. Именно в этот период некоторые из них, будучи сухими и хорошо прогреваемыми, привлекли первых поселенцев-рыболовов и охотников.

Исследование этой наиболее древней части поселения ведется на сравнительно небольшом участке террасы, в ее верхней части, где она достигает ширины 60-70 м (табл.6).

Здесь, у бровки 8-метровой террасы, М.М.Герасимов в 1937 году заложил раскоп, в котором выделил 4 слоя, охватывающих период от азияль-тарденуазской стадии сибирского палеолита до эпохи позднего железа (Герасимов, 1940, 1941).

Работами 1957-1959 гг. было вскрыто и исследовано уже не 4, а 7 слоев. IV, V, VI, VII слои, разделенные маломощными стерильными прослойками речного песка, залегали совершенно изолированно друг от друга в пакке пойменных отложений в самой верхней части аллювия 8-ми метровой террасы. Нижняя граница залегания была отмечена на глубине 180 см от современной поверхности.

Общим итогом трехлетних работ явилась примерная схема относительной датировки слоев Усть-Белой, высказанная М.М.Герасимовым в качестве рабочей гипотезы и опубликованная в работе Н.А.Береговой (1960).

По этой схеме VII и VI слои датировались поздней стадией палеолита Сибири, V и IV - представляли собой мезолитический этап, ранее никем на Прибайкалье на поселениях не выделяемый. Генетическим продолжением и развитием двух последних являлся инвентарь III слоя, характеризующий "докерамическую" фазу неолита.

Работы 1960-1961 года, проводившиеся не только у бровки террасы, но и в глубине ее, уточнили и дополнили сведения по стратиграфии и материальной культуре нижних (VII-III) слоев.

Были установлен, в частности, факт слияния пяти нижних слоев в единый "объединенный" слой или горизонт. Слияние отмечалось в средней части террасы. На этом основании было высказано мнение о принадлежности VII-III слоев к одному периоду - мезолиту (Медведев, 1966).

В период 1962-1964 гг. серия раскопов разрежала 8-метровую террасу на всю ее глубину вплоть до тылового яма и выхода на II террасу. Одновременно вскрытия поверхности древнего поселения проводилось и по фронту, вдоль берега на 150-метровом участке.

Результаты работ внесли значительные изменения в характеристику мезолитического поселения в Усть-Белой.

Одним из основных итогов работы нужно считать составление полного сводного поперечного разреза I террасы, который в рассмотрении его сверху вниз имеет следующий вид (табл.7):

	Мощность в м
1. Почвенно-растительный горизонт	0,1-0,2
2. Красновато-бурая супесь, окрашенная в верхней части гумусом, плотная у бровки террасы и значительно опесчаненная у ее тылового шва	0,2-0,3
3. Желтовато-бурая пылеватая супесь, у бровки подстиляется мелкозернистым речным песком, прослеживается лишь до средней части террасы далее к тыловому шву сливается с нижележащим горизонтом	0,1-0,25
4. Мелкозернистый желтоватый неслоистый песок с включениями мелкой гальки из отложений II террасы прослеживается лишь в районе тылового шва и средней части террасы. Местами подстиляется мелкозернистым речным песком. В сторону бровки постепенно переходит в типично аллювиальные отложения следующей толщи напластований.	0,1-0,2
5. Аллювий I террасы. Подразделяется на две толщи: Верхняя толща - пойменные отложения-иловатые супеси серого цвета, горизонтально-слоистые, переслоенные песками мелкой и средней зернистости. В районе тылового шва и в средней части террасы разделены на две пачки - раннюю и позднюю - мощным наносом разнозернистого песка с включением гальки мелких, средних размеров, валунов хорошей окатанности и плохо окатанных обломков известняка. В поздней пачке пойменных отложений (у бровки террасы) отмечены четыре горизонта погребенного гумуса (торфянистые прослойки). Встречаются "вымоксти" из обломков кембрийского известняка - ледовые наносы - и редкие гальки различных размеров. В ранней пачке (у тылового шва и в средней части террасы) отмечается появление железистых окислов, иловатые супеси приобретают большую вязкость и более темный цвет. В сопряженных с ранней пачкой прирусловых отложениях (в сторону бровки) зафиксированы текстуры оползания. Нижняя толща - прирусловые отложения - или и суглинки большой вязкости с тонкой, волнистой слоистостью, переходящей в косую слоистость	4,00-4,40

6. Галечник, заключенный в крупнозернистом песке вместе с грубообломочным материалом - русловой аллювий. Видимая мощность

I.00

Культурные остатки мезолита заключены в отложениях 3-4 слоев и в верхней аллювиальной толще (обе пачки пойменного аллювия 5 слоя).

Во 2 и I слоях, соответственно, залегают остатки неолита и эпохи металла.

В свете новых данных пришлось отказаться от прежней схемы пятислойного членения мезолита Усть-Белой, которая возникла из наблюдений, произведенных в узкой полосе вдоль бровки террасы и в общем является предварительной.

По новой схеме, у бровки террасы вместо пяти слоев фиксируется 13 культурных горизонтов, 12 из которых заключены в аллювиальных отложениях с нижней границей в 2,50 м от современной поверхности. Все культурные горизонты разделены стерильными прослойками песков и супесей различной мощности - от 0,30 до 0,05 м.

Самый верхний горизонт находок, заключенный в 3 слое приведенного выше разреза и именовавшийся ранее в общей стратиграфической колонке поселения III культурным слоем, получил обозначение I мезолитического горизонта, прежний IV слой - II горизонта, в V слое выделено четыре горизонта (III-VI) и в VI-VII слоях старой схемы - семь горизонтов (VII-XIII).

По мере удаления от берега, в средней части и у тылового шва I террасы, 12 нижних горизонтов сливаются в делювиально-пролювиальных отложениях 4 слоя (см. описание разреза) в один компактный горизонт находок, названный - "объединенным". Одновременно происходит значительное поднятие нижней границы распространения культурных остатков мезолита к современной поверхности до 0,40-0,75 м. I горизонт, в силу малой мощности включающих его отложений, стратиграфически выражен здесь плохо и выделяется в процессе раскопок лишь на отдельных участках.

Ниже объединенного горизонта, в районе тылового шва (1,60 м) и в средней части террасы (0,80 м), в основании толщи разнозернистого песка с включением гальки и грубообломочного материала прослеживается размытый паводком горизонт находок, названных XIV.

XV горизонт находок заключен в пачке иловатых супесей на 0,20-0,30 м ниже XIV. Он прослеживается от тылового шва до средней части террасы. Далее, в сторону реки, он полностью размыт тем же

паводком, который уничтожил вышележащий горизонт и отложил мощную толщу песка.

XVI горизонт, лежащий ниже XV на 0,40-0,60 м, так же в иловатых супесях, охарактеризован находками пока лишь в средней части террасы.

Три кострища этого горизонта были обнаружены у самой кромки древнего берегового уступа.

По мере поднятия на уступ I2-I5 метровой террасы поведение XIV, XV и XVI горизонтов аналогично поведению I-III горизонтов в пределах I террасы: они сливаются в единый горизонт и уже на I0-метровой отметке входят в контакт с покровными отложениями II террасы. Здесь отмечены находки кремня.

Таким образом, в свете мезолитических горизонтов Усть-Белой совершенно отчетливо вырисовывается четкое двухчленное подразделение. Все культурные напластования делятся по стратиграфическому признаку на две пачки, которым соответствуют три этапа существования древнего поселения: 1. Пачка нижних горизонтов - ранний этап (XVI, XV, XIV); 2. Пачка верхних горизонтов - средний этап (XIII-II и "объединенный"): финальный этап - I мезолитический горизонт.

Ранний этап связан с тем временем, когда поселение располагалось на II террасе, а песчаный пляж I террасы использовался временно в различных производственных целях.

Средний этап совпадает с моментом завершения аккумуляции аллювия и наступившим затем обсыханием средней части I террасы. С этим периодом связывается перемещение сюда основного поселения. Линия временных костров передвигается, соответственно, в район современной бровки.

Финальный этап совпадает по времени с полным обсыханием I террасы. Поселение дислоцируется в районе современной бровки и смещается к В-СВ в сторону р.Ангара. Финальный этап завершает развитие мезолитической культуры Усть-Белой.

Таким образом, на памятнике фиксируется трехчленное подразделение мезолитического комплекса.

В геологическом отношении продолжительность жизни мезолитического поселения в Усть-Белой равна всему периоду аккумуляции пойменного аллювия I террасы и началу развития на его поверхности покровных отложений.

В абсолютном исчислении этот период едва-ли выйдет за рамки

3-4-х тысячелетий. Полученная для III-IV горизонтов дата по кости 8960±60 лет - Гин-96 (Чердынцев..., 1966) дает основание предполагать, что первые поселенцы появились в Усть-Белой около 10 тысячелетия, т.е. на грани голоцена и плейстоцена (Логачев..., 1964).

Это подтверждается и составом фауны, представленной на стоянке в виде "кухонных отбросов": косуля, лось, благородный олень, медведь, лисица, росомаха, домашняя собака, собер, современные грызуны, птица (ближе не определена), рыба - осетр, таймень, щука. (Определение О.В.Скалон, Н.М.Ермоловой, Л.Н.Иваньева, А.Г.Покатилова, А.Г.Егорова, Е.А.Цепкина, И.К.Лаврова, М.А.Ербаевой).

Голоценовый облик комплекса вполне очевиден. Данные палинологического анализа (В.М.Климанова) хотя и довольно скудные, свидетельствуют о наличии в ранний период поселения лесостепной обстановки, т.е. ландшафта, близкого современному.

Можно отметить соответствие материалов Усть-Белой, данным по I террасам других районов Прибайкалья, для которых устанавливается послеледниковый возраст слагающего их аллювия с абсолютными датами, близкими усть-бельской (Равский, 1959, 1960).

Таким образом, абсолютная дата в 10-11 тыс. лет, отмечающая начало голоцена, представляется наиболее вероятной для нижних горизонтов.

Датировать I мезолитический горизонт значительно труднее. Необходимо учитывать снижение темпа накопления аллювия в финальной фазе его аккумуляции и растянутость процесса образования покровных отложений, заключающих в низах остатки I мезолитического горизонта. Ориентировочно за верхнюю хронологическую границу мезолита Усть-Белой можно принять 7 тыс. лет.

Вне зависимости от точности определения возраста начального и конечного этапов в жизни мезолитического поселения, относительная продолжительность его существования не вызывает сомнения.

Судя по последним данным, только в пределах I террасы распространение культурных остатков мезолита охватывает площадь свыше 60000 м². Подобный размах может быть объяснен лишь продолжительностью обитания здесь одной или ряда родственных групп населения.

Описание материала, собранного во время раскопок мы приводим в соответствии с отмеченным выше подразделением по пачкам культурных горизонтов

РАННИЙ ЭТАП (XVI-XIV ГОРИЗОНТЫ)

Три наиболее ранних горизонта вскрыты на площади в общей сложности около 250 м². Здесь обнаружено 15 кострищ, распределяющихся следующим образом:

XVI горизонт - 3

XV горизонт - 10

XIV горизонт - 2 (размытые).

Общее количество находок в 3-х горизонтах составляет 8196 единиц, в состав которых входят: обработанный камень, изделия из кости и рога, фауна. 89% из них составляют отходы производства - отщепы, битый кремль и кварцит.

Среди 856 изделий из кремня и кварцита подавляющее большинство составляют грубые пластинчатые сколы (32%), снятые с грубопризматических, поддисквидных, многоплощадных нуклеусов, составляющих в общей сложности 25% от общего числа изделий. Призматические пластины различных размеров и изделия из них составляют 25%. Нуклеусы клиновидной и призматической форм - 2%, скребки - 3%, скребла - 1,1%, чопперы и прочие изделия из галек - 0,1%. В остальные 11% входят обломки, заготовки орудий, ножи из отщепов, отщепы с ретушью, массивное острие из крупного осколка кремня, наконечник из пластины с двусторонней обработкой, два острия с двусторонней обработкой, трансверсальные резцы, ретушеры и гальки-отбойники.

Среди 14 изделий из кости и рога - зуб острога, два шила, две костяные иглы (обломаны), "колотушка" из рога благородного оленя, пест из основания рога благородного оленя и несколько заготовок. В составе фауны (393 единицы); наибольшее количество костей принадлежит косуле (184) и рыбам (75).

Перечисленные находки в XVI и XV горизонтах были сконцентрированы около кострищ. Кострища представляют собой различной величины зольно-углистые пятна с хорошо выраженными зольниками в центре и рассеянными по периферии кострищ мелкими древесными угольками. В разрезе они линзовидной формы. Под центром кострища обычно прослеживается горизонт прокаливания красно-бурого цвета. Обкладки кострища не имеют. Только в одном случае на зольник в виде неправильного полукруга были наложены плиты известняка. Возможно, это была обкладка, камни которой впоследствии были разбросаны людьми.

Характерным для нижних (или ранних) горизонтов мезолита Усть-Белой является сочетание архаичных форм нуклеусов и снятых с них

пластин с клиновидными и призматическими формами нуклеусов и снятыми с них правильными пластинками, преимущественно микролитовидного облика. С другой стороны, обращает внимание сочетание в технике изготовления орудий из кремня односторонней и двусторонней ретуши — явление наиболее характерное для XVI горизонта.

К архаичным формам нуклеусов мы относим многоплощадные плоские и грубопризматические нуклеусы.

Многоплощадный тип нуклеуса XVI—XIV горизонтов характеризуется значительной уплощенностью тела. Скалывание пластин производилось по обоим плоскостям. Каждая плоскость, как правило, покрыта негативами встречных сколов, из которых одни бывают более удлиненными и правильными, тогда как другие — более короткие и производят впечатление какой-то своеобразной подправки.

Манера скалывания чрезвычайно своеобразна: сколы на противоположных плоскостях направлены перпендикулярно друг к другу. Площадки скалывания значительно скошены и сходятся под углом иногда близким к прямому.

Нуклеусы подобного типа имеют форму близкую к четырехугольной, но встречаются отдельные экземпляры, морфология которых близка к округлой дисковидной (табл. II — 8).

Грубопризматический нуклеус отличается наличием лишь одной плоскости скалывания. Тело нуклеусов обычно вытянуто в длину; площадки скошены и подправлены одним — двумя крупными, глубокими сколами. В базальной части иногда присутствуют один-два коротких скола, представляющих, видимо, как и у многоплощадных нуклеусов, своеобразную подправку. Размеры нуклеусов сильно варьируют (табл. II — 9). Самые крупные грубопризматические нуклеусы изготовлены из кварцитовых галек.

Описание нами и иллюстрируемые экземпляры "архаичных" форм нуклеусов являются наиболее выразительными, или, если можно так сказать, наиболее "завонченными". Помимо них в коллекции нижних горизонтов имеется большое количество заготовок, аморфных кусков кремня с одним-двумя сколами, расположенными без видимой системы, обломки различных частей нуклеусов.

Наибольшее количество нуклеусов описанных форм происходит из XIV горизонта. Видимо, такое положение связано с тем, что нам удалось вскрыть огромное скопление находок кремня в этом горизонте, которое по обилию "грубого" материала значительно превосходит XV и XVI горизонты.

Кроме архаичных форм нуклеусов в комплексе нижних горизонтов Усть-Белой присутствуют клиновидные нуклеусы, (табл.9-12, 13; табл.11-6,7), среди которых наибольший интерес вызывает высокая форма клиновидного нуклеуса со окошечной площадкой. Гребень, или "клин" нуклеуса оформлен ритмично нанесенной крупной ударной ретушью с одной стороны. Создается впечатление, что заготовкой для нуклеуса послужило скребло, расколотое поперек (табл.9-12).

Уникальной находкой в комплексе нижних горизонтов является совершенный по форме и обработке кремневый наконечник.

Наконечник был обнаружен в кострище XVI горизонта. Изготовлен он из крупной пластины светлого, почти белого кремня, снятой, по всей вероятности, с нуклеуса глубопризматической формы. Об этом можно судить по легкой осевой изогнутости изделия и плоско-выпуклой форме поперечного сечения. Обработан наконечник стелющейся ретушью, которая покрывает обе поверхности и придает форму близкую к иволистной. Базальная часть наконечника слегка усечена сколами уплощающими насад. Длина наконечника 6,5 см (табл.8-3).

Подобных наконечников ни в Усть-Белой, ни на других мезолитических стоянках Приангарья пока не обнаружено.

В районе трех кострищ XVI горизонта были обнаружены два острия с двухсторонней обработкой. Оно изготовлено из того же материала, что и наконечник. В сечении оно массивно, обработано крупными сколами, острое окончание сильно скошено (табл.8-5). Второе изделие выполнено из отщепца кварцита. В сечении оно значительно уплощено, лезвие и асимметричный острый конец обработаны тонкой отжимной ретушью. По форме бифас из кварцита можно было бы назвать своеобразной формой ножа "ула" с приостренным обушком (табл.8-4).

Из XVI горизонта происходит еще одно изделие с двухсторонней обработкой - своеобразное массивное и широкое острие, оформленное крупной неровной ударной ретушью (табл.10-1). Назначение его неясно. Возможно, этот предмет являлся заготовкой оружия.

Среди изделий из кости и рога особый интерес вызывает: "зуб остроги" и "колотушка" из рога благородного оленя.

"Зуб остроги", найденный в кострище XV горизонта, изготовлен из трубчатой кости (табл.12-1). Изделие имеет 16 см в длину, сечение овальное (у острия - круглое). плавно изогнуто.

Пятка орудия плоско срезана по вертикали и с противоположной (наружной) стороны снабжена выступом, что свидетельствует о боковом креплении острья. Можно предположить, что оно является одним из нескольких зубьев, оснащавших острогу усть-бельского мезолитического рыболова. С неменьшей героичностью данный предмет можно считать деталью "птичьего копыя".

"Колотушка" из рога благородного оленя представляет собой подобие рогового топора, отдаленно напоминающего тип "лингби" (Чайлд, 1952). Обухом служит коронка основания рога, рукоять — первый (глазничный) отросток, а лезвие выполнено из ствола рога. Как и у топоров "лингби", оно образовано косым срезом с одной стороны (табл. 12-3).

Из других предметов нижних горизонтов заслуживают особого упоминания три скребка из XVI горизонта сравнительно малых размеров, обломок рога или заготовки "гобийского" нуклеуса из XVI и трансверсальные резцы из XVI горизонта. Скребки и обломок изделия интересны прежде всего тем, что выполнены из юрского аргиллита, самые ближайшие выходы которого встречаются в 60 км ниже по Ангаре в приустьевом участке р. Иды.

С другой стороны, скребки такого рода с крутым ровным, тщательно ретушированным краем (табл. 9-1, 2, 3) и двустороннеретушированные лезвия ножей или заготовки нуклеусов из плиток аргиллита несвойственны инвентарю Усть-Белой и тяготеют скорее всего к комплексу Идинских стоянок или к Верхоленской Горе.

Резцы представляют собой изделия так же более типичные для раннего комплекса Верхоленской Горы. Выполнены они из пластин кремния, имеют ретушированные края и резовые сколы, пересекающие поперек или по диагонали (табл. 8-1, 2).

СРЕДНИЙ ЭТАП (XIII-II, "ОБЪЕДИНЕННЫЙ" ГОРИЗОНТЫ).

Мезолитическое поселение в Усть-Белой на среднем этапе его жизни в настоящее время изучено значительно полнее, нежели самый ранний комплекс. Культурные напластования этого времени вскрыты на площади свыше 900 м². Залегание культурных остатков изучалось в различных стратиграфических ситуациях, были вскрыты очень интересные "бытовые" комплексы и собран обширный вещественный материал общим числом 27158 единиц.

Если вскрытие раскопками культурные напластования раннего

этапа, судя по всему, представляют "временную" часть поселения, собственно, линию береговых кострищ, а постоянная его часть пока не раскопана и находится где-то в пределах II террасы, то на мезолитическом поселении среднего этапа нами вскрыты и временная и постоянная его части.

Временная часть поселения представлена двенадцатью культурными горизонтами. Каждый горизонт ничто иное, как серия кострищ, вытянутая вдоль кромки берега в естественной впадине, отгороженной от воды гребнем прируслового вала. Наслоенные друг на друга и разделенные стерильными прослойками эти линии кострищ и образуют пачку поздних горизонтов. Фронтальная протяженность их велика и по последним данным составляет не менее 900 метров.

Но сплошного распространения культурных остатков здесь не наблюдается. Находки концентрируются отдельными пятнами вокруг кострищ, не превышая расстояния в 2-3 м от центра кострища. Встречаются отдельные кострища, изолированные на довольно большой площади (табл. 13, 14), но были случаи вскрытия значительных скоплений пятен кострищ на отрезке берега всего в 10-15 м (табл. 15).

Заполняющие кострища и разбросанные вокруг них остатки деятельности людей в каждом отдельном случае различны. Нами вскрыты кострища, где фауна, изделия из кремня, кости и рога находятся в самых различных сочетаниях. Так, например, в раскопе № 5 в IX горизонте было вскрыто маленькое кострище, где находки были представлены только лишь осколками кремневого порою от изготовления рубящего орудия. В другом случае, в раскопе № 2 в У горизонте кострище было заполнено костями рыбы и мелкими осколками трубчатых костей косули. Кремень был представлен двумя мелкими отщепами.

В XII горизонте (раскоп № 5) в двух кострищах были найдены три рыболовных крючка из кости, зуб острога из кости, обломок вкладышевого наконечника, иглы из птичьих костей, ножи из кремня, многочисленные кости рыб. В III горизонте (раскоп 5) два кострища были сплошь заполнены костями косули, среди которых находились костяной рыболовный крючок, обломки трех вкладышевых наконечников (ножей), обломок гарпуна, зуб острога из рога благородно оленя, острье из рога лося с отверстием, нукле-

усы, пластинки и т.д. Кости рыбины были найдены в чрезвычайно малом количестве.

Подобные примеры различного содержания наполнений кострищ можно было бы продолжить¹⁵, но нам кажется, что приведенных примеров достаточно для того, чтобы составить определенное мнение о характере вскрытых комплексов.

Культурные остатки XII горизонтов, вскрытые в аллювии у бровки I террасы отражают жизнь той части поселения, которая была постоянно подвержена опасности затопления паводковыми водами. Если учесть, что р.Белая несколько раз в лето испытывает повышение уровня, то, несомненно, древним обитателям Усть-Белой часто приходилось прерывать свою деятельность у кромки берега и отходить на возвышенные места. Ил и песок заносили внезапно оставленные костры, оброненные или брошенные изделия, добросовестно "консервируя" все в том виде, в каком это было до паводка. На поверхности речных наносов после спада воды вновь загорались костры, продолжалась обыденная повседневная работа первобытного рыболова-охотника. Но, естественно, повторения, точной копии погребенного комплекса теперь быть не могло.

С нашей точки зрения, "индивидуальность" каждого в отдельности кострища (или группы кострищ) понятие или явление весьма относительное и самостоятельным не может быть признано.¹⁶

Содержание каждого горизонта как бы дополняет друг друга и лишь в общей совокупности они составляют единый, цельный культурный комплекс. В последнем убеждает и факт слияния их в средней части террасы в единый, названный нами "объединенный", культурный горизонт.

15. Всего в прибрежной, временной, части поселения вскрыто 46 кострищ.

16. Невозможность анализа материальной культуры не только по отдельным кострищам, но и по горизонтам обусловлена в настоящий момент недостаточной территориальной изученностью прибрежной части поселения. Например, IX-XII горизонты вскрыты лишь в раскопе № 5. III-VI горизонты ни в одном раскопе в комплексе не вскрыты. Кострища их "разбросаны" на 100-метровом участке в различных изолированных раскопах 1937-1963 гг. Наконец, нет уверенности в том, что кроме 13 горизонтов не может быть выделено по меньшей мере еще 5 самостоятельных уровней находок. Все это лишний раз заставляет рассматривать свиту 13-ти культурных горизонтов как единый комплекс. Но с другой стороны; ценность культурных остатков, заключенных в них чрезвычайно велика, ибо в их лице мы имеем исключительно "чистые", не подверженные смешению материалы.

Поселение в средней части террасы имеет иной характер. Мы назвали эту часть "постоянной" или "основной". Превышение ее над "временной" или "прибрежной" в древности соответствовало 2,5-3 м. Следовательно, положение над урезом Белой составляло не менее 4 м, что соответствует современной высокой пойме, практически мало подверженной затоплению водами летних паводков.

Средняя часть террасы в древности представляла собой слегка всхолмленную поверхность. На табл. 16 можно видеть участок древнего рельефа, осложненного серповидными буграми и впадинами - ложбинами - реликтами поймы. Находки привязываются преимущественно к околложбинным участкам. В понижениях рельефа зафиксированы "хозяйственные" ямы. В отличие от "очажного" типа расположения культурных остатков в прибрежной части поселения, здесь находки имеют сплошное распространение в виде широкой полосы, вытянутой с Ю-З на С-В.

Кострищ здесь обнаружено всего четыре. Одно из них имело форму очага с обкладкой из плит известняка. Костища без обкладки очень маленькие, разветвленные, размытые со слабо выраженными зольниками. Это свидетельствует о долгом пребывании их под открытым небом, кострище обкладкой интересно тем, что плиты были уложены на зольник костра, горевшего уже долгое время. В свою очередь плиты нового очага постепенно были совершенно скрыты вновь образовавшимся зольником. Эта "трехэтажность" кострища дает нам представление об относительной продолжительности обитания усть-бельцев на одном месте.

Видимо, об этом же могут говорить и такие интересные комплексы, как "хозяйственные ямы", которых в Усть-Белой сейчас вскрыто пять. Все они заложены из объединенного горизонта и имеют диаметр, как правило, около 2 м. Основная масса находок - мелкие кремешки, пластинки, обломки изделий - все перемешано на дне ям в черной массе перегнивших органических остатков вместе с битой костью млекопитающих, костями рыб и птиц, множеством канюритов собаки. Среди всего этого скопления обязательно находится один-два (иногда больше) черепа косули с большим круглым отверстием в боковой стенке.

В остальном, содержание ям различно. Так, в яме № 1 был найден кусок обрубленного рога благородного оленя, клиновидный нуклеус, призматический нуклеус, квадратный кусочек обрезанного перламутра, отщепы и несколько пластинок; в яме № 2 в зольной

массе был обнаружен грубый тесловидный инструмент из куска кремня, скребок, трансверсальный резец, обломок двустороннего вкладышевого кинжала или наконечника, отщепы, пластинки и скелет щенка лайки, лежащий в углу ямы в анатомическом порядке, но со свернутыми шейными позвонками. Собака попросту была задушена и брошена в яму. В яме же № 4 были найдены всего два кремневых ножа, хотя по площади это самая большая яма. В ямах № 3 и № 5 заполнение оказалось настолько интересным, что требует специального описания.

Яма № 3 была вскрыта разведочным раскопом в 1963 году и входит в квадратную сетку раскопа № II (табл.16). Раскопки 1963-1964 годов показали, что яма была заложена в максимальном понижении рельефа средней части террасы в своеобразной котловине (табл.17,18). Искусственное углубление само по себе невелико. Оно было выкопано у крутого естественного бортика выемки. Сама выемка образована оильным паводком, о котором упоминалось выше и который в этом районе разрушил XIV и XV горизонты. Сразу под культурным комплексом ямы нами были обнаружены "карманы", забитые серым среднезернистым песком с галькой и заключенные в них изделия и отщепы XIV горизонта. Изделия XIV горизонта частью попали и в заполнение ямы, перекрывающее нижний комплекс. Все это позволяет считать, что яма № 3 и ее содержание может относиться ко времени, последовавшему сразу за громадным по своей силе паводком, приведшем к нивелированию средней и приповной частей террасы.

Точно указать, к какому из горизонтов поздней пачки относится время закладки ямы, конечно, трудно, хотя мы склонны считать таковым период образования XIII-УШ горизонтов

Небольшое искусственное углубление было выкопано в аллювиальных отложениях. Выемкой был прорезан уровень находок XVI горизонта. Выбранный грунт, вместе с песком и отщепами XIV горизонта был выброшен на край бортика естественной выемки.

Площадь заполнения ямы - около 2 м². В средней части ямы (табл.18) разбросаны отщепы, пластинки, битые кости косуля, обломки челюстей косуля, кости рыб, капролиты собаки, мелкие древесные угли. Кроме того, здесь встречено много мелкой гальки, различных размеров, кусочки красной, желтой охры и графита. Все это заключено в супесь, имеющей интенсивную черную окраску. По направлению к краям ямы количество находок и их характер изме-

няются.

В южной части ямы обнаружены лишь два крупных и пять мелких отщепов, плитки известняка и крупная, сильно разложившаяся кость.

В восточной части — три кости крупной птицы, серия мелких отщепов, небольшое количество битой кости и одна призматическая пластинка.

В западной части — череп косули с круглым отверстием в правой стенке, два фрагмента челюсти косули, три позвонка рыбы, кусок известняка, осколок нефрита, обломки кости и несколько отщепов.

У северной стенки было обнаружено наибольшее скопление предметов, которое мы условно назвали "кладом".

Ниже остальных предметов лежали шесть костей крупной птицы с насечками и продольными распилами, причем две кости, лежавшие по склону стенок хорошо документируют их относительно малую крутизну. Сверху на них покоились два роговых острья, одно из которых было законченным орудием типа "лошица", а другое (вторая половина того же отростка рога) являлось лишь заготовкой.

Ближе к стенке лежало тесло из целого нефритового валунчика. Западнее тесла лежали две половинки песчаниковой плиты, на них — скребло из массивного отщепа кембрийского кремня и четыре отщепа, рядом со скреблом — нож из массивной пластины с односторонней ретушью, несколько выше и ближе к стенке — отщепы нефрита и тонкое костяное острие; ниже по скату, в группе отщепов кремня — еще один осколок нефрита со следами пиления; около него плоская шлифованная пластинка шиферного сланца, второй нож из крупной пластины голубоватого кремня, расколотые метаподии косули, массивная игла из кости, ретушер из продолговатой гальки шиферного сланца со следами шлифовки, острие из трубчатой кости.

Под шлифованной пластиной шифера находились три правые половинки нижних челюстей бобра и три кости крупной птицы длиной до 30 см, на них, а частично и на шиферной пластине покоился своеобразный вкладышевый нож с одним широким пазом для кремневых лезвий и рукояткой в виде лопатки или уплощенной ложки. В скопления предметов находился также грубопризматический нуклеус, небольшой кремневый остроконечник из грубой короткой пластины и когти хищной птицы. Все скопление сосредоточено было на площади 0,5 м².

С какой целью первобытный мастер сложил в яму это "богатство" остается неясным. По крайней мере, предметы очень долго находились под открытым небом, отчего кость и рог стали почти невесомыми и наощупь производят впечатление муляжей из папье-маше.

Яма была, видимо, заброшена или специально оставлена. По крайней мере, с момента организации этого своеобразного склада в нее ничто не было добавлено на протяжении очень долгого времени. Отложения, включающие культурные остатки "объединенного" горизонта, полностью перекрыли комплекс, значительно выравнив естественную ложбину и вместе с ней искусственную выемку. Но в период I мезолитического горизонта о яме как-будто "вспомнили". Она была искусственно углублена почти до черного заполнения центральной части и затем завалена осколками битого кварцита и отщепами кремня и аргиллита. Яма в буквальном смысле была завалена, ибо даже в ископаемом состоянии над поверхностью сохранился бугорок из каменного хлама, перемешанного с черной супесью. В отличие от рыхлой мягкой супеси, почти мелкозернистого песка, перекрытия нижнего заполнения ямы, черная масса из низа I горизонта значительно оглинена, плотная и при вскрытии легко отделялась от стенок ямы. Это заполнение было последним. Затем яма была полностью перекрыта тонкой лентой желто-бурой супеси, включающей культурные остатки I мезолитического горизонта.

Яма № 5 была обнаружена на стыке раскопов № II и № 3 (табл. 16). Характер самой выемки также, как и ее размеры, очень близки яме № 3. Естественное углубление в песке было даже не подрыто, а расчищено до обнажения прослойки иловатой супеси (табл. 19). Дно этой расчистки покоится сейчас на глубине I,35-1,40 от поверхности. В восточной части ямы на ее "полу" был обнаружен труп взрослой лайки (табл. 20). Собака лежала вдоль борта ямы в положении на брюхе вытянувшись с С-В на Ю-З. Голова ее была завернута направо и при погребении видимо, покоилась на передних лапах. На шее животного были обнаружены восемь подвесок из клык марала, расположенных по четыре справа и слева. В свое время подвески были нашиты на ошейник собаки и находились в таком состоянии очень долго, отчего на них четко обозначилась западирванность желобков для пришивания или привязки (табл. 21).

Погребение собаки было явно ритуальным, ибо с зарада соба-

ка была обложена обломками крупных костей быка и рогами быка и косули. Люди или слегка присыпали собаку песком, или это выполнила сама природа, осыпав стенку ямы, неясно, но скелет был погребен, а "обкладки" из костей оставались открытой и лишь спустя некоторое время скрылась под "мусором", состоявшим, как и в прочих ямах, из сильно окрашенной органикой супеси с включенными в нее различными предметами. В их составе были вкладыши из пластинок, скребки, нуклеусы, излы из кости целые и в обломках, обломки изделий из кости и камня, подвески из кости, кости косули, лося, медведя, бобра. Несколько раз яма заливалась водой паводков. В разрезе видно, как круто завернувшись в яму слойки песка. Но яма функционировала, хотя диаметр ее значительно сократился. Ее, вероятно, "подчищали". Затем какое-то время она пустовала, но в финальное время ее вновь использовали люди, оставившие в тонкодисперсном, плотном заполнении немного изделий из камня, в том числе обломок маленького наконечника - бифаса и острие из пластины. Небольшая выемка от ямы сохранялась и в неолитическое время и даже в эпоху железа, о чем говорят обломки керамики, заключенные в ярко-черном гумусном заполнении из II и I слоев.

Пытаясь датировать нижний комплекс ямы № 5, мы учли тот факт, что она находится в зоне выклинивания наиболее дневней части группы - XIII-II горизонты. В любом случае уровень закладки ямы расположен ниже III-IV горизонтов, датированных 8960±60 лет от наших дней. Уточнить возраст ямы может лишь радиоуглеродный анализ.

5 ям, вскрытых при раскопках "основной" части позднего мезолитического поселения, резко отличаются от ям эпохи неолита или бронзы, вскрытых здесь же в Усть-Белой (Крижевская, 1961).¹⁷

17. Нами в раскопках № 8 и № II было вскрыто четыре неолитических ямы. В черном заполнении этих ям перемешаны осколки кости, обычно рыхлые, мягкие, мелкие кремешки, осколки керамики, битая галька крупнозернистого кварцита. Ни в одном из заполнений этих ям не встречено черепов косуль, кагролитов собак. Заполнение однотонно, тогда как в мезолитических ямах обычно лишь самый центр нижнего заполнения бывает насыщен углистой или зольной массой, перекрытие же, если не потревожено позднее - всегда чистое. Так, например, в яме № 2 (самая глубокая, специально вырытая яма) залыв в яму перегородивший нижний комплекс и отделяющий его от многочисленных остатков I и II мезолитических горизонтов совершенно чистый без примеси органики. Неолитическое же заполнение верха той же ямы черное, интенсивно гумусированное. В нем присутствует керамика.

На плане вскрытого участка они образуют неправильный круг. Возможно, где-то в этом районе располагались и жилища.

Переходя теперь к характеристике инвентаря, собранного в XIII-II и "объединенном" культурных горизонтах мезолита, отметим, что считаем целесообразным его суммарное рассмотрение. В таком случае сохраняется целостное представление о позднем комплексе мезолита Усть-Белой.

Выше уже была приведена общая цифра находок в XIII-II "объединенном" горизонтах - 27158 единиц.

Из них 45% составляют отщепы, 39% - фауна, 16% - изделия из камня, кости, рога и различные украшения.

Среди изделий из камня (4011) самую большую группу составляют призматические пластинки - 25%¹⁸, нуклеусы архаичных форм - 7,4%¹⁹, скребки всех форм - 4%, нуклеусы призматические и клиновидные - 5,4%. Далее идут резцы - 1,2%, ножи из пластин - 0,7%, рубящие орудия из галек - 0,4%, скребла - 0,3%, проколки и сверлышки из мелких пластинок - 16, шлифованные орудия из сланца - 6, шлифованный нефрит, 4 осколка и одно тесло, наконечники стрел и дротика разной формы из отщепов и пластин - 3, гальки-отбойники, ретушеры из камня, отщепы со следами самостоятельности, обломки и заготовки орудий.

Среди 120 изделий из кости и рога - целые экземпляры и обломки вкладышевых наконечников, ножа и кинжала (?) - 7, рыболовные цельнорезные крючки их трубчатой кости - 6, обломки гарпунов округлых в сечении с плоским насадом - 8, зубья острог - 2, крупные острия из рога оленя с плоским насадом, наконечники рогатин, лопила, свыше десятка игл из костей птиц, игельник из кости птицы, "колотушка" из рога оленя и т.д.

Украшений из агальматолита, сланца, кости и перламутра вместе с незаконченными изделиями, обломками и заготовками найдено 197.

В группе пластин мы выделяем крупные пластины достаточно правильных очертаний (табл.22-17,18,19), находящих аналоги в палеолитических комплексах Енисея (Абрамова, 1966; Астахов, 1966).

18. Изделия из пластинок не учитывались.

19. Часть грубых форм нуклеусов попала из XIV горизонта, который очень трудно бывает отделить на наиболее возвышенных местах средней части террасы от "объединенного". Поэтому реальное количество их должно быть несколько меньше.

В Усть-Белой из таких пластин изготовлены все крупные ножи. К этой же категории можно отнести и пластины случайных очертаний.

Но основную массу пластинок составляют все же средние и мелкие экземпляры, вплоть до микропластинок (табл.22-I-9, I6). У большинства пластинок обломан противоположный ударному бугорку острый конец, обычно загнутый внутрь. Уже в таком виде пластинка готова к употреблению ее в качестве составной части кремневого лезвия в костяной или деревянной обойме ножа или наконечника (табл.22-I3, I4, I5). Но в составе инвентаря имеются и четкие прямоугольные сечения, с ретушью по одному или обоим краям и тщательной концевой подтеской, подготовленные для оснащения и вкладышевого орудия (табл.22-I0, II, I2). Изготовление подобных вкладышевых лезвий было основным назначением огромного числа правильных призматических пластинок.

Нуклеусы архаичных форм аналогичны описанным в XVI-XIV горизонтах (табл.23-5,6). В общей массе изделий из камня количество их резко сократилось.

Среди клиновидных и призматических нуклеусов преобладает первая форма. В общей массе - это разновидности так называемого "нуклеуса-окребка" - формы выделенной в свое время Б.Э.Петри. Внутри этой в общем-то однотипной группы (табл.23), выделяются несколько экземпляров с вытянутым телом, отдаленно напоминающим "гобийскую" форму (табл.23-3). Но сходство с "гобийскими" нуклеусами может быть признано весьма условно.

Правильные призматические формы представлены в основном нуклеусами с одной плоскостью отщипывания (табл.23-I), но есть и так называемые "карандашевидные" (табл.35-2).

Скребки подразделяются на несколько групп:

- 1) скребки из отщепов с овальным лезвием без каких-либо особых признаков в морфологии;
- 2) скребки с боковыми выемками, выемчатыми лезвиями, "с ушками", "с плечиками" - относимые нами к одной группе в связи с явно одинаковым функциональным назначением (табл.24-6,7,8);
- 3) скребки на концах пластин (табл.24-I,2,3,9). К последней группе следует отнести и оригинальный скребок-сверло (табл.24-9), острый конец которого несет следы круговой работанности;
- 4) скребки двусторонние, у некоторых из них рабочий край бывает выпуклым, второй - вогнутым, иногда они имеют боковую вы-

емку (табл.24-4,5).

Резцы XIII-II —"объединенного" горизонтов Усть-Белой представлены различными вариациями трансверсальной формы, обычно имеющими один резцовый скол.

Изредка диагональные и поперечные резцовые сколы отмечаются с двух противоположных концов. Еще реже встречается дополнение бокового скола угловым. Размеры резцов значительно варьируют (табл.29-18,19,21).

В производственном инвентаре мезолитических обитателей Усть-Белой важную роль играли ножи и пластины, пластинчатых сколов и отщепов. Основной чертой этой группы орудий, насчитывающей свыше 30 экземпляров является отсутствие стандарта, отсутствие определенной строгой формы, которую можно было бы признать типологическим эталоном.

Сближает всю в целом группу устойчивая традиция применения для изделий в качестве заготовки или грубых пластин "мустьероидного" облика (табл.25), или небольших пластинчатых сколов и отщепов.

В самом общем смысле мы выделяем в группе ножей четыре типа:

1. Остроконечные ножи (или "остроконечники") из крупных пластин (табл.25-7,8,9).

2. Ножи из пластин случайных форм.

3. Ножи из мелких пластинок.

4. Ножи из пластинчатых сколов и отщепов (табл.25-1,2-6).

Для изделий первого типа, помимо массивности, характерным признаком является четкость ретуши на большинстве экземпляров. Иногда ретушь бывает крупная, тщательная. Ни один из ножей не имеет двусторонней обработки. Исключением, в известной степени, может быть лишь нож со скошенным острием, снабженным концевой двусторонней подтеской. В общей массе это явление, конечно, экзотичное.

Второй тип ножей отличается не только разнохарактерностью форм, но и манерой нанесения мелкой ретуши только по одному краю. В двух случаях зафиксирована своеобразная концевая ретушь, предусматривающая специальное удаление ударного бугорка.

О третьем типе говорить что-либо определенное затруднительно ввиду немногочисленности серии. Можно только сказать, что изготовлены ножи из пластинок наиболее правильных форм.

Последняя группа привлекает внимание своим особым, хотя и неярко выраженным, стремлением к геометризации, проявляющемся в употреблении заведомо подтреугольных или угловатых отщепов, листовидных тонких пластинчатых сколов. Как показали наблюдения под бинокляром, основной задачей при изготовлении орудий этого типа было получение тонкого углового острого лезвия. Мы назвали условно этот тип ножей "рыбным". Характер локальной заполированности на острых концах свидетельствует о выполнении ими вспарывающих операций, чему более всего свидетельствует разделка рыбы.

Следующая группа инвентаря - орудия из галек.

"Галечные орудия" Усть-Белой немногочисленны. Самый примитивный тип орудия из речной гальки - чоппер - представлен лишь четырьмя экземплярами (табл.27).

Делая подобное заключение, мы тем самым отдаем дань установившейся традиционной терминологии. В действительности же из четырех изделий не все удовлетворяют требованиям термина, ставшего теперь уже классическим. Для "галечных орудий" Северной Азии необходимо выработать свою номенклатурную шкалу, которая отражала бы все многообразие этого типа.

Еще менее основания относить к разряду чопперов остальные изделия из галек Усть-Белой. Это уже явно специализированные формы тесловидных или скоблящих инструментов. Большинство из них имеет удлиненные пропорции тела, боковые грани оббиты, за счет чего в сечении орудие приобретает трапецевидную форму, лезвие тщательно ретушировано и имеет иногда правильные овальные очертания (табл.26-2).

Наибольший интерес, вполне естественно, вызывает найденное в 1963 г. тесло из нефритовой гальки. Обнаружено оно было в описанной уже яме № 3.

Изготовлено тесло полностью в соответствии с традициями обработки галечных орудий. Первобытный мастер, не изменяя форму заготовки, добросовестно оббил боковые грани, придав изделию привычную плосковыпуклую в разрезе форму, совершенно не тронул обухок, сохранив его в виде округлой массивной пятки с желвачной коркой и лишь слегка пришлифовал лезвие. Получилось примитивное тесло (табл.34-5) - прародитель знаменитых нефритовых инструментов, составляющих сокровищницу ангарского неолита.

Забегая вперед, отметим, что приведенные факты говорят о совершенно ином облике так называемой "галечной индустрии". Если

мы выделяем ее, то не как индустрию попросту расколотых поперек или вдоль галек, но как группу изделий, обладающих различными, выработанными специализированными формами, свободными от "гениальной простоты" примитивного универсализма.

Поскольку, с нашей точки зрения, следовало бы вообще выделять из "галечной серии" самостоятельную группу рубящих орудий, относительно к их исходному сырьевому материалу, то будет правильным включить в нее и серию мелких долотовидных и топоровидных инструментов из кремня, явно ведущих свое начало от пластин с концевой подтеской и кусков кремня с клиновидным лезвием (см. Черемушник I, Перешеек).

Усть-Бельская серия в этом отношении интересна. Особо ценен экземпляр долотовидного орудия из широкой пластины или отщепы кремневой породы (табл. 26-1). Обе длинные стороны его оббиты, как и положено теслам без шлифовки или с частичной подшлифовкой лезвия, рабочий край образован несколькими длинными, уверенными сколами, отчего создается впечатление желобчатости, вызывающее сходство с характерной чертой серовских тесел.

В положении, близком группе "галечных орудий", находятся скребла. Этот легендарный для позднего палеолита Северной Азии тип каменного орудия (Сосновский, 1934; Окладников, 1950), в инвентаре Усть-Белой очень немногочислен и производит впечатление разнохарактерного, деградирующего материала. Изделия оформлены небрежно, каких-либо устойчивых форм нет.

Исключением являясь лишь один экземпляр скребла (или, скорее, ножа ула), который сохраняет в своем облике характерные черты раннемезолитических орудий — массивность, четкость формы слегка оттянутого лезвия, тщательность ретуши (табл. 28-1).

Есть и весьма своеобразные экземпляры "скребел". Одно из них, из отщепы кварцита имеет форму ассиметричного остроконечника с круторетушированным вогнутым краем и массивной "пяткой" (табл. 28-2).

Другое орудие (табл. 28-3) также выполнено из массивного осколка кварцита. Длинные стороны его обработаны крупными сколами по антитезе. Узкий конец превращен в овальное слегка скошенное лезвие односторонней ретушью, нанесенной серией легких ударов со стороны спинки. Определить функциональное назначение орудия затруднительно. Возможно, это был массивный концевой скребущий инструмент, предназначавшийся для непосредственного держания в руке.

В общем, в немногочисленной группе скребел нет единства ни по форме, ни по функциональному назначению.

Небольшая серия проверток и сверл Усть-Белой изготовлена из правильных призматических пластинок (табл.29-15,16,17; табл.36-4,5,6). Исключение составляет лишь массивное четырехугольное сверло из плитки аргаллита (табл.35-4). По величине и характеру оформления острия изделия различаются между собой. Это, видимо,, объясняется довольно широким диапазоном применения операций сверления. Усть-бельцы сверлили кость, рог, раковины моллюсков (*Anadonta*), агальматолит, известняк и, видимо, другие материалы, в числе которых должно было быть дерево. Этим и вызвана разнохарактерность найденных нами инструментов. Показательно, что в раскопе № 5, в кострище XI горизонта нами были обнаружены миниатюрные сверлышки (табл.29-15,16,17), лежащие рядом с кусками битой перловицы, подготовленной для производства бус. Здесь же были найдены просверленные куски раковин и экземпляры с намеченными для сверления углублениями.

Последняя группа кремневых изделий - наконечники стрел - представляется наиболее интересной, так как затрагивает давно волнующий археологов вопрос о времени возникновения лука и стрел в Приангарье и о первоначальных формах наконечников.

Всего в "объединенном" горизонте найдено 3 наконечника. Два происходят из раскопа № II (табл.29-23,24), один найден в шурфе 1959 года, заложенном с средней части террасы. Он происходил из желтовато-бурой сунеси, заключающей остатки объединенного горизонта.

Все изделия различны по внешнему облику.

Два наконечника выполнены в близкой манере "рациональной" техники. Заготовкой для них послужили пластины или отщепы, ретушированные весьма экономно лишь по острию и насаду. Значительные части поверхности остались неретушированными. Тем не менее ретушь двусторонняя четкая (табл.29-23).

Третий наконечник совершенно отличен от двух предыдущих. Это довольно массивное треугольное острие, обработанное тщательной двусторонней ретушью (табл.29-24). Правда, об окончательной форме и величине изделия судить трудно так как оно незакончено. Возможно, это была заготовка, но может быть, его просто выбросили в связи с существенным дефектом - вступом на одной из поверхностей, ликвидировать который практически

невозможно. Но это уже детали. Видимо, окончательной формой наконечника предполагалось оставить треугольную.

Таким образом, в "объединенном" горизонте Усть-Белой фиксируются два типа бифасов: треугольные и различные варианты листовидного с зауженным или округленным насадами.²⁰

"Украшения"²¹ из камня, кости и перламутра

Еще недавно между мальтинским палеолитическим комплексом и неолитическими памятниками Приангарья в области искусства существовал зияющий провал, заполняемый лишь двумя подвесками из хировика, найденными на Верхоленинской Горе (Петри, 1923). Раскопки Усть-Белой в какой-то мере восполнили эту "пустоту". Еще в 1937 году М.М. Герасимов нашел здесь оригинальную костяную бляшку с насечками по всей окружности. Начиная с 1960 года, нами была собрана значительная по объему коллекция бус и подвесок из агальматолита, сланца, известняка и перламутра. Других элементов искусства в виде резной кости или орнамента костяных орудий пока не обнаружено.

Подвесок из агальматолита насчитывается сейчас вместе с заготовками свыше 60. Изготовлены они или из целых галечек (табл. 29-4, II) или же из кусков дробленного или пиленого агальматолита, во множестве встречающегося при раскопках (табл. 29-2, 3, 5-10, 12, 13). Все без исключения отверстия (ушки) подвесок выполнены при помощи биконического сверления очень тонким сверлом, какое может быть изготовлено лишь из небольшой пластинки кремня.

Формы подвесок самые различные. При желании среди них можно было бы выделить и "имитацию зуба марала", и "клыкообразную форму", и различных размеров "грушевидные", "эллипсоидные" и т.д. Есть и плоские подвески и подвески в форме правильного круга. Но нам представляется излишним проводить подовное деление по группам. Относя по традиции их к разряду "украшений" и стало быть, к произведениям искусства, мы предполагаем, что реаль-

20. Ранее нами выделялись наконечники из пластин (Медведев, 1967). Сейчас установлено, что они не имеют никакого отношения к оснащению стрел.

21. Термин "украшения" мы считаем в значительной степени условным, так как, видимо, не все описываемые изделия могут быть отнесены к этой категории.

ное назначение их (по крайней мере, значительной части) было гораздо более будничным, нежели украшение груди или головного убора первобытного охотника. Сомнение в их принадлежности к рангу элементов духовной жизни вызывается разнохарактерностью "подвесок", их небрежным исполнением, явной легкостью, с которой первобытный человек расставался с ними, теряя их целыми скоплениями. Может, они были грузилами к лескам? Этот вариант, конечно, гипотетичен, но он не лишен реального смысла. Многие первобытные народы употребляли мягкий камень для грузил, делая на нем пропилы, выемки (см., например, Вениаминов, 1840). Возможно, и устьбельцы с успехом использовали агальматолит для нужд рыбной ловли. Вопрос этот, разумеется, требует тщательного дальнейшего изучения, тем более, что не все "подвески" из агальматолита можно отнести к элементам рыболовной снасти. Плоские бусины, найденные в прибрежных кострищах, видимо, были настоящими украшениями. В лице последних можно увидеть даже имитацию перламутровых бусин.

Перламутровые бусы Усть-Белой в общей массе донеолитических комплексов Приангарья представляют явление исключительное. Помимо Усть-Белой, только неолитические погребения содержат перламутровые бусы. В мезолитических горизонтах поздней пачки и в объединенном горизонте перламутровых бус (вместе с заготовками) собрано сейчас около 70 экземпляров (табл. 29-1).

Изготавливались они, как уже упоминалось, из обломков раковин (*anadonta*). Аккуратно обломанные заготовки сверлились и затем уже обтачивались до правильной округлой формы нужных размеров. Некоторые из бусин поражают своими микроскопическими размерами. Самая маленькая бусина в диаметре равна 2,5 мм, отверстие — 1 мм. Вне всякого сомнения, для изготовления подобных ювелирных украшений (а их изготавливались тысячи!), требовалось высокое мастерство.

Украшения из кости представлены уже отмеченной выше круглой бляшкой и плоскими подвесками из тонких костяных пластинок.

Единственная подвеска из сланца, найденная в кострище VII горизонта, представляет собой нечто между костяной и агальматолизовыми плоскими подвесками.

Последний предмет, относимый нами к разряду "украшений", очень оригинален. Он найден в кострище "объединенного" горизонта. Это

обломок, видимо, дымной бляшки, сделанной из тонкой плиточки известняка с мелкими насечками по краю и серией отверстий различного диаметра по плоскости (табл. 29-14). Отверстий было, видимо, больше, но сохранилось только лишь семь. Характерно, что сверление здесь не биколическое, как у агальматолитовых подвесок, а строго одностороннее. При этом сверление отверстий велось намеренно с противоположных плоскостей. Может быть на этой пластинке таким оригинальным образом древним мастером был нанесен своеобразный рисунок? Возможно, так же, что мы имеем дело с инструментом для размягчения ниток из жил путем протягивания сквозь различные по диаметру отверстия пластинки.

Как и оригинальная костяная бляшка из раскопок 1937 года, обломок пластинки известняка с отверстиями остается предметами загадочными, хотя совершенно очевидно, что рука древнего мастера вполне сознательно украсила их незатейливым, но изящным зубчатым рисунком, что дает основание причислить их к разряду произведений искусства.

Орудия из кости и рога

Изделиями из кости и рога представлен производственный инвентарь, подразделяющийся на несколько категорий; орудия рыболовства, охоты, домашнего производства и некоторых других производственных операций.

К орудиям рыболовства относятся зубья острог, наконечники гарпунов, рыболовные крючки, "колотушки" из рога благородного оленя.

Зубья острог представлены двумя экземплярами. Первый был найден около кострища II горизонта. Он сделан из отростка рога благородного оленя, имеет значительную боковую изогнутость и плоский насад, что в целом должно способствовать боковому креплению (табл. 32-3).

Второе изделие найдено в кострище XII горизонта. Это небольшое острие с косо срезанным плосковыпуклым насадом. По выпуклой внешней стороне насада идут довольно глубокие насечки для крепления (табл. 30-1). Орудие явно предназначено для бокового крепления.

В целом, зубья острог представляют собой различные варианты орудия, описанного нами в инвентаре XVI-XIV горизонтов.

Наконечники гарпунов представлены двумя целыми экземплярами и шестью обломками (табл. 31-9, 10-14). По ним можно судить об относительно небольших размерах усть-бельских мезолитических гарпунов с одним и с двумя рядами зубцов. Тело у наконечников довольно массивное, округлое, насад плоский, суженный к низу. Для укрепления линия вырезаны с обеих сторон выступы-плечики.

Рыболовные крючки (табл. 31-1, 2, 3) — явление новое в археологии донеолитического периода Приангарья. Долгое время самым ранним цельнорезным крючком из кости считался экземпляр из серовского неолитического захоронения (Окладников, 1950). В 1961 году был найден первый донеолитический крючок в III горизонте Усть-Белой, в 1962 г. — два крючка в кострище XIII горизонта, а в 1964 году у небольшого костерка в объединенном горизонте был найден 6-й по счету цельнорезный рыболовный крючок.

Все крючки изготовлены в одинаковой манере. Стержневая часть их сравнительно большой длины, тщательно выглажена и суживается к концу, завершаясь небольшим утолщением в виде шишечки. Иногда дополнительно к утолщению крючок снабжался несколькими зарубками (табл. 31-3). Острие крючка представляет собой плавный, ровный полуовал. В этой части орудие имеет максимальную толщину и слегка уплощено с боков. Бороздка на острие крючков отсутствует. Размеры крючков различные, что, видимо, соответствовало необходимости отлова различных пород рыб.

Найти аналоги мезолитическим крючкам Усть-Белой в пределах Северной Азии пока не представляется возможным. Исключением может быть лишь обломок изделия из кости, найденный на Верхоленьской Горе и очень похожий на часть крючка (Аксенов, 1966). Но полный облик орудия неясен и поэтому делать определенные заключения пока рано.

В общем же, по традиции, можно сопоставить крючки Усть-Белой с мезолитическими изделиями подобного рода в Северной Европе (Обермайер, 1913; Кларк, 1953) или с натуфийскими крючками (Чайлд, 1956).

Следует отметить специально, что форма устьбельских крючков очень четкая, выработанная, в исполнении их чувствуется уверенность мастера, имеющего, видимо, за плечами немалый опыт и, поэтому, возможно, рассматриваемые нами экземпляры еще не самые древние в Приангарье.

Колотушка из рога благородного оленя, найденная в объединен-

ном горизонте рядом с самым маленьким рыболовным крючком (табл. 32-2) является наиболее крупным экземпляром того же облика, что и описанная нами в XIV горизонте.

Охотничье оружие представлено обломками вкладышевых наконечников дротиков или мелких копий, ножей и кинжала (табл.30-2,2,3; табл.36-4). Внешне эти орудия не отличаются от неолитических. Они также достаточно уплощены, снабжены узкими глубокими пазами и плоскими насадами с насечками для более прочного крепления.

Среди вкладышевых орудий два ножа, вероятно, не принадлежат к категории непосредственно - охотничьего вооружения. Это изделия с довольно широкими пазами для крупных вкладышей только с одной стороны. Возможно, это какие-то "разделочные" ножи. Особенно оригинален один из них, описанный уже в составе инвентаря ямы № 3, как своеобразный нож-лопатка (табл.36-4).

К охотничьему оружию можно отнести и острия из рога и трубчатых костей, которые могли играть роль наконечников рогагин (табл.32-1; табл.36-3).

Кроме этих изделий в составе инвентаря из рога имеются "бытовые предметы": лошда, своеобразный долотовидный инструмент или клин, острие из рога лося с большим круглым отверстием в широкой части орудия и плоским скошенным обушком (табл.33-1), обломки шильев со странным, изогнутым, как зуб остроги, острием с плоским насадом, снабженным насечками для крепления в древке (табл.31-4) и многочисленные иглы и их обломки, изготовленные из костей птицы. Особо следует отметить специальный копательный инструмент из лопатки оленя, сделанный с особой тщательностью (табл.33-2). В дальнейшем такие "лопатки" становятся обычным явлением для неолитических погребальных комплексов.

Этим исчерпывается комплекс орудий труда из камня и кости и набор украшений в XIII-II-"объединенном" горизонтах.

Финальный этап (I мезолитический горизонт)

Этот горизонт содержит очень мало фауны, в нем не найдено ни единого изделия из кости или рога²², вскрыто всего три, слабо

22. В нашей статье "Новые данные и нижних слоях Усть-Белой" (1966) в составе инвентаря I горизонта (III слой) присутствует вкладышевый нож. Впоследствии было установлено, что его ошибочно занесли в состав находок самого позднего мезолитического горизонта. На самом деле, он происходит из "объединенного" горизонта.

выраженных пятна кострищ, но кремневый комплекс его очень интересен, поэтому есть все основания выделить его как самостоятельный этап в жизни мезолитического поселения и дать ему специальное описание.

В это время поверхность I террасы повсеместно вышла из зоны затопления паводковыми водами и покровные отложения начинают развиваться у бровки террасы. Одновременно изменяется прежняя стабильная планировка поселения. Центр его смещается ближе к Ангаре, и одновременно, из средней части I террасы к ее бровке.

Всего в I мезолитическом горизонте найдено 2822 отщепов, изделий из камня и костных остатков животных.

В общей массе находок, преобладают отщепы - 52% (1484), но изделия из камня составляют уже не 12-15%, а 28% (758).

В числе изделий преобладают призматические пластинки, составляющие 64% (480); нуклеусы клиновидные, призматические, карандашевидные насчитывают 41 экземпляр - 5%, грубопризматические - 3% (28), резцы (срединные, боковые, угловые) - 2,5(22). Далее идут единичные находки.

Среди призматических пластинок значительно увеличивается количество правильных прямоугольных сечений - потенциальных вкладышей. Одновременно возрастает число крупных призматических пластин правильной геометрической формы. При этом заметно проявляется тяготение древних мастеров к иному материалу - аргиллиту - излюбленному впоследствии сырью неолита Приангарья. Местный кембрийский кремнь играет теперь роль исходного материала для грубых поделок.

В группе нуклеусов еще продолжают бытовать в незначительном количестве грубо-призматические формы, полно представлены клиновидные нуклеусы (табл.37-12), но наряду с ними продолжает неуклонно развиваться группа призматических нуклеусов правильной огранки и карандашевидные нуклеусы.

Хорошо представлена группа микронуклеусов "бочонкообразной" формы (табл.37-9,10,11). В этой группе значительный процент составляют двуплощадные нуклеусы, отражающие, по-видимому, сохранение древней традиции расщепления камня, выраженной в палеолите и раннем мезолите грубопризматическими нуклеусами с двумя скошенными площадками.

Интересно отметить форму нуклеуса, близкого к "ладьевидной". В составе инвентаря таких нуклеусов немного, но они очень специфичны и поэтому сразу же обращают на себя внимание. К тому же

аналоги подобным формам известны во всех комплексах финального этапа мезолита Приангарья. Для изготовления нуклеуса употреблялась удлиненная заготовка обитая с двух сторон. Четко выраженного кия нет, площадки готовилась комбинированно, сочетая мелкую ретушь по периметру с длинным фронтальным сколом. Возможно, мы имеем дело со значительно метаморфозованной формой "гобийского" нуклеуса, символизирующей связь с древним комплексом типа Верхоленской Горы (табл.37-13).

Определенные изменения наблюдаются и в группе резцов. Если в XIII-IV-"объединенном" горизонтах преобладающей являлась трансверсальная форма резца, то в I горизонте преобладают срединные резцы, (табл.38-1,3,4), возрастает число угловых на конце сломанной пластинки (табл.38-5,6), появляются первые многофасеточные резцы - "дрилы" (табл.38-2,7).

Рубящие орудия из галек представлены своеобразными тесловидными инструментами с боковыми выемками (табл.38-9). Другой тип рубящего орудия представлен настоящим топориком (или теслом), ромбовидным в сечении, с тщательной оббивкой по всей поверхности (табл.38-8).

Кроме этих наиболее выразительных форм инвентаря в коллекции имеются проколки;провертки (табл.37-5,6,7), ножи из пластин,близкие в более ранним экземплярам, пластинки с ретушью (табл.37-14, 15,16), осколки шлифованных тесел из сланца; ретушер из шиферного сланца (табл.37-1), различного рода скребки и несколько подвесок из агальматолита.

Интересно отметить обнаруженные в 1967 г. в яме № 5 (заполнение финального мезолита) обломок острья из пластинки, близкого к формам Частых и Хиньской (табл.37-4) и обломок двустороннеретушированного наконечника стрелы, видимо, иволистной формы (табл.37-2). Данный наконечник, как и описанные экземпляры из объединенного горизонта, отличается отсутствием стандарта в форме и известная грубость обработки. Само же сочетание острья бифаса и острья-пластинки очень показательно: оно как бы повторяет ситуацию в хиньском захоронении.

Фауна I горизонта: кости косули, лося, благородного оленя и рыб. Всего собрано 583 костных остатка, из которых 318 принадлежат косуле, 232 единицы составляет мелкодроблечная неопределимая кость, остальные перечисленные виды представлены 33 костными остатками.

Таким образом, три хронологических этапа, выделяемые нами в жизни мезолитического поселения Усть-Белой по мере накопления материала приобретают все более определенные очертания. Теперь мы имеем возможность оперировать не только стратиграфическими показателями, но и археологическим материалом, сопоставлением культурных комплексов, основанном на данных элементарной статистики. Наиболее ярко развитие по этапам проявляется сейчас, как мы видели, в группах нуклеусов и пластин.

Для удобства сопоставления мы предлагаем схему процентных показателей²³.

Горизонты	Общее кол-во находок	Изделия из кремня	Клиновидн. и призматические нуклеусы	Многоплощадные и грубопризматические нуклеусы	Пластины и тинч. Пластины и тинч. сколы	Призматические пластины
XVI-XIV	8196	855	2%	25%	32%	25%
XIII-II-"объединенный"	27158	4011	3,4%	7,4%	9%	25%
I горизонт	2722	758	5%	3%	0,1%	64%

Схема с нашей точки зрения, хорошо документирует поступательное развитие техники расщепления камня - последовательное увеличение нуклеусов правильной огранки и снятых с них пластинок и, наоборот, неуклонное снижение применения в кремневом производстве архаичных форм.

Другими показателями этапного развития могут быть формы резцов - трансверсальные, срединные, угловые, многофасеточные. Три последние формы развиваются на позднейшем этапе, в раннем комплексе присутствует лишь форма трансверсального резца.

Наконец, своеобразным "индикатором" могут служить тесловидные орудия с боковыми выемками и клиновидный топорик в I горизонте, свидетельствующие о прогрессирующем развитии форм неолитических топоров и тесел.

23. Процент исчисляется от числа изделий.

УЛЯХА

Первые сведения о стоянке имеются у Н.И.Витковского, совершившего в 1882 году археологическую поездку в долину реки Ангара от Иркутска до устья Тасеевой (Витковский, 1889). В 1940 г. на стоянке работала экспедиция Иркутского музея под руководством А.П. Окладникова. Характер проводимых работ остался неизвестен, но А.П.Окладниковым было установлено, что стоянка является памятником многослойным, содержащим остатки культур эпохи металла, неолита и "позднего палеолита". Описание нижних слоев стоянки дано очень скупо. Автор счел возможным отнести древнейшие находки Уляхи к одному времени и типу со стоянкой в устье р.Белой (Окладников, 1950). С 1954 г. на стоянке проводит эпизодические раскопки П.П.Хороших, которым были вскрыты лишь верхние культурные горизонты, относящиеся к эпохам металла и неолита.

В 1966-1967 гг. стоянка исследовалась Ангарским археологическим отрядом Иркутского университета.

Стоянка Уляха находится в устье речки одноименного названия, впадающей в Ангару справа в 100 км ниже г.Иркутска. Само древнее поселение находится на правом берегу реки Уляха.²⁴

Терраса в месте стоянки принадлежит к типу первых надпойменных террас, развитых в устьевых участках ангарских притоков. Максимальная отметка ее над урезом реки Ангары 9,03 м. Происхождение аллювия I террасы связано с деятельностью протока реки Уляхи, в прошлом несомненно более многоводной. В древности этот участок I террасы представлял собой приустьевую косу полуостровного характера.

Здесь, у ангарской бровки I террасы, в северо-западной части стоянки в 1966 году был заложен небольшой разведочный раскоп (10 м²), расширенный в 1967 г. до 52 м.²

Разрез отложений террасы на этом участке по северной стенке раскопа (табл.39-I), имеет следующий вид (сверху вниз):

	Мощность, м
1. Почвенно-растительный горизонт	0,18
2. Красно-бурая супесь	0,18-0,26

24. В настоящее время стоянка почти полностью уничтожена карьером для добычи песка, который в свою очередь затоплен водами Братского моря.

3. Супесчаная погребенная почва
слегка оглиненная	0,26-0,10
4. Палевая известковистая иловая
супесь	0,10-0,16
5. Горизонтально-слоистая супесь и
песок с рассеянными по всей толще
включениями окислов железа	до 0,4

Культурные остатки зафиксированы во 2,3 и 4 слоях. Соответственно они получили наименования I,II,III культурных мезолитических горизонтов. Остатки неолита и более поздних культур отсутствуют.

Необходимо отметить, что на вскрывавшейся в 1967 году площадке находки III горизонта не отмечены. По первому впечатлению II и III горизонты как-будто сливаются воедино. Не исключая такой возможности, мы все же склонны считать, что раскопом 1966 года было выбрано пятно с остатками III горизонта, оставшееся неразрушенным песчаным карьером. Резкое же уменьшение мощности палевой супеси на запад и северо-запад (в сторону берега) и полное исчезновение ее на север и северо-восток в пределах первых пяти метров от стенки раскопа 1966 года, не позволяют с достаточной уверенностью принять категорично ни одно из указанных предположений. Проведение же контрольных работ исключено.

В данной ситуации, считаем правильным рассматривать III горизонт как самостоятельную таксономическую единицу в свете археологических напластований Уляхи и анализировать его по материалам 1966 года. Материалы же, собранные во II горизонте в 1967 году, мы полностью объединяем с коллекцией предметов горизонта этого номера из раскопок 1966 года.

Всего за два года раскопок на стоянке в трех горизонтах собрано 7771 предмет, из которых 1866 единиц составляет фауна, остальное - изделия из камня и рога, отщепы, битый камень.

Культурные остатки I горизонта заключены в явно делювиальных отложениях, подвергнутых в древности значительному воздействию ветра.

Общее число находок I горизонта составляет 3234 единицы. Из них: 2506 - составляет отходы и продукция кремневого производства; 728 - фауна.

Отходы производства - отщепы и осколки кремня насчитывают 1875 единиц или 74%, т.е. подавляющее большинство находок.

Наибольшая по количеству предметов группа изделий - призматические пластинки - 303. Далее следует: нуклеусы - 110; крупные пластины случайных форм - 91; скребки - 46; резцы - 12; отбойники из галек - 4; тесловидные изделия из галек - 2; скребло - 1; заготовки и обломки орудий, отщепы и пластины со случайной ретушью - 62.

В группе нуклеусов преобладают аморфные и группопризматические типы (66). Но наиболее интересными являются "бочонкообразные" двуплощадные микронуклеусы, нуклеусы, близкие к "гобийской" форме и оригинальные клиновидные двуплощадные нуклеусы (табл.39).

Резцы представлены двумя срединными и 10 трансверсальными формами. Срединные резцы выполнены на пластинах. Имеют четкий в виде узкого клина рабочий конец, оформленный несколькими резцовыми сколами, и противоположную ему часть пластины, обработанную мелкой крутой ретушью, напоминающую концевой скребок (табл.39-5,6). Трансверсальные резцы изготовлены как на пластинках, так и на отщепах (табл.39-II).

Скребки подразделяются на группы:

1. случайной формы из отщепов;
2. концевые из пластин;
3. с боковыми выемками ('ушками');
4. со скошенным лезвием;
5. микроскребки.

Интересна заготовка изделия из пластинки кремня, обработанная мелкой отжимной ретушью. Наибольшие размеры заготовки и тщательность обработки наводят на предположение, что это может быть или заготовка наконечника стрелы, или заготовка вкладыша в обойму составного ножа или наконечника из кости (табл.39-10). Интерес представляет и находка пластин шиферного сланца - элемента присущего всем позднейшим мезолитическим комплексам Верхнего Приангарья. Следует отметить оригинальное изделие из плоской гальки, которое хотя и нельзя с полным правом считать "тесловидным предметом с перехватом", но все же оно находится в этой специфичной для позднего мезолита серии. У данного изделия широкий со слегка наметенными "ушками" обухом и зауженное лезвие оббиты с одной стороны (табл.39-13).

В списке фауны присутствуют косуля, благородный олень, птицы (ближе не определены). Хотя определенных костей косули II, а благородного оленя I5, тем не менее совершенно очевидно, что косуля преобладает в "кухонных отбросах" I горизонта, поскольку из 694 единиц битой кости млекопитающих 80-90% явно принадлежит последнему виду.

II культурный горизонт заключен в погребенной почве, подстилающей красно-бурую супесь. Четкой границы между I и II культурными горизонтами нет. Это связано, видимо, с сильным развеиванием поверхности в начале формирования красно-бурой супеси. Всего во II горизонте собрано 3137 предметов.

Из них 2185 - изделия и отходы производства из камня и кости и 952 единицы - фауна.

Процент отходов кремневого производства во II горизонте выше, чем в I - 83% (I819).

Среди изделий из камня по-прежнему наиболее многочисленна группа призматических пластинок (162), на 30% представленная микроформами (табл.40).

Нуклеусы насчитывают 53 экземпляра. Наиболее интересны двуплощадные призматические нуклеусы и микроформы клиновидных нуклеусов. Присутствуют как и в I горизонте два нуклеуса, удлиненных пропорций, напоминающих "гоби-тип" (табл.40).

Из 13 скребков можно выделить: 1) скребки на отщепках; 2) концевые из пластин; 3) микроскребки.

Крупные орудия представлены 4 предметами: "чоппером", двумя "тесловидными инструментами" и своеобразным скреблом или скребком. "Чоппер" очень невыразителен. Из тесловидных изделий, в принципе однотипных, наиболее показательно одно (табл.40-13). Его лезвие, покрыто по брюшке выбоинками, смято от сильных ударов. По обеим сторонам орудия как бы слегка намечены боковые выемки. Вероятнее всего оно выполняет рубящие функции.

Последнее изделие по форме напоминает копыто лошади (табл. 40-12). Оно оформлено короткими крупными сколами с незначительной подрезкой лезвия. По брюшке заметна срабатанность. По-видимому, это орудие могло выполнять функции скобеля.

Все резцы II горизонта относятся к типу трансверсальных (табл. 40-4,5-7).

Несколько разнохарактерных изделий из плиток аргиллата и

пластин можно отнести к категории ножей (табл.40-8,II).

В списке фауны - косуля (18), благородный олень (5), лось - (3), птица - I, битая кость (936), среди которой также как и в I горизонте большинство обломков принадлежит косуле.

Во II горизонте обнаружены изделия из рога благородного оленя. Они представлены заготовкой гладкозубый остроги и двумя обломками со следами пиления.

III культурный горизонт отделен от II-го прослойкой в 0,10 м пустой или с очень незначительным содержанием отщепов. Он залегает в слое палевой супеси, которую предположительно можно отнести к аллювиальным отложениям I террасы р.Уляхи в заключительной фазе их аккумуляции.

Всего в III горизонте собрано 1400 предметов, Из них фауна составляет 186 единиц.

Процент отходов производства каменных изделий выше, чем в I и во II горизонтах - 86% (1044).

Призматические пластинки представлены 66 экземплярами со значительным содержанием микроформ (39%). Нуклеусы, общим числом 42 экземпляра представлены грубопризматической (табл.4I-13, 14,15,16) и клиновидной формами.

Скребок в III горизонте 5. Два из них боковые, из отщепов, I концевой из призматической пластины (табл.4I-1) и два микро-скрепка (табл.4I-2,3). Кроме перечисленных изделий в коллекции имеются отщепы из кремня и кварцита со случайной ретушью.

Вне раскопа в естественном обложении III горизонта были обнаружены два грубых изделия из галек, типа чопперов.

В III горизонте были обнаружены гарпуны из рога благородного оленя. От двух гарпунов сохранились маленькие обломки; третий был реставрирован из двух половинок (табл.4I-4,5,6). Гарпун имеет два ряда ассиметрично расположенных зубов. Насад плоский, с миниатюрными "пафами - выступами" для крепления линя. Размер гарпуна небольшой.

Фауна III горизонта содержит кости косуля (10), благородного оленя и лося (5), птицы (2) и мелкодробленную кость (169).

Прослойный обзор культурных остатков из мезолитических горизонтов Уляхи показывает прежде всего, что III и II горизонты не имеют резких различий в инвентаре. Положение горизонтов в погребенной почве кроющей как-будто аллювиальные отложения I терра-

сы и в кровле последних дает основание отнести их к свите П-УГ горизонтов Усть-Белой, также дислоцированных в системе тонких прослоев погребенного гумуса и имеющих суммарную дату 8960±60 лет.

I горизонт отличен от двух нижних большим процентом призматических пластинок, появлением срединных резцов, наличием специфической формы "бочонкообразного" микронуклеуса, шаферными пластинками, употреблением в качестве сырья юрского аргиллита.

Эти признаки характерны для памятников финального мезолита Верхнего Приангарья типа Царь-Девичь.

В общем, можно сказать, что многослойный памятник Уляха является копией Усть-Белой только с некоторыми отличиями частного порядка в стратиграфии. Несомненно, в мезолите здесь жили такие же рыболовы-охотники, как и в Усть-Белой.

ЛЕНКОВКА

Ленковка является многослойной стоянкой. Она содержит остатки материальной культуры мезолита, неолита, бронзы и железа. Открытая еще экспедицией Иркутского музея 1937 года, руководимой А.П.Окладниковым, стоянка раскапывалась в 1957-1960 гг. Братской Археологической экспедицией ЛОИА. Автор имел возможность по приглашению А.П.Окладникова посетить стоянку в период завершения работ, как раз в то время, когда был открыт нижний слой Ленковки.

Н.А.Логачев, с которыми мы посетили Ленковку, здесь же в поле оделал описание разреза стоянки. Впоследствии материалы по геологии памятника были опубликованы Логачевым Н.А. в его работе по кайнозойским отложениям Иркутского амфитеатра (Логачев, Ломоносова, Климакова, 1964). Из нее мы и заимствуем основные данные по типографии и стратиграфии стоянки в пади Ленковка.

Стоянка расположена на 8-метровой террасе правого берега р. Ангары в устье одноименной пади.²⁵

Разрез отложений в месте стоянки представляется следующим (сверху вниз):

25. У Н.А.Логачева указано, что Ленковка находится в 2-х км ниже с Н.Буреть. На самом деле, в 2-х км находится падь Частые, а Ленковка отстоит от Бурети на 4 км.

Мощность, м.

1. Черная почва изменчивой мощности; в нижней половине слоя (подпочва) - многочисленные остатки неолита с погребениями; в верхней половине - курьянская культура 0,50
2. Серая, слегка облессованная супесь; в кровле слоя супесь белесоватая за счет вмесных почвенных карбонатов, здесь же наблюдаются тонкие (до 10 см) неправильные линзочки хряща местных доломитов 0,70
3. Буровато-черная погребенная почва (основной слой с культурными остатками мезолита, костями лошади, быка, др.)²⁶ 0,08-0,20
4. Серая супесь до 0,30
5. Бурая погребенная почва 0,30
6. Серая влажная супесь до 0,30
7. Аллювий; на северном конце раскопа - средние галечники, перемешанные с плитками нижнекамских доломитов (береговая фация), на южном - тонкослойные серые илы и пески (пойменная или старичья фация). Видимая мощность 1,00

Мезолитический слой (3) датирует нижнюю половину делювиально-пролювиальной толщи, накопившуюся сразу после того, как река, формируя аллювиальную свиту террасы, отодвинулась к югу (Логачев, 1964, стр.156).

Сейчас можно с уверенностью говорить о том, что погребенная почва (нижний культурный слой) Ленковки является аналогом погребенных почв Усть-Белой (У-II горизонты) и Уляхи (II горизонт) и, следовательно, может датироваться 8-9 тысячелетием от наших дней.

Археологический материал нижнего слоя Ленковки до сих пор

26. Замышленные по фауне было сделано Н.М. Ермоловой непосредственно в поле. Кроме лошади и быка был определен также северный олень. Это заставило нас (а также и Н.А. Логачева) считать возраст Ленковки плейстоценовым и более древним, чем Усть-Белая. Однако, в дальнейшем обнаружилась ошибка в определении. Вместо северного оленя были определены благородный олень и козуля. (Ермолова, 1966).

не опубликован. Автор имел возможность видеть его во время разборки в фондах Иркутского музея. Каменный инвентарь не многочислен. В коллекции присутствуют клиновидные нуклеусы, несколько скребловидных инструментов, пластинки, заготовки орудий и нуклеусов, отщепы.

Наиболее интересную часть инвентаря, с нашей точки зрения, представляют гарпуны из рога благородного оленя. Всего их найдено четыре. Два - в обломках. Первый гарпун (табл.42-3) имеет один ряд зубцов, тело его массивное, но уплощено с боков. Насад - плоский, заостренный, снабженный косым выступом для крепления лия. Второй экземпляр (табл.42-4) также имеет один ряд зубцов, посаженных гораздо чаще, чем у первого. Насад его, видимо, был аналогичен вышеописанному. Третий гарпун (табл.42-Г) имеет два ряда зубцов, вырезанных ассиметрично. Тело гарпуна округлое. Насад короткий, плоский, с овальным основанием. Плечики для крепления лия со стороны насада дополнены короткими, как бы слегка измененными "выступами-цапфами", сходными с выступами на гарпуне из III горизонта Уляхи.

Четвертый гарпун (табл.42-2), от которого сохранилась лишь средняя часть вероятно, является уменьшенной копией третьего.

В целом материал Ленковки обнаруживает удивительное сходство как с Усть-Белой, так и с Уляхой. Эти памятники образуют в пределах Ангаро-Бельского района нечто вроде треугольника родственных комплексов, принадлежавших, возможно, одной группе населения.

СОСНОВЫЙ БОР

Многослойная стоянка каменного века Сосновый Бор была открыта в 1966 году (Медведев, 1967а) и предварительно исследовалась в 1967-1968 гг. Ангарской археологической экспедицией Иркутского университета.

Памятник расположен в местности одноименного названия, на правом берегу р.Белой в 16 км выше ее устья и в 800-метрах юго-восточнее лагеря Сосновый Бор, против изголовья острова Черемушный на террасе с отметками 18-20-25 м. Цоколь террасы, сложенный доломитами нижнего кембрия поднят над урезом реки на 14-16 м. На цоколе докоятся пестроцветные пески и галечника яркого залывия, перекрытые песками и супесями и четвертичными отложениями. Современная поверхность террасы в месте стоянки

осложнена буграми деформированных дюн, ориентированных преимущественно в направлении СЗ-ЮВ. Высота дюнных холмов и гряд - 2-3 м.

Два таких всхолмления с отметками в гребне 22 м и 34 м были частично вскрыты раскопами №2 (200 м²) и №3 (36 м²) (табл.43).

В поперечном разрезе, образованном 17-метровой юго-восточной стенкой раскопа №2, видно:

1. Почвенно-растительный горизонт, состоящий:

- а) дернин 0,02-0,03
- б) гумусовый горизонт - черный глинистый песок, пронизанный корнями растений (I культурный горизонт) 0,08-0,10
- в) желтовато-коричневый песок, среднезернистый, в подошве светлеющий и имеющий постепенный переход к нижележащему слою .. 0,26

2. Песок коричневатый-желтый, более светлый, чем предыдущий, с отдельными гумусированными пятнами темно-серого цвета, сливающимися на отдельных участках разреза в сплошной гумусированный горизонт, представляющий собой редуцированную почву. К пятнам и горизонту потемнения приурочен II культурный горизонт. В целом, слой неровный и в границах кровли, и в подошве. Наблюдаются затеки (неправильные) в нижележащий слой, в вышележащий. Границы кровли и подошвы расплывчатые, нечеткие. Мощность слоя колеблется 0,10-0,30

3. Песок среднезернистый, серовато-коричневаты с пятнами очень слабовыраженной обокренности (ожелезнения) с редкими следами корней современных растений. В верхней части наблюдается вертикально вытянутые пятна, несколько более осветленные, вероятно, следы почвообразовательных процессов слоя 2. В нижней части слоя на участках наибольшей его мощности наблюдается грубая слоистость, определяемая по появлению прослоев с темноцветными минералами. В разрезе отмечаются клинообразные внедрения, заложенные из кровли слоя, разбивающие его и нарушающие также нижележащие слои (4,5). Ширина устьевой части трещин до 0,10 м. Длина - в пределах 1-10 м. Окончания разорванных отложений заметно деформированы. Граница подошвы слоя нечеткая и неровная. Мощность слоя сильно колеблется, иногда слой почти выклинивается 0,05-0,80

4. Песок коричневатый, слегка оглиненный, среднезернистый, пятнисто-гумусированный. Темные пятна видны выше и ниже слоя. Границы кровли и подошвы иногда нечетки. Сам слой лежит волнисто, испытывая то поднятие к поверхности, иногда непосредственно под слой 2, то значительное погружение, сопровождаемое перекрытием толщей песков слоя 3. В целом, слой лежит куполообразно, повторяя конфигурацию дна в разрезе. Кое-где он разделен простоями светлых песков. С этим слоем связок III культурный горизонт, дающий немногочисленные находки костей дикой лошади, зубра и благородного оленя 0,25

5. Песок сероватый, слоистый, в нижней части - с прослоями, обогащенными темноцветными минералами. Слоистость полого-волнистая. На участке разреза, вскрывающем перефирийную часть дна, отмечается диагональная слоистость, связанная с процессами перевертывания и движения дна. К вершине современного донного бугра песчаная толща почти выклинивается, а к перефирии значительно раздувается. В перефирийной части дна в разрезе четко проявлены трещины криогенного происхождения, разбивающие всю нижележащую толщу рыхлых отложений. В устье они достигают ширины 0,50 м, в нижней части - 0,10-0,05 м. Окончания разорванных трещинами слоев сильно деформированы. В устьевую часть трещин отмечается плавное затекание слоя 4 вместе с культурными остатками 0,10-1,00

6. Песок, оглиненный, коричневатый, неслоистый, местами разорванный морозобойными трещинами из кровли слоев 3-5 и затеками песка из подошвы слоя 5. Границы кровли и подошвы извилистые, видимо, в связи с мерзлотными воздействиями. К слою приурочен IV культурный горизонт, содержащий кроме обильных находок кремня кости кулана дикой лошади, северного оленя, пластины бивня мамонта, кости рыб. 0,10-0,15

7. Пески общего серого тона, разнозернистые, слоистые. Слоистость подчеркнута наличием песков то более светлых, то более темных, обогащенных темно-цветными минералами. Есть прослойки коричневого тона, видимо, ожезлененные или окрашенные органикой. Некоторые слои выделяются наличием более крупного или более тонкого песка. В слое 7 так же, как и в слое 5, отмечается диагональная слоистость. Из кровли слоя прослеживаются клиновидные внедрения незначительной мощности, прорезающие всю песчаную толщу и входящие в нижележащие отложения. Разорван-

ные слои песка деформированы. 0,30-0,75

8. Переслаивание светло-серых песков и серых супесей. Слои волнисто-горизонтальные. Особенно ясная волнистость в кровле слоя. С глубины 0,35 м от кровли отмечается мощная трещина, с устьем около 0,5 и сильной завернутостью окончаний слоев вниз. В средней части слоя отмечаются участки с диагональной слоистостью. С супесчаным прослоем в самой кровле толщи связан У культурный горизонт, давший кроме обработанного кремня обломки ребер и фрагмент челюсти зуба 0,50

9. Галька различной величины от мелкого гравия до крупных отдельных валунов. Подвержена сильной эоловой обработке. Встречаясь мелкие экземпляры в виде трехгранных пирамидок, крупные гальки несут следы ячеистого выветривания. В галечном слое обнаружены находки обработанного кремня также подверженные эоловой обработке (VI культурный горизонт) 0,30-0,35

10. Пески серые, желтоватые, темно-серые, глубослоистые, сильно деформированные, плотные - аллювий юрских отложений. Видимая мощность до 0,5

Предметы из I культурного горизонта реального значения не имеют, поскольку представлены отдельными находками мелких фрагментов керамики энеолита и бронзы. Металлических изделий, шлаков или обработанного кремня здесь не найдено. Немногочисленные мелкие отщепы крайне невыразительны. Поэтому I культурный горизонт Соснового Бора представляет собой преимущественно формальную таксономическую единицу.

II культурный горизонт содержит очень большое количество обработанного кремня (19874 предмета). Кость в слое не сохранилась. Насыщенность культурного горизонта представляется относительно равномерной на площади значительно превышающей подвергнутую вскрытию. Вдоль реки наличие горизонта фиксируется по фронту 2-3 км и вглубь террасы - 30-40 м.

В составе находок II культурного горизонта - галечные тесла "с перехватом" (табл.45), срединные резцы на ретушированных пластинках, трансверсальные резцы, микронуклеусы правильной двусторонней или круговой огранки, сходные по форме с бочонком, клиновидные нуклеусы, скребки из отщепов, микропластинки, грубые многоплощадные нуклеусы, большое количество отщепов. В подъемном материале в единственном числе найден массивный наконечник из желто-розового кремня с узким острием и сильно рас-

ширенной овальной базой. Происхождение его возможно лишь из II горизонта. По форме и материалу он аналогичен наконечникам из мезолитического комплекса Царь-Девицы. Характерно, что в коллекции присутствует также обломок остря из крупной пластинки (табл.44).

В целом весь комплекс находок II культурного горизонта Соснового Бора возможно отнести к финальному этапу мезолита Приангарья и синхронизировать его с I горизонтами Усть-Белой, Уляхи, Верхолёнской Горы, с нижним слоем Царь-Девицы и погребениями в падах Хиньской и Частых.

III культурный горизонт был вскрыт на площади 200 м². Общее количество находок по данным 1968 года - 6344 единицы. В III культурном горизонте, как и во II, не найдено каких-либо бытовых или хозяйственных деталей поселения. Находки располагаются большими пятнами, концентрируясь, очевидно, в районе "площадок по обработке кремня". Наиболее выразительной группой изделий из кремня являются нуклеусы с высокой плоскостью скалывания и скошенной площадкой. Они представлены двумя формами: одноплощадной клиновидной и двуплощадной призматической. Присутствует обычная форма клиновидного нуклеуса и грубые многоплощадные нуклеусы из крупных желваков кремня. Среди других изделий из камня - тесла из галек, пластины с краевой ретушью, резцы трансверсальные и угловые, скребки из отщепов, отщепы и пластинчатые сколы с мелкой концевой ретушью, призматические пластины различных размеров и зачастую случайных форм (табл.46).

Перечисленные элементы каменного инвентаря кроме пластин нуклеусов, не представляют четких серий. Несколько костей животных, обнаруженные в III горизонте в 1968 г. принадлежат мелкой форме дикой лошади, зубру и благородному оленю.

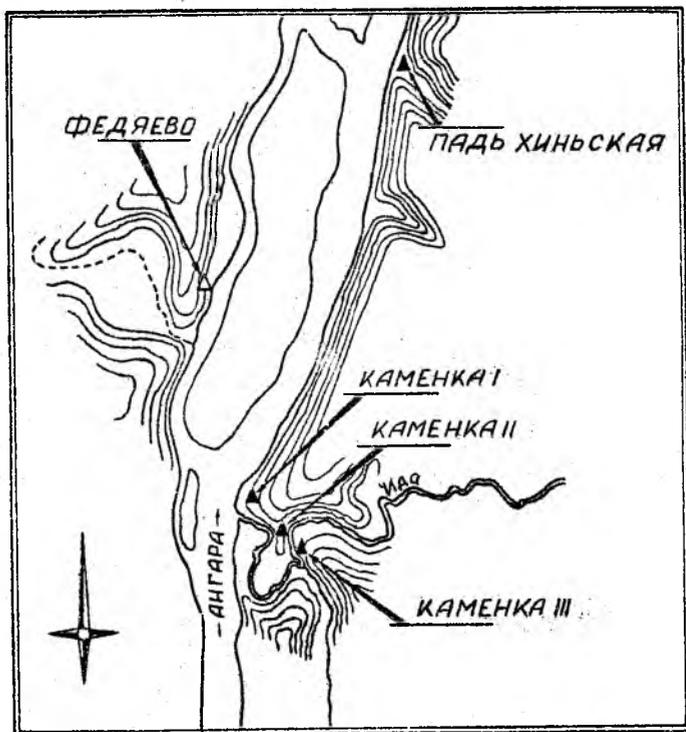
Датировать горизонт трудно. Поскольку отмечается явление морозного растрескивания, фиксируемое на уровне культурных остатков III горизонта или несколько выше (ст. описание разреза), можно предположить, что его геологический возраст определяется гранью плейстоцена и голоцена около 10-11 тыс. лет назад. Этому не противоречит как будто и фауна.

Археологический возраст III культурного горизонта, нам кажется следует определять ранней фазой приангарского мезолита в его "бадайском" варианте.

IУ-VI культурные горизонты мы предварительно относим к позднему палеолиту. Они требуют дополнительного изучения и в настоящей статье не рассматриваются.

СТОЯНКИ АНГАРО-ИДИНСКОГО РАЙОНА („ИДИНСКИЙ” КОМПЛЕКС)

И. П. ЛЕЖНЕВ

Ангаро-Идинским районом условно обозначается участок долины р. Ангары от с. Каменка, включая низовья реки Иды, до пади Хинь (Хиньская) — около 15 км. Ангарские берега здесь одинаково круто обрываются с высоты 100-150 м к реке, текущей на север.

Удобными местами для поселений район небогат, за исключением долины р. Иды. И самих местонахождений донеолитического возраста здесь немного — всего 5.

В приустьевом участке Уды сосредоточены три мезолитические стоянки; в пади Хиньской по правому берегу р. Ангары известно погребение, отнесенное А. П. Окладниковым к донеолитическому возрасту (Окладников, 1950), и на левом берегу р. Ангары в устье долины Сухая Каменка находится позднепалеолитическое местонахождение Федяево (Астахов, 1963).

Предметом нашей статьи являются стоянки в устье р. Иды у с. Каменка.

Группа этих местонахождений имеет печальную историю. Впервые следы каменного века здесь были зафиксированы Н. И. Витковским в 1882 году (Витковский, 1889). В дальнейшем в окрестностях села собирали подъемный материал многие исследователи, в том числе: Ангарская историко-археологическая экспедиция Иркутского университета под руководством П. П. Хороших и Братская археологическая экспедиция ЛО ИА АН СССР под руководством А. П. Окладникова, работавшие в период 1956-1960 гг.

Но описание местонахождений так ниже и не было сделано. В итоге "каменский комплекс" не вошел даже в сводку Н. А. Береговой.

Возможно, это объясняется тем, что большинство из обследованных нами пунктов подвержено сильному разрушению перепашкой, начавшейся, вероятно, еще в XVII веке. В результате поверхность многих местонахождений разрушена вплоть до отложений последнего оледенения. Видимо, такое положение заставило исследователей обратить свое внимание, прежде всего, на археологические комплексы, дислоцированные на I террасе Ангары – обширные неолитические поселения и погребения.

Ангарским археологическим отрядом Иркутского университета в 1966–68 гг. в приустьевом участке р.Иды были обследованы пашни и обнажения на II, III, IV, V террасах, заложены шурфы и сделаны зачистки. Всего было зафиксировано 5 местонахождений. Из них к донеолитическому периоду относятся первые три.

КАМЕНКА I

Расположена по правому берегу р.Иды в ее устье и далее по правому берегу р.Ангары вниз по течению. Ангарская часть стоянки в настоящее время интенсивно размывается водами Братского водохранилища. Находки распространены в районе старого кладбища, у бывших бензоскладов к на прилегающей к ним пашне. Общая площадь распространения находок около 20000 м². Участок, сохранившийся нетронутым и пригодный для раскопок, расположен на территории бензосклада. Местонахождение дислоцировано на поверхности 18–25 метровой террасы. Судя по разрезу у бензосклада, характер отложений в этом районе следующий:

	Мощность в м
1. Почвенно-растительный горизонт	0,15–0,20
2. Желто-бурая плотная супесь; контакт с подстилающим слоем резкий и очень неровный	1,20–0,25
3. Палевоый, лессовидный карбонатный суглинок	0,20–0,30
4. Буровато-желтые слабослойные суглинки	0,40–0,50
5. Галечники, видимая мощность до	1,00

Культурные остатки заключены в средней и нижней частях слоя 2. В первом слое изредка встречаются фрагменты керамики железного и бронзового веков. Кремневых изделий совместно с керами-

кой не найдено. Исходя из этого, а также учитывая общий облик собранной на поверхности пашни каменной индустрии, мы склонны считать коллекции материала, взятого в слое *in situ* и подъемного материала, относящимися к одному культурному комплексу.

Собранный при разборке слоя (около 4 м²) кремневый материал составляет 1622 единицы. В подавляющем большинстве - это отщепы серого красноватого аргиллита. Изделия из кремня представлены двумя трансверсальными резцами, клиновидным нуклеусом, грубопризматическими нуклеусами с сильно скошенной площадкой, скребками из отщепа, отщепом с ретушью, крупными и мелкими пластинками (табл. 47).

В подъемном материале интересны: два ножа из крупных отщепов аргиллита, ретушер из оббитого куска аргиллита, обломок наконечника или ножа из пластины кембрийского кремня с двусторонней ретушью (табл. 47-1), заготовка такого же орудия и, наконец, своеобразный сходный в некоторой степени с рубильцем предмет из кварцита с валунной коркой на "пятке" (табл. 47-12).

КАМЕНКА II

Местонахождение расположено на восток от Каменки I, примерно, в 2-х км у развалин старой РТС. Оно дислоцировано на 25-30-метровой террасе правого берега р. Иды. Поверхность террасы в северном направлении постепенно повышается, переходя в склон горы Высокой. У подножия южного склона, в основном, и был собран археологический материал (29 изделий). Четыре шурфа, заложенные на участке в 200 м, показали, что залегание культурных остатков в целом было аналогичным Каменке I. Но культурный горизонт был уничтожен перепашкой вместе со слоем желто-бурой супеси. Там, где в обнажении и в шурфах он сохранился в своей нижней и средней части, можно фиксировать отдельные предметы *in situ*. У подножия горы, где сделаны основные находки, разрушению подвергнут даже палевоый крабоватный суглинок.

Тщательное обследование большого по площади участка показало отсутствие в подъемном материале каких-либо предметов, относящихся к неолитической или более поздним эпохам. Исключением явились, как и на Каменке I, керамика железного века, найденная в количестве нескольких мелких фрагментов.

Собранный материал свидетельствует, что культурный комплекс

Каменки II был очень богатым и интересным.

Помимо отщепов и кусков аргиллита, кварцита и кембрийского серого кремня здесь были найдены: трансверсальные резцы (табл. 49-4), одностороннеретушированное небольшое острие из отщепа (возможно, заготовка трансверсального резца, табл. 49-5), "гобийский" нуклеус из тонкой плитки аргиллита (табл. 49-I), заготовки двустороннеретушированных ножей из пластинчатых сколов аргиллита (табл. 49-6), лавроволистные острия из аргиллита с двусторонней оббивкой (табл. 48-2,3), нож из тонкой пластины серого кембрийского кремня с тщательной двусторонней ретушью (табл. 48-I), массивный скребловидный или тесловидный инструмент подтреугольных очертаний из гальки (табл. 44-8) и нож из пластины светло-зеленого мелкозернистого кварцита без специальной вторичной обработки (табл. 49-7).

Привлекает внимание массивные "лавроволистные" острия из аргиллита, приближающиеся по внешнему облику к известным наконечникам Верхоянской Горы. Но один экземпляр с Каменки II мы не можем считать наконечником, так как острый конец его оформлен серией крупных резцовых сколов, превращающих изделие в какой-то специализированный инструмент, возможно, оригинальный по форме и размеру резец.

Второй крупный лавровидный бифас, видимо, в стадии окончательной отделки.

Не менее интересен и остроконечный нож из пластины кембрийского кремня. Не только серый, но и единичных изделий, близких по облику, найденному в каменном веке Приангарья, нам неизвестно. Обращает внимание тщательная обработка острия и насада. Последний приближается к насадам наконечников.

Соблазнительно было бы отнести данное орудие к категории ранних наконечников с двусторонней обработкой, однако, некоторая асимметрия его в плане и значительная изогнутость по линии продольной оси заставляют воздержаться от подобного заключения.

Третьим предметом, обращающим на себя внимание, является изделие из гальки яшмовидной породы. Оно было найдено в осни у борта террасы, но в средней части слоя красно-бурой супеси сохранилось углубление, фиксировавшее прежнее положение орудия *in situ*. По форме и характеру обработки - это один из вариантов своеобразных "галечных орудий" Приангарского мезолита, отличающихся довольно устойчивыми формами ("подчетыреугольные", с

"боковыми выемками", "подтреугольные"). Форма данного орудия до поломки была, по-видимому, правильной треугольной с четко оформленными острыми углами прямого, круто поставленного лезвия. Боковые грани оформлены крупной ретушью, по "антитезе": "правая-по спинке", левая - по брюшку, причем в последнем случае обработка более чем "экономная". Возможно, как и многие другие орудия этого типа, изделие, найденное на Каменке II, представляет собой зачаточную форму неолитического тесла.

Из других находок следует отметить трансверсальный резец, "гобийский" нуклеус и острокрючковик из массивной, трансевидной в сечении, пластины (табл.48-4), находящие прямые аналоги на Верхнеленской Горе, а также любопытный предмет треугольной формы, ретушированный по периметру, острые углы которого являлись рабочими концами (табл.49-3).

КАМЕНКА III

Местонахождение расположено на левому берегу р.Иды в 2-х км от ее устья, в том месте, где в реку впадает ручей Бахан, вытекающий из узкой глубокой пещ. Высотные отметки этого участка до затопления соответствовали 10-15 м от уреза р.Иды. Культурные остатки были обнаружены в колее дороги, ведущей из Каменки в Бохан. Осмотр обнажений и зачистка в борту небольшой овальной выемки показали, что и здесь культурные остатки залегают в слое желто-бурой супеси (2), перекрывающей лессовидный палевый суглинок (3) (табл.50-1). В отдельных случаях отщеп аргиллата факсировались на контакте с палевым суглинком. Видимо, в связи с этим на Каменке III большой процент находок покрыт известковой коркой. Но так как обследованию подвергался лишь участок бровки террасы, то возможно, положение находок в кровле слоя палевого лессовидного суглинка объясняется чисто механическим перемещением в силу процессов денудации склона, что было уже отмечено на Черемушнике I.

Находки на Каменке III (52 единицы) представлены отщепами, несколькими пластинами, оббитыми кусками аргиллата, "ладьевидными" орудиями (табл.50-2,3), ножами типа "уло" (табл.50-4), аналогичными изделиями Верхнеленской Горы, обломками орудий.

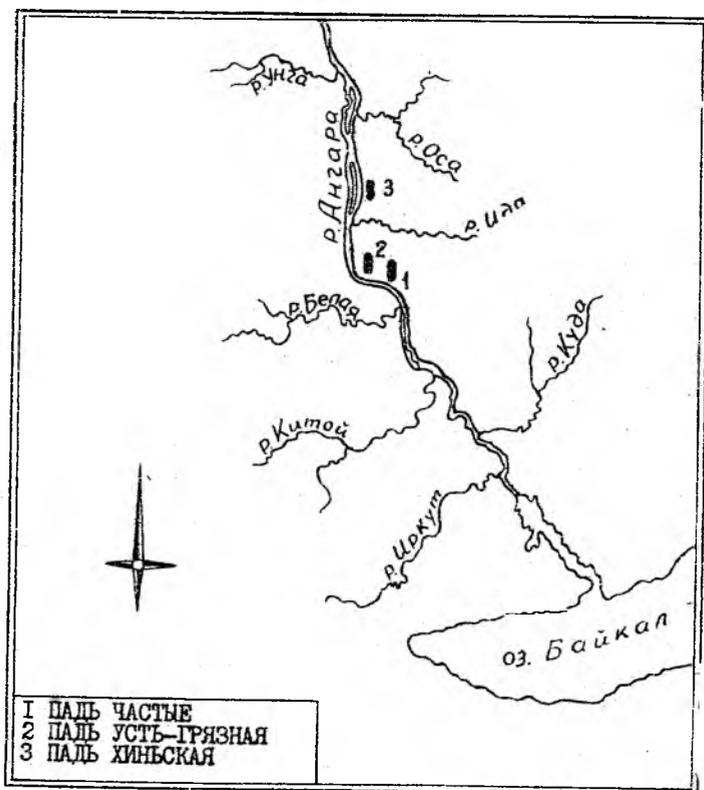
Проведенные в районе с.Каменка работы показали, что первые три местонахождения (I-III) в целом представляют собой единый

комплекс, дислоцированный на различных террасовых уровнях. Стратиграфическое положение их аналогично, как аналогичен и археологический материал.

Датировать эти стоянки мы можем так же, как и бадайские стоянки типа Черемушника I, временем, видимо, раннего голоцена около 11000-10000 лет. Археологическая датировка, основывающаяся на анализе каменного инвентаря, должна соответствовать в целом раннему мезолиту. В культурном отношении местонахождения Каменки I-III тяготеют к верхоленскому комплексу.

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПРИАНГАРЬЯ

Г. И. МЕДВЕДЕВ

Погребения эпохи мезолита заслуживают специального рассмотрения. Мы намеренно выделили их в отдельную группу, так как, хотя они и имеют вполне определенную территориальную привязку, установить их культурную принадлежность пока еще затруднительно: и в "Верхоленском", и в "Бадайском" комплексе мы находим единичные черты сходства с инвентарем погребений.

В настоящее время в Приангарье известны три погребения, археологический возраст которых ориентировочно определяется мезолитическим временем.

Два из них: погребения в падах Частые и Усть-Грязной территориально принадлежат к "Ангаро-Бельскому" району. Третье - в паде Хиньской, находится севернее группы "единошых" стоянок и территориально тяготеет к ним.

Погребения в падах Частые и Хиньская были открыты А.П.Окладниковым и опубликованы им в первом томе исследований по неолиту и бронзовому веку Прибайкалья (Окладников, 1950). Отсюда мы и заимствуем их суммарное описание.

Погребение в паде Частые (правый берег Ангары, 122 км ниже г.Иркутска) оказалось разрушенным. Могильная яма и костяк были ориентированы на ССЗ и сверху засыпки прикрыты каменной кладкой.

Уцелевшая могильная яма имела овальные очертания и была заполнена гумусом с включениями древесных угольков. Около костей погребенного человека были найдены: 2 длинных шиловидных предмета из шиферного сланца, ножевидные пластинки и острия, изготовленные из пластинок (табл. 51-8, 9-12).

Лучше сохранившееся погребение в пади Хиньской (правый берег Ангары, 175 км ниже г.Иркутска) также имело каменную кладку и точно также костяк был ориентирован почти на север, лишь "с легким уклоном на восток" (Окладников, 1950). Костяк, видимо, сохранил свое первоначальное положение. Он покоится "на спине, в вытянутом положении, причем левая его рука была вытянута вдоль тела, а кисть правой, слегка согнутой в локте, помещалась на тазовой кости сверху" (Окладников, 1950, стр.158).

В могиле были найдены два наконечника стрел с двусторонней обработкой,²⁵ три острия из пластинок, восемь ножевидных пластин тонкое, плоское острие из шиферного сланца, костяной наконечник стрелы с обломанным насадом и резец бобра. (табл.5I-I, 2-7).

Погребение в пади Усть-Трясная (правый берег Ангары в 127км ниже г.Иркутска) было обнаружено весной 1963 года во время снегооттаяния бакешиком Г.Бархатовым. Оно находилось вблизи вровки I террасы р.Ангары. Могильная яма была вырыта в песчаном грунте. Глубина уровня закладки ямы не превышала, видимо, 65-75 см от поверхности, но точно установить эту деталь не представлялось возможным в связи с сильной разрушенностью современной поверхности.²⁶ Сама могильная яма оказалась чрезвычайно маленькой - не более 1 м в длину. Очертания в плане овальные. Заполнение гумусное, с древесными угольками. Засыпка перекрыта крупными плитами известняка. Костяка в погребении не было. В углесто-гумусной массе были рассеяны мелкие кости и несколько фрагментов костей черепа. Стало быть, об ориентировке костяка говорить невозможно, но яма была сориентирована строго на С-Ю.

В погребении были найдены: обойма костяного вкладышевого ножа с одним пазом для кремневых пластинок (табл.5I-I3), вкладыш из пластинки прямоугольной формы с мелкой неровной ретушью по длинным краям и крутой ретушью на концах изделия (табл.5I-I3), призматическая пластинка без ретуши, крупная пластинка с мелкой ретушью, заготовка орудия из тонкой плитки шиферного сланца, отщепы кварцита, кремния и окаменелой породы. Кроме того, в погребении были обнаружены фрагменты челюстных костей тайменя

25. А.П.Окладников называет их "наконечниками дротиков" и сравнивает с наконечниками Берхленской Горы и Ушканки (Окладников, 1950).

26. Через погребение проходила дорога и затем здесь произошел сильный разрушения весенний сток.

определение А.Г.Егорова Биолого-Географический институт, Иркутский университет.

Таким образом, три погребения, обнаруживают, прежде всего, сходство в ориентировке могильных ям. В Частых и Усть-Грязной однотипным является и заполнение ямы гумусированной массой. Во всех трех случаях имеются кладки.

Что касается положения костяков, то здесь пока нет возможности выявить какую-либо закономерность. В Хиньской отмечается труположение на спине, в Частых костяк нарушен, а в Усть-Грязной погребение производит впечатление вторичного захоронения или же частичного трупосожжения (кости черепа не обгоревшие). В Хиньской и Частых найден близкий по облику погребальный инвентарь. Усть-Грязная дает несколько отличный комплекс, но все три погребения объединяют отсутствие четких неолитических форм свойственных погребениям, последующего исаково-серовского времени.

Вполне очевидно, что данные по одной из важных сторон в характеристике материальной культуры мезолита - погребальным комплексом - еще чрезвычайно бедны. Отсутствует убедительная стратиграфия, абсолютная датировка погребений неизвестна, а относительное определение их археологического возраста поздним мезолитом, конечно, условно и может колебаться в пределах всего периода от его начала до финального времени. Мы склонны относить погребения к финалу мезолита. На это указывают совершенные по технике обработки двустороннеретушированные наконечники стрел из погребения в пади Хиньской, шиферные острия и острия из призматических пластинок.

О возможной синхронности погребений с позднейшими мезолитическими горизонтами Усть-Белой, Соснового Бора, Уляхи, Царь-Девичи свидетельствуют, как нам представляется интересное сочетание в инвентаре мелких наконечников-бифасов и, острий из призматических пластинок.

Можно предположить, что погребения в Усть-Грязной и Частых оставлены людьми, обитавшими в Усть-Белой (I горизонт), или Уляхе (I горизонт).

Р Е З Ю М Е

Резюмируя изложенные материалы, мы можем сказать, что описанные 14 местонахождений Ангаро-Бельского и Ангаро-Идинского районов различаются и хронологически, и в культурном отношении.

По признаку хронологическому все памятники подразделяются на три основных группы.

Наиболее древними мезолитическими памятниками, или памятниками раннего мезолита, являются местонахождения Бадай I, Перешеек, Черемушник, Сосновый Бор (Ш горизонт), Усть-Белая (XVI-XIV горизонты), Каменка I-II. Основанием для этого служат изложенные данные по стратиграфии, определяющие относительный возраст памятников ранним голоценом или границей голоцен-плейстоцен (около II - IO тыс. лет).

Для памятников Ангаро-Бельского района в последнее время по-прежнему является возможность установления генетических корней мезолитической культуры, именуемой "бадайской". Обнаруженные и находящиеся еще в состоянии изучения комплексы Соснового Бора (IV-V горизонты), Кулаково, Черемушник II, возможно, являются палеолитической основой "бадайской" культуры, а может быть ее первой хронологической группой. Для памятников идинской группы предшествующие культурные комплексы пока неизвестны. Сходство их с Берхонской Горой не означает происхождения от последней, тем более, что между ними или нет хронологического разрыва, или же он крайне незначителен.

Памятниками, которые возможно отнести к среднему мезолиту Приангарья, являются Усть-Белая (XII-III-"объединенный" горизонты), Уляха (I-II горизонты), Ленковка (нижний слой).

Возраст их совпадает с началом голоценового оптимума. Средняя абсолютная дата этой группы - 9000 лет от наших дней.

Наконец, группа памятников финального мезолита представлена Сосновым Бором (II горизонт), Усть-Белой (I горизонт), Уляхой (I горизонт) и погребениями в падах Частые, Усть-Грязная, Хиньская. Ориентировочная дата финального комплекса может соответствовать седьмому тысячелетию от наших дней.

Если мы достаточно легко обнаруживаем сходство стоянок "идинской" культуры с "верхоленским" комплексом и объявляем их родственными на основе ряда специфических элементов в технике (ладьевидные изделия, лыжевидные сколы, "гобийские" нуклеусы; своеобразные широкие бифасы, "ула" из плиток аргиллита), то для "бадайского" комплекса пока не обнаруживаются территориально сколько-нибудь удаленные родственные культурные варианты. В ряде статей высказывались мнения о забайкальской прародине "верхоленского" комплекса и автахтенности "бадайцев". (Медведев, 1966; Аксенов, Медведев, 1966).

Мы продолжаем придерживаться этого взгляда. На финальном этапе развития мезолитической культуры "бадайский" и "верхоленско-идинский" комплексы, видимо, видимо, вступают в довольно тесное взаимодействие. Вырабатывается своеобразный комплекс; с преобладанием черт "верхоленской" культуры в ее, если можно так сказать, "байкальском" варианте (Царь-Девича). Этот комплекс как бы перекрывает все три известных района концентрации мезолитических памятников Верхнего Приангарья и создает базу для возникновения неолитической культуры, которая фиксируется пока лишь в Усть-Белой и имеет отличия как от серовского, так и от китойского комплексов.

Кратко сформулировать основные характерные моменты в развитии техники, соответственно выделенным этапам с учетом региональных различий между "бадайским" и "идинским" комплексами очень трудно. Это вызывается рядом причин и прежде всего различиями в степени изученности не только отдельных памятников, но даже отдельных горизонтов на той или иной стоянке. Вполне естественно, создается неравномерная обеспеченность тех или иных выводов вещественными данными.

И все же собранный материал позволяет сделать ряд наблюдений. Так мы можем отметить, что для раннего этапа "бадайской" ме-

волитической культуры свойственно наличие в инвентаре различных модификаций скребел, в том числе и выполненных в бифациальной технике, Морфологически наиболее выразительной и интересной является группа остроконечных скребел с пристроенным обушком. В целом они не многочисленны, но составляют вполне определенную группу.

Можно отметить также, что процент изделий, выполненных в бифациальной технике выше в раннем комплексе, нежели в среднем и финальном. Это дает основание предполагать, что в палеолитических памятниках "Садайского" или "протобадайского" круга техника двусторонней обработки была распространена относительно широко, но уже к концу раннего этапа мезолита она сводится к минимуму. Собственно этот "минимум", выраженный в немногочисленных наконечниках стрел, мы фиксируем на среднем и финальном этапах. Об исчезновении бифациальной техники мы говорить не можем, но, видимо, интенсивное поступательное развитие техники сложных орудий, потребовавшее всемерного расширения пластинчатой индустрии, отодвинуло на задний план бифациальную обработку.

Это отразилось на группе нуклеусов. Многоплощадные дисковидные и грубопризматические, высокие клиновидные со скошенной площадкой нуклеусы раннего этапа мезолита резко сократились в числе, уступив место небольшой величины клиновидному и призматическому нуклеусам среднего этапа — основным поставщикам массового материала для выкладных лезвий. Этот процесс достиг своего апогея в финальное время, выражившись в появлении "бочонковидных" микропунклеусов.

Некоторые интересные моменты в развитии техники связаны и с трансверсальными резами. Ранее мы называли их "боковыми" "верхоленского типа" и сравнивали с аналогами из докерамических комплексов Араия (о.Хисю) в Японии (Медведев, 1966). Мы считали эту форму более всего свойственной в палеолите — Красному Яру (УП-У горизонты), а в мезолите — Верхоленской Горе. В инвентаре "Садайских" памятников эти формы рассматривались как "импортные". Действительно, только на среднем этапе "бадайской" мезолитической культуры эта форма представлена полно и в положении доминирующей. На раннем этапе трансверсальные резы немногочисленны. Если привлечь новые материалы Соснового Бора, то контраст усиливается. Культурные горизонты IV и V не дают нам

подобных резцов, в III горизонте три четко оформленных трансверсальных резца и только во II горизонте они составляют небольшую группу. Но это уже финальное время, где трансверсальный резец находится в сочетании со срединными многофасеточными и резцами на углу сломанной пластинки и количественно зачастую подчинен им.

Стало быть, с одной стороны - Красный Яр - Каменка - Верхоленская Гора с характерным для них трансверсальным резцам типа Арайя, на протяжении всего хронологического периода, с другой стороны - Сосновый Бор - Усть-Белая, для которых эта форма резца становится обычной на каком-то отрезке раннего этапа мезолита.

Еще более яркий контраст наблюдается в группе нуклеусов. Для "бадайского" комплекса отмечается довольно сильная, живучая традиция дисковидного нуклеуса и двуплощадного, грубопризматического нуклеуса со скошенными площадками, чего мы не можем отметить для "идинского" или "верхоленского" комплексов. Но, в свою очередь, в материалах "идинских" стоянок и на Верхоленской Горе четко представлены элементы специфической техники расщепления камня, связанной с так называемой формой "тобийского" нуклеуса и известной сейчас в Японии под именем техник Хорока и Юбетсу (Morlan, 1967). В "бадайском" комплексе эта техника не получила развития. Она замещена ординарной, широко распространенной во всей северной Азии техникой изготовления клиновидного нуклеуса с круговой или боковой подработкой площади мелкими сколами.

Сильно видоизмененная форма "ладьевидного" ("тобийского") нуклеуса в финальном мезолите, по нашему мнению, может быть связана с традициями Верхоленской Горы и памятников более восточных, забайкальских регионов.

Что касается наконечников-бифасов, то они представлены сейчас во всех трех районах в ранних, средних и финальных комплексах. Но в общем число их невелико, а в морфологии нет какого-либо определенного стандарта. Собственно, нестандартность можно считать одной из характерных черт мезолитических наконечников Верхнего Приангарья. Различным является и функциональное назначение их, особенно, если сравнивать одновременные экземпляры.

Несомненно, что техническая традиция двусторонних наконечников Верхнего Приангарья имеет палеолитические корни. Но сказать

что-либо большее по этому поводу в настоящее время невозможно.

Если сравнивать мезолитические наконечники с неолитическими, то можно говорить не столько о развитии морфологии, сколько об эволюции размеров и ретуши. Последовательное уменьшение размеров и одновременно с этим совершенствование ретуши в сторону приближения ее к фасетке с параллельными краями - признаки, предвещающие неолитическую эпоху.

В анализе "галечной" индустрии следует отметить, что термин "чоппер" мы условно сохранили за разнохарактерными изделиями из речных галек, у которых обработанным является только лезвие, а остальная поверхность не тронута.

Условно постольку, поскольку ровное, тщательно оббитое и подправленное мелкой ретушью, овальное, прямое или вогнутое лезвие у большинства изделий отличает их от классической формы.

"Чоппер" в полном смысле слова, представленный массивной галькой с лезвием, оформленным несколькими крупными сколами, не пережил палеолита, а более правильно связать даже времени Мальты и Бурети. То, что мы именуем "чоппером" в мезолите, является собой затухающую линию развития "классической" формы.

Относительно шире и полнее представлена боковая - "дочерняя" - ветвь чоппера в виде тесловидных и скобящих инструментов, у которых кроме лезвия оббиты одна или две боковые грани. В принципе, эта форма палеолитического происхождения. В мезолите на ее основе возникают различные модификации, наиболее яркой из которых является тип тесловидного инструмента с вогнутыми боковыми гранями постепенно переходящими в боковые выемки, типа "перехвата" для крепления к рукояти. Для финального мезолита они составляют одну из наиболее характерных групп. Последняя очень выразительно представлена во II горизонте Соснового Бора.

Возможно, на базе "галечной индустрии", или на основе пластин и отщепов с концевой подтеской типа долота, возникает двустороннеоббитый топор и тесло в финальном и среднем мезолитических комплексах. Однако эти изделия единичны, как, вероятно, единичны, все первые изобретения, создавшие впоследствии целую эпоху технического прогресса.

Обращаясь к изделиям из кости и рога - одной из интереснейших коллекций "бадаевского" мезолитического комплекса, мы должны отметить, что эта группа инвентаря, к сожалению, весьма

фрагментарна, если ее рассматривать поэтапно.

Подавляющее количество вкладышевых ножей или наконечников относится к среднему мезолиту.

Вкладышевое оружие представлено в целом мелкими формами, но преимуществу двулезвийными. Были ли они крупнее и отличались ли морфологически в раннемезолитический период сказать трудно. Мы знаем, что они существовали в это время и, судя по одному обломку из XVI горизонта Усть-Белой, можем предполагать, что обладали сходством с более поздними. Трудно говорить и о сходстве или различии этой группы инвентаря с формами финального этапа, поскольку здесь не найдено даже обломков подобных изделий.

Нельнорезные рыболовные крючки тоже составляют пока экзотическую группу, свойственную только среднемезолитическому комплексу Усть-Белой. У нас есть основания предполагать, что в тех памятниках, которые мы именуем раннемезолитическими и даже в более ранних, уже была известна и технология изготовления подобных орудий и способы их производственного употребления. Но мы весьма условно можем представить себе их морфологию и размеры.

То же самое можно сказать и о гарпунах. Известные гарпуны -- среднемезолитического возраста, но формы их являются четко выработанными и в целом они уже более неолитические по общему абрису. Несомненно, они были известны и ранее, однако, раннемезолитические комплексы до сих пор не дали нам древних аналогов. Не можем мы с уверенностью судить и о их дальнейшем развитии на финальном этапе.

Со всеми видами описанного инвентаря мы сталкиваемся уже в неолитическое время, обнаруживаем ряд сходных черт в серовском погребальном комплексе и вынуждены делать сравнения, минуя финальный этап.

В целом, инвентарь из кости и рога в настоящее время является преимущественно показателем развития техники обработки кости в мезолите, важным элементом в обосновании типа хозяйства этого периода и степени его развития.

Как типологический индикатор он пока, впредь до накопления новых материалов, мало действенен.

Исключение можно сделать лишь для гарпунов, которые с относительным успехом могут сопоставляться как внутри мезолитического периода, так и за его пределами в неолитических комплексах,

отражая в первом случае локальные различия между "бадайским" и "верхоленским" комплексами, а во втором, выявляя в неолите существование традиций мезолитической техники.

В целом, отвлекаясь от интересных порой, но все же мелких частностей, можно сказать, что инвентарь мезолитических стоянок Ангаро-Бельского и Ангаро-Идинского районов в рассмотрении его от раннего к позднему обнаруживает общую тенденцию к выработке, последующем закреплении и совершенствовании основных типов неолитической индустрии.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ УКЛАД
МЕЗОЛИТИЧЕСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ
УСТЬ-БЕЛОЙ

Г. И. МЕДВЕДЕВ

Хозяйству мезолита мы уделяем особое внимание уже в силу того, что еще совсем недавно этот вопрос оставался совершенно неразработанным для Приангарья.

За исходные данные нами взяты палеонтологические материалы мезолитических горизонтов многослойного поселения Усть-Белая, как основной показатель объектов промысла и его объема, а также специализированный промысловый инвентарь, полнее всего характеризующий развитие первобытной техники, и, кроме того отражающий степень важности того вида промысла, который он обнаруживает.

Наибольшее количество данных по интересующему нас вопросу получено при изучении культурных остатков в пачке поздних мезолитических горизонтов (XIII-II - "объединенный"). Самые древние культурные горизонты стоянки дают пока немногочисленный материал. То же самое можно сказать и о самом позднем (I) культурном горизонте стоянки.

Всего из 16 горизонтов мезолита Усть-Белой происходит свыше 11,5 тно. костных остатков (31,0% от всех находок). Они принадлежат косуле, лосю, благородному оленю, медведю, волку, лисице, рассомахе, Зобру, зайцу, домашней собаке, грызунам, птицам и различным рыбам. Все перечисленные животные (кроме собаки и грызунов) в свое время служили объектом охоты, но роль их в хозяйстве была, конечно, различна. Согласно статистике, около 10 тысяч костных остатков (6404 определенных костей и свыше 3500 осколков) принадлежит косуле. Это составляет около 88% всей фауны; 600 костных остатков (5%) принадлежит ры-

бе; кости лоса и благородного оленя (суммарно) составляют 3% (369 единиц); костей птиц найдено около 200 (1,5%); в 2% входят все остальные, перечисленные выше виды фауны и мелкодроблевиная кость.

Таким образом, наибольшее количество костных остатков принадлежит косяке и ихтиофауне, что выдает их преобладающее значение в хозяйстве. Им мы и уделим наибольшее внимание.

До недавнего времени было принято считать, что рыболовство в Приангарье, как самостоятельная отрасль в хозяйстве появляется лишь на саровском этапе Ангарского неолита (Окладников, 1950). Раскопки в Усть-Белой открыли совершенно своеобразную картину рыболовецкого хозяйства в донеолитическое время. Помимо большого количества костных остатков рыб.²⁷ Здесь были обнаружены уникальные орудия рыбного лова.

Определение костных остатков показало, что объектами рыбного промысла усть-бельцев служили: осетр, налим, щука, таймень.²⁸ Из всех подвергнутых анализу костей рыб (600) 50% принадлежали осетру, 8% налиму, 6% щуке и 3% тайменю. Остальные 33% вошли в разряд неопределимых. Средние линейные размеры отлавливаемой рыбы составляли: осетр - 120 см (отдельные экземпляры превышают 200 см), налим - 55 см, щука - 77 см, таймень - 110 см (определение Цепкина Е.А.).

Соответствующие линейным средние весовые показатели для осетра - около 20 кг (у 2-х метровых экземпляров - до 90 кг), налима 1,5 - 2 кг, щуки - 3-4 кг, тайменя - 10-12 кг (Миша-

27. Кости рыб в основной своей массе собраны в кострищах и сколо них в части террасы, заливаемой периодическими паводками. Поэтому надо учитывать, что большое количество костей стorerо в кострах, часть же была унесена паводками; наконец, многие костные остатки невозможно было взять при расчистке кострищ ввиду их чрезвычайно плохой сохранности.

действительное количество остатков рыбного промысла, видимо намного превышало зафиксированные нами при раскопках.

28. Первое определение иктиофауны Усть-Белой в 1963 г. было сделано А.Г.Покатиловым (Институт Земной Косы АН СССР), затем более массовый материал был предварительно обработан А.Г.Егоровым (Биолого-Географический Институт при Иркутском университете); подробное определение всего материала было проведено в 1966 г. Е.А.Цепкиным (Институт Археологии АН СССР).

рик, 1950).

Приведенные данные свидетельствуют, что основным промысловым видом являлся осетр. Обитателям Усть-Белой кроме высококачественного продукта питания (мясо, икра, жир) осетр давал и важное сырье для нужд первобытного производства - осетровый клей и кожу. Клей был особенно важен для изготовления сложных орудий из кости и кремня (ножи, наконечники).

Можно предположить, что и рыболовецкий промысел, или его еще можно назвать рыболовецким циклом, в общем объеме, хозяйства, в значительной степени зависел от биологии осетра.

Массовая добыча осетра начиналась весной одновременно со вскрытием рек. В период апреля-июня в основных реках Сибири осетр идет на нерест (Варпаховский, 1902; Макаренко, 1902; Воробьев, 1926; Егоров, 1943). В пределах верхнего течения Ангары, р. Белая, являлась, видимо, одним из основных мест нереста осетра, чему должны были способствовать многочисленные площадки каменисто-галечных и плотных крупнозернистых песчаных донных грунтов, излюбленных мест нереста осетровых (Егоров, 1961)²⁹

Значительный процент осетров из мезолита Усть-Белой с показателями более метра и весом 15 кг и более, может быть еще одним косвенным свидетельством добычи осетра во время нерестового хода. А. Г. Егоров приводит данные об участии в нерестовом ходе особей в возрасте 15-28 лет (самцы) и 20-37 лет (самки). (Егоров, 1961). Это вполне совпадает с отмеченными линейными и весовыми показателями.

Летом, во время нагульного хода, осетра с успехом могли ловить на обширных отмелях и ямах устьевое участка р. Белой. Одновременно, в летний период, видимо, ловила различную рыбу для повседневного питания.

Но главный промысел осетра должен был осуществляться осенью, начиная с конца августа - начала сентября, когда осетр ходит от ямы к яме, выбирая место для зимовки. В это время осетра добывали на перекатах, в ямах, и возможно, "лучали". После ледо-

29. Характерно, что в историческое время, когда осетра на участке Братск-Иркутск уже практически не существовало (видимо его было настолько мало, что специального лова не производили), в устье р. Белой отмечались случаи поимки осетра (Егоров, 1943; Митарин, 1950).

става, возможен был промысел осетра через проруби над ямами, когда сонную рыбу кололи отрогой. При наличии сетей лов осетра мог продолжаться и зимой (Макаренко, 1902).

Налим, являющийся вторым по значению после осетра, отлавливался, по-видимому, круглый год, но в массовом количестве мог добываться только в зимнее время в период нерестового хода. На этой биологической особенности налима отроился промысел его еще в недавнее время (Боробьев, 1926; Попов, 1937). Налим, кроме мяса, давал очень ценный по своим медицинским и техническим свойствам жир. Последний был, например, незаменимым средством для смазывания кож после их выделки (см. Радде, 1858).

Щука и таймень, вероятно, отлавливались летом, но более всего осенью, когда при светлой воде "с лучиной" их добывают особенно много.³⁰ Щуку могли ловить и в зимнее время.

Орудия рыбного промысла, найденные на стоянке представлены отдельными зубьями острог из кости и рога, гарпунами из рога благородного оленя, пельнорезными крючками из крупных трубчатых костей лося или оленя.

Острога Усть-Белой является, вероятно, наиболее примитивной формой этого широко распространенного в дальнейшем по всей Сибири орудия. Тело у них гладкое, без зубцов и, вероятно, усть-белская острога представляла собой, по сути дела, вариант дротама или копья с двумя-тремя изогнутыми наконечниками бокового крепления.

Различие острог по величине может свидетельствовать о промысловой дифференциации этого рыболовного снаряда в зависимости от промысла определенного вида рыб. Наиболее крупный зуб остроги из рога благородного оленя (табл. 32-3), вероятно, был "осетровой" острогой - древним прообразом тяжелой ангарской "адурн".³¹ Крупные остроги из рога оленя, видимо, еще долго бивовали у коренного населения Сибири. Описывая быт долган, А. А. Попов отмечает, что они "историчну у речник порогах кололи рыбу осетровой из оленьего рога, стоя на плоту "томн" или

30. Н. И. Боробьев (1926) приводит пример, когда в одной из речек бассейна р. Чуны 2 рыбака при помощи лучиной добыли 150 аршинных таймений (примерно 400-500 кг).

31. Хорошее описание применил "адурн" дано у А. Макаренко (1902).

"тому", устроенному из соединенных в ряд пяти или шести гнанных деревьев" (Попов, 1937, стр.188-189). Несомненно, А.А.Поповым отмечен один из наиболее древних и примитивных способов добычи осетра, возникновение которого восходит, вероятно, ко времени зарождения самого рыболовства. Исследователь не описывает, к сожалению, устройство остроги из рога, но, возможно, принципиальная конструктивная основа ее была близкой³² к усть-бельской.

При помощи остроги могли бить осетра на мелких перекатах и шиверах весной во время нерестового хода, а также в осеннее время, выгоняя в этом случае рыбу сильным шумом из зимовальных ям (Воробьев, 1926).

Можно предположить, что наиболее крупные особи осетров в Усть-Белой были добыты именно с помощью "остроги из оленьего рога".³³

Собратом остроги в рыбном промысле Усть-Белой являлся гарпун.

Особенностью усть-бельского гарпуна является небольшой размер его наконечника, что сразу обращает внимание при сравнении, например, с верхоленской формой. Если это не результат ограниченности наших знаний, обусловленный очень малым числом находок наконечников гарпунов, то можно предположить, что гарпуны Усть-Белой употреблялись для добычи сравнительно небольших по размерам рыб.

Третьей группой рыболовного инвентаря являются костяные крючки, вырезанные целиком из единой заготовки. Все они в принципе однотипны. Но сильное варьирование их по величине может свидетельствовать еще полнее, чем, например, остроги, об имевшей место дифференциации рыболовного инвентаря, соответственно потребностям промысла различных видов рыб. Крючки употреблялись, не-

32. Несомненно, полного представления об остроге Усть-Белой мы не имеем в связи с фрагментарностью археологического материала. Возможно, это была двузубая острога, не исключено также, что два боковых гладких зуба дополнялись центральным острием с зубцами типа наконечника гарпуна.

33. Поручик Орлов, наблюдавший промысел с острогой у эмуриков орочен, писал, что "орочены острогой с лодки бьют осетров, тайменей, белугу и калугу такой величины, что иногда "акры с одной рыбы достают пуд и больше". (Орлов, 1858, стр. 194). В описываемых Орловым случаях острога была, конечно, железная, усть-бельцы же для добычи осетров в 1.70-2.00 м величины, естественно, должны были применять большую прочную "роговую" острогу.

сомненно или в переметах, какие известны были всем народам севера Евразии (Арсентьев, 1875; Варпаховский, 1902; Воробьев, 1926; Попов, 1937), или же в виде отдельных снарядов, например, типа, "лумы", применяющейся в Нарымском крае (Шостакович, 1888),³⁴ и зимних удочек, описанных А.А.Поповым (1937) у долган.

Крючки применялись, видимо, для ловли различных рыб. Наиболее крупные, конечно, шли в осетровые, щуки и тайменные переметы. Для грузил к лескам могли употреблять специальные грузики из агальматолита, о которых упоминается в статье по Усть-Белой в настоящем сборнике.

Говоря о кричках, необходимо отметить один, очень любопытный предмет, не получивший до настоящего времени удовлетворительного истолкования (табл. 31-4).³⁵ На первый взгляд он представляет собой как будто зуб острога, но для нее он слишком мал и, кроме того, имеет насад, не соответствующий боковому креплению. С большим основанием можно увидеть в этом предмете элемент составного рыболовного крючка может быть самого древнего и имеющего, возможно, в дальнейшем какое-то отношение к глазковским составным крючкам из кости и рога (Окладников, 1955). Возможно, он так же, как и позднейшие его аналоги, вставлялся в узкий паз костяной или роговой основы.

Для наживки переметов могли употреблять мелкую рыбу - "живца", например, вьюна, очень любимого, видимо, осетрами. Мисарин (1850), Варпаховский (1902) и Воробьев (1926), отмечают в качестве наживки для осетрового перемета кожу налима. Долганы употребляли, по Попову (1937), для этой цели кусочки сига.

Тремя описанными группами состав рыболовного инвентаря усть-бельцев, надо полагать, не исчергивался. До нас не дошли рыболовные снаряды, изготовленные из древесного материала, и, преле всего, различные типы - "верши", возможно, сходные с обски-

34. Б.Шостакович дает описание "лумы", рыболовного снаряда, сплошь выполненного из дерева (леска из "сорга" - Волокно, корня, илючек из сучка и наплав из деревянной бакуши), не без основания усматривая в нем один из древнейших типов рыболовного инвентаря. "Лума" приспособлена для рыболовства озерного типа, но при некотором конструктивном дополнении ("якоре") могла употребляться и на течении, особенно в тихих протоках.

35. Изготовлен он из обломка острой большого вкладышевого наконечника или кинжала.

ми "гимгами", описанными Варпаховским (1902) или "морлами" долган (попов, 1937).

С известной долей вероятности можно предположить и появление на заключительных этапах жизни мезолитического поселения в Усть-Белой одного из наиболее продуктивных орудий рыбного промысла - сети, которая могла быть изготовлена из растительных волокон так же, как и зерна. О подобных сетях есть упоминания в преданиях эвенков (Рычков, 1917). В мезолитических же стоянках Приангарья, в самых поздних культурных горизонтах появляются первые грузила из плоских галек (Хлобыстин, 1964). Разумеется, эвенкийские предания не восходят к временам мезолита, однако сам тип сети из растительных волокон, о котором они говорят, мог возникнуть раньше неолитического времени.

Среди находок Усть-Белой есть еще два предмета, которые имеют отношение к рыбному промыслу - специальные колотушки из рога благородного оленя (табл. 12-3; табл. 32-2). "Топоры-колотушки" изготовлялись из основания рога оленя. При этом рукоятью служил первый (глазничный) отросток рога. Коронка основания оббивалась или обрезалась, принимая окончательную форму округлого выступа - обуха. Накосось срезанный с боку основной ствол рога оформлял лезвие длиной до 10 см, кромка которого специально затуплялась.³⁶ Функционально этот тип орудия соответствует широко распространенным по северу Евразии снарядам для добывания отлосленной крупной рыбы: "колотушка" - у нганасанов (Попов, 1948), "щучий топор" - у эврия (Арсеньев, 1875) и т.д. Некоторым колотушкам орудия Усть-Белой соответствуют и по форме ("Народы Сибири", Навхи, 1956).

Наконец, последним и очень важным является вопрос о наличии у мезолитических рыболовов Усть-Белой лодки.

Прямых свидетельств этому, то есть каких либо вещественных доказательств знакомства усть-бельцев с лодками, пока нет. Можно, конечно, сослаться на материалы мезолита Европы, где известны находки частей лодок-долбленок (Кларк, 1953). Но это малоубедительно. Гораздо убедительнее, как нам представляется

36. Первое упоминание о "колотушках" из рога оленя имеется у Э. В. Петца в описании коллекции орудий с Верхоненской Горы (ИРОМ, кол. №721). К сожалению, сами орудия не были автором раскопок описаны и опубликованы, а в составе коллекции не сохранились.

ся, отметить, что большинство операций по добыче рыбы, связанных с применением описанных рыболовных орудий из кости и рога, было бы невозможно без лодки.³⁷

К рыболовному инвентарю можно отнести и некоторые орудия из кремня - своего рода "орудия потребления". Они составляют своеобразную группу тонких ножей из отщепов подтреугольных и иных, иногда причудливых очертаний.

Итак, подводя итог описанию материалов по рыболовству Усть-Белой, можно сказать, что рыболовецкий цикл здесь охватывал в основном период от вскрытия рек до ледостава с резким повышением интенсивности весной и осенью. Если учесть при этом, что щуку могли ловить круглый год, а налима в массе - зимой (январь-февраль), то рыбный промысел практически не прекращался в течение года. Осуществлялся промысел с помощью трех групп основного специализированного инвентаря. Если наши предположения верны, то к сохранившемуся инвентарю можно добавить еще три группы - верши, сети и лодку.

Второй важной отраслью хозяйства, как уже отмечалось, была охота на косулю. Выше была приведена цифра общей массы костных остатков этого животного. Характерно, что в их составе присутствуют все кости скелета вплоть до тех, которые с успехом могли быть оставлены на месте охоты при разделке добычи. Видимо, охота производилась непосредственно в окрестностях стоянки, и туши доставлялись на нее целиком. По крайней мере, это случалось нередко. Так, на вскрытой площади зафиксировано 146 черепов, разной степени сохранности, 323 челюсти и 30 целых и фрагментированных рогов.

Точно установить общее количество добытых на охоте особей пока не представляется возможным. Если взять приводимые Ермоловой Н.М. (1966) цифры соотношения общего количества костных остатков косули и числа определенных по ним особей за общий

37. Как любопытный факт в этом плане можно отметить находку своеобразного орудия из отростка рога лося с правильным круглым и крупным отверстием в широкой части (табл. 33-1). Это орудие было описано нами в отдельной статье (Медведев, 1966).

Аналогом ему может служить деталь специального сагра ("лодочного крожа"), употребляемого американскими эскимосами (Аляска), при вставании на каяках в ледовой обстановке. (Malasi, 1899, p. LXXX, 1). Это конечно, не значит, что усть-бельцы плавали в каяках, но возможно, что мы имеем в данном случае вовсе не случайное совпадение.

средний показатель для Усть-Белой, то ориентировочно можно определить, что на раскопанной площади представлено не менее 700 особей. Насколько должна вырасти эта весьма приблизительная цифра при условии полного вскрытия всей площади поселения, сказать чрезвычайно трудно.

В общем, при всей проблематичности отдельных вопросов статистики ясно одно, что косуля была важным объектом промысла, добывалась в большом количестве, а охотничьи угодья находились где-то вблизи поселения.

В последнем убеждает и тот факт, что район приустьевоего участка р.Белой, как и весь современный Усольский район, еще в недалеком прошлом был местом массового обитания косуль. Еще и сейчас косуля продолжает жить в перелесках приустьевоего участка р.Белой, несмотря на постоянное присутствие здесь человека и ведущееся вокруг строительство.

Раньше данный район являлся местом зимовки косуль, мигрировавших сюда из предгорий Саян. Еще не так давно А.С.Фетисов имел возможность наблюдать здесь осеннюю миграцию косуль, двигавшихся большим стадом по семь животных в ряд (Фетисов, 1947).

Видимо, подобными переювечками с успехом пользовались усть-бельские охотники.³⁸ Большой процент черепов косули со стянки, имеющих лишь венечные отростки лобных костей, свидетельствует о том, что животные были убиты после обрасывания рогов, то есть после первой декады октября, следовательно, как раз в период миграции, продолжавшейся обычно до декабря (Фетисов, 1947). Надо полагать, что период октябрь-декабрь был периодом заготовки мяса косули на зиму. По свидетельству Б.Э.Петри в это же время (в начале указанного срока) производилась охота на косулю во время ее осенней миграции у тутурских эвенков (Петри, 1930). Судя по всему, это было время наиболее продуктивного промысла. Вторым, равнозначным ему по продуктивности мог быть период "наста" (март). Найличие же на стянке черепов с обрубленными рогами говорит о том, что косуля являлась объектом и

38. Показательно, что в прошлом бурятами в районе Усть-Белой, Мальты, Тайтурки устанавливались колоссальные загонные охоты-облавы (Зэгэтэ-аба), длившиеся 40 дней и собиравшие иногда до 500 человек, съезжавшихся специально даже на таких отдаленных мест, как Тункинская котловина, верховья Лены, район Нижнеудинска (Хангалов, 1988). Видимо, даже в эпоху скотоводов-земледельцев этот район изобилует косулей.

летней охоты, возможно, индивидуальной. Сокращение промысла косули летом вызывалось, вероятно, не столько очередной миграцией животных в прохладные предгорья,³⁹ сколько переключением внимания людей на рыбный промысел.

На лося и благородного оленя, по сравнению с косулей, охотились гораздо меньше. Это видно из приведенной выше цифры костных остатков. Охота на лося и оленя была, видимо, или случайной или эпизодической.

Очень мало можно сказать и о промысле птицы. Чрезвычайно трудно даже определить видовой состав орнитофауны. Из 150 единиц птичьих костей почти 90% подвергнуты обработке. Обитатели Усть-Белой очень ценили тонкую прочную кость птицы, шедшую на изготовление иглолок. Поэтому, основная масса костей-полуфабрикаты или отбросы производства. Лишь по некоторым косвенным признакам можно установить, что в составе пернатых, добытых устьбельцами имелись водоплавающие и, возможно, болотные (папла или журавль).

Остальные представители фауны являются, видимо, результатом случайного промысла. Из них особое внимание привлекает только бобр. Находка трех половинок нижних челюстей от трех особей (определение Г.К.Лаврова, ИГУ) очень интересна. Но объяснить ее пока, конечно, трудно. Возможно, здесь проявилась своеобразная первобытно-религиозная символика, но может быть челюсти бобров представляли собой не что иное, как резцовые инструменты, широко распространенные у первобытных народов.

Охотничье вооружение, найденное на стоянке, представлено двумя типами: костяными владышевскими наконечниками из кремня, которыми оснащались, видимо, и дротики, и стрелы. Массивные острая из кости и рога также могли служить оснащением дротико

В целом наличный охотничий инвентарь мог применяться лишь при промысле копытных. Специальных орудий для охоты на птиц пока не найдено.

Кроме дротика и лука могли применяться и другие типы орудий охоты (как-то: различного рода "изгорода" для копытных, "само-

39. Местной косули, обитающей постоянно в районе равнинных кормо-защитных станций, было, вероятно, немало.

стрель" на звериних тропах, силковая снасть на птиц и т.д.). Однако предполагать их наличие мы можем с еще меньшей долей вероятности нежели не сохранившиеся до нашего времени рыболовные снаряды Усть-Белой.

К охотничьему инвентарю можно отнести и ножи из крупных пластин кремня и кварцита, которые, как и "рыбные" ножи, можно причислить к категории орудий "потребления".

В анализе хозяйства усть-бельцев очень интересным является вопрос о так называемых "хозяйственных ямах". В Усть-Белой вскрыты 5 "хозяйственных ям".⁴⁰ Уже отмечалось, что в том виде, в каком они дошли до нас — это ни что иное, как место свалок. Заполнение их представлено костями млекопитающих, рыбы и птиц, отбросами производства, обломками орудий из камня, кости и рога, украшениями и т.д. Можно предположить, что некоторые из них первоначально служили своеобразными примитивными хранилищами, подобно тем, которые отмечал К.М.Рычков (1917) у эвенков.

Если же это предположение ошибочно, то можно видеть в ямах, с момента их закладки, сооружения "санитарного" назначения, специальные свалки. Но и в таком плане ямы Усть-Белой представляют особый интерес, отражая, несомненно, момент долгого обитания устьбельцев на одном месте и их заботу об относительной чистоте территории поселения или жилища.

Наконец, можно предполагать здесь наличие какого-то своеобразного культа, возможно погребального.

Хозяйственными "ямами" можно завершить описание фактического материала по хозяйству Усть-Белой. Как становится очевидным, не все стороны этого вопроса могут быть освещены сейчас с достаточной полнотой и достоверностью. Но это касается прежде всего деталей, иллюстрирующих основное его содержание.

Об основных же чертах, определяющих характер и направление развития хозяйства Усть-Белой в мезолите, можно говорить достаточно уверенно.

Из описания видно, что весь хозяйственный год устьбельцев состоял из двух основных циклов: весенне-летне-осеннего рыболовецкого и осенне-зимнего — преимущественно охотничьего.

40. Для рывья ям рыболовы-охотники Усть-Белой применяли специальные копательные инструменты из лопаток оленя или лося. Одна из них описана в статье по Усть-Белой в настоящем сборнике.

В этом проявляется известное сходство хозяйства устьбельцев с эвенкийской экономикой.⁴¹ Но, нам кажется, сравнение наиболее действительно не по отношению к экономике кочевых эвенков — оленеводов, описанных в этнографической литературе, а к хозяйству их предков, которые согласно преданиям, вели гораздо менее подвижный образ жизни.

Эту же, очень существенную черту мы отмечаем и для Усть-Белой. Действительно, рыболовецкий цикл, длившийся от весны до осени и сменявший его цикл осенне-зимней охоты на коосулю в окрестностях стоянки, не предполагали серьезных передвижений и, видимо, обитание на очень ограниченной территории было круглогодичным.⁴²

Возможность вести подобный образ жизни должно было обеспечить рыболовство, как источник постоянного и обильного продукта питания. О важности рыболовного промысла мы можем судить хотя бы потому, что "в жертву" ему были принесены основные промысловые виды копытных тайги — лось и благородный олень.

Потребность в мясе и шкурах была восполнена охотой на коосулю.⁴³

За лосем и оленем сохранялась роль основных источников "сырья" — кости и рога — для изготовления орудий труда.⁴⁴ Нетрудно себе представить какое огромное количество кости и рога требова-

41. М. К. Рычков писал о енисейских эвенках: "...веснами питаются рыбой; летами — мясом диких птиц, главным образом гусями и растительной пищей; осенью — исключительно рыбой; зимами — оленьим мясом". (Рычков, 1917, стр. 41). У поселенцев Усть-Белой, видимо, меньшую роль играл промысел птицы, а мясо диких и домашних оленей заменялось мясом коосули.

42. Следует отметить важное свидетельство К. М. Рычкова (1917) о древних жилищах эвенков типа конического шалаша, построенных из жердей, коры и дерна ("holok"). О развитии оленеводства, т. е. с началом кочевой жизни, этот тип жилища утратил свое значение, уступив место универсальному, удобному в транспортировке, чуму. Возможно, "тяжелые", дерновые жилища строились и обитателями Усть-Белой.

43. Еще в начале нынешнего столетия в бассейне р. Амурского обитало тунгусоязычное племя (авторы называют их ороченами), жизнь которого целиком зависела от промысла коосули. У них существовал даже специальный культ коосули (Штецнер, 1928; П. В. — 1930).

44. Из кости коосули орудия труда не изготавливались. Видимо, этот материал был мало применим в производстве из-за незначительных размеров и тонкости костей и, возможно, каких-то этических свойств.

лось для изготовления многочисленного охотничьего и рыболовного инвентаря и на постоянное пополнение его в связи с поломкой или полной утратой отдельных орудий во время промысла.

Надо думать, эта потребность заставляла усть-бельцев устраивать специальные охотничьи экспедиции, доставлявшие на стоянку лишь самый необходимый продукт - рога и кости вместе с отдельными частями туш. Но, возможно, что рога и кость выменивались также у соседей, живших выше по р. Белой или обитавших по правому гористому берегу р. Ангары.

Как бы-то ни было, исключение леса и благородного оленя из объектов постоянного, активного промысла (как источника существования) для Усть-Белой можно считать реальным фактом, и рассматривать это явление следует в качестве своеобразной "уступки" рыболовецкому быту.

Другими словами, рыболовы-охотники Усть-Белой "не пошли" вслед за зверем в тайгу, приспособив сообразно своим нуждам природные ресурсы приангарской лесостепной зоны и создав тем самым "комбинированный" тип экономики с тремя направлениями. Два из них - рыболовство со специализацией на отлове осетра и охота на козулю - обеспечены своим узко специализированным инвентарем. Видимо, в равной мере это должно быть справедливо и по отношению к промыслу птиц.

Теперь закономерно возникает вопрос, как характеризовать хозяйство Усть-Белой и обслуживающий его инвентарь. Считать ли его в основе своей палеолитическим, не претерпевшим особых заметных изменений и потому подходящим под термины "эпипалеолит", "голоценовый палеолит" и т.д. Или, может быть, Усть-Белая дает нам совершенно иной хозяйственный комплекс.

Приведенный анализ убеждает в последнем. Мы отмечаем не процесс сохранения "традиций палеолитического хозяйства", но вызревание новых форм эксплуатации природных ресурсов, новых отраслей хозяйства, новых орудий труда.

От палеолита остается, по сути дела, только лишь само понятие "охота", но содержание ее и специфические приемы промысла иные, так как охотничьи операции совершаются уже в иной физико-географической обстановке и по отношению к иным, чем в палеолите, промысловым видам. Стало быть с неизбежностью должна была измениться и сама организация охотничьего коллектива. Расширился и арсенал охотничьего вооружения: появился лук и стрелы

- одно из величайших изобретений древности. Видоизменилось оснащение знакомого уже палеолитическим охотникам метательного оружия - дротика.

Что же касается рыболовства, то эта отрасль хозяйства совершенно не имела места в палеолите. Те единичные кости рыб, которые были найдены в Мальте (Герасимов, 1931, 1935) и на Красном Яре (Абрамова, 1962) можно расценивать лишь как результат случайной удачи палеолитического охотника. В данном случае беспочвенно даже скромное предположение о возможных зачатках рыболовства, тем более, что каких-либо орудий, специально предназначенных для промысла рыбы на палеолитических стоянках Приангарья, нет. Не обнаружены они и в палеолитических комплексах Енисея и Забайкалья.

Все это еще раз убеждает в том, что возникновение рыболовного промысла является основной характерной чертой мезолитического периода в Приангарья. На фоне чисто охотничьей палеолитической экономики это событие знаменует собой новый качественный сдвиг в развитии производительных сил общества - тот самый "перелом", который некоторые археологи склонны относить ко времени появления керамики (Окладников, 1950, 1966; Клобустин, 1965)

В самом деле, качественные превращения, связанные с началом неолита - керамика, стандартизация (или "сериальность") некоторых форм инвентаря, появление новых форм орудий труда - все это результат того социально-экономического и технического "перелома", который имел место в мезолитическое время.

В заключение описания хозяйственного уклада мезолитических обитателей поселения в Усть-Белой остается добавить, что аналогичную картину, видимо, представляет хозяйство таких стоянок, как Уляха и Ленковка, где найдены аналогичные устьбельским гарпунам из рога сленя.

Хозяйство населения группы памятников долины р.Иды из-за отсутствия палеонтологического материала и четких форм промысловых орудий не может быть определено с полной уверенностью, и мы можем лишь предполагать, что здесь также происходил переход к рыболовству, как постоянной, специализированной отрасли хозяйства.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

ТАБЛ. I. Балка I.

Изделия из камня. Подъемный материал.

1. Нож с двусторонней ретушью. Кремний.
2. Призматический нуклеус. Кремний.
3. Чешер. Галька кремнево-песчаной породы.

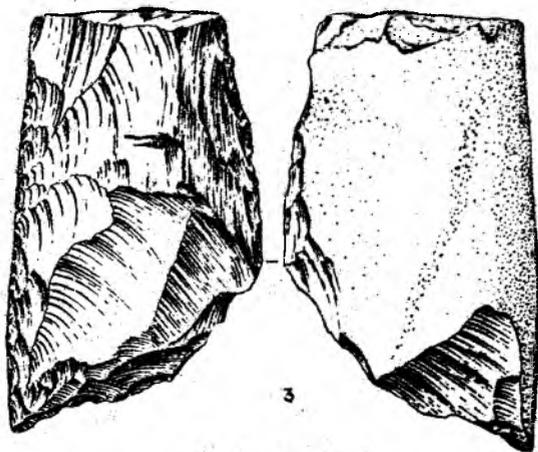
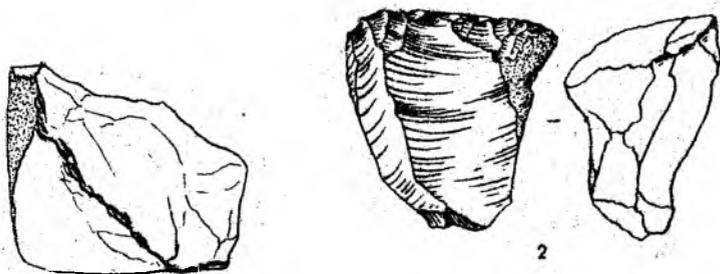
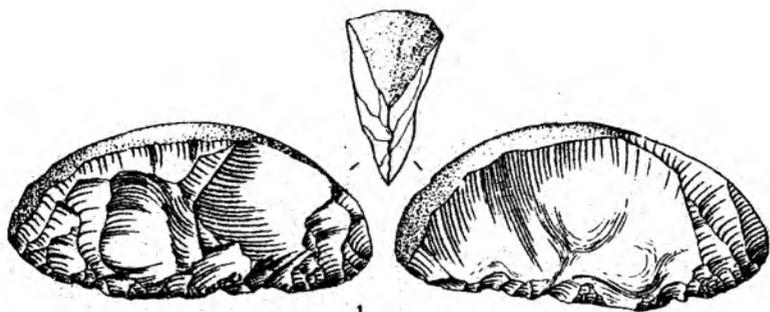

ТАБЛ.2. Перешеек.

Профиль местонахождения. Изделия из камня.

1. Стратиграфический профиль шурфа №3.

2-5. Пластины. Кремьнь.

6-7. Нуклеусы, Кремьнь.

8. Топорик (?). Кремьнь.

9. Скребок. Кремьнь.

6,9 - подъемный материал.

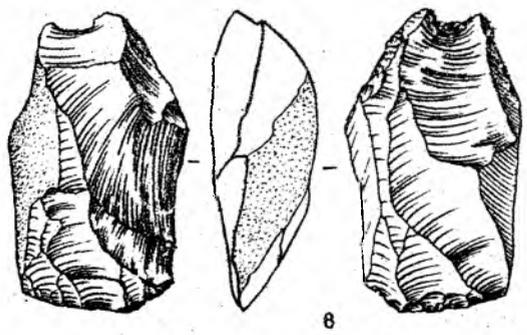
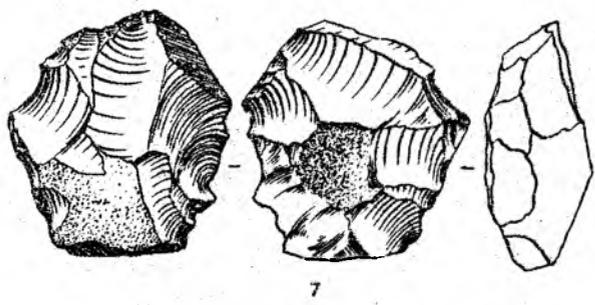
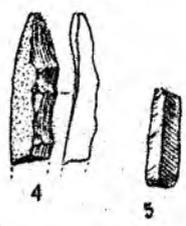
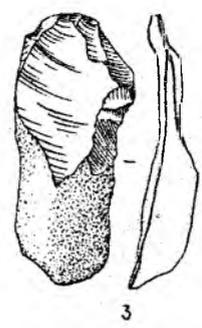
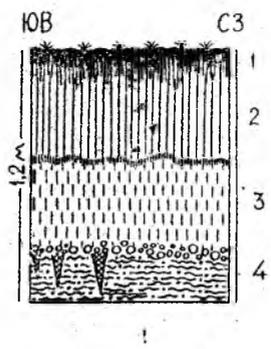

ТАБЛ. 3. Черемушник I.

Профиль местонахождения. Изделия из камня.

1. Стратиграфический профиль шурфа №3.
2. Микропластинка с ретушью. Кремень.
- 3-4. Трансверсальные резцы. Кремень.
5. Угловой резец. Кремень.
- 6-7. Скрепки. Кремень.
8. Нож из пластины. Кремень.
9. Изделие с двусторонней обработкой. Кремень.
10. Пластина с концевой подтеской. Кремень.

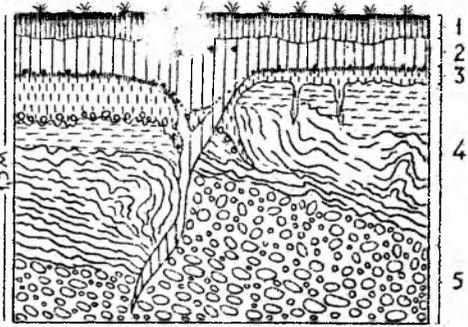
CB

CB

K03

K03

2

3

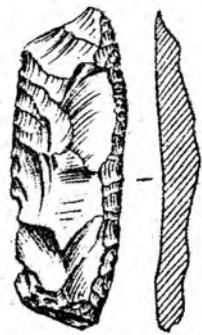
5

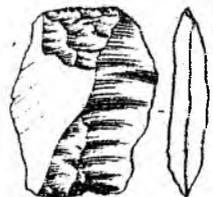
4

6

8

10

7

9

ТАБЛ. 4. Чермушник I.

I-9. Пластинки, Кремень.

10-12, 14. Призматические нуклеусы. Кремень
/подъемный материал/.

13. Дисковидный нуклеус. Кремень.

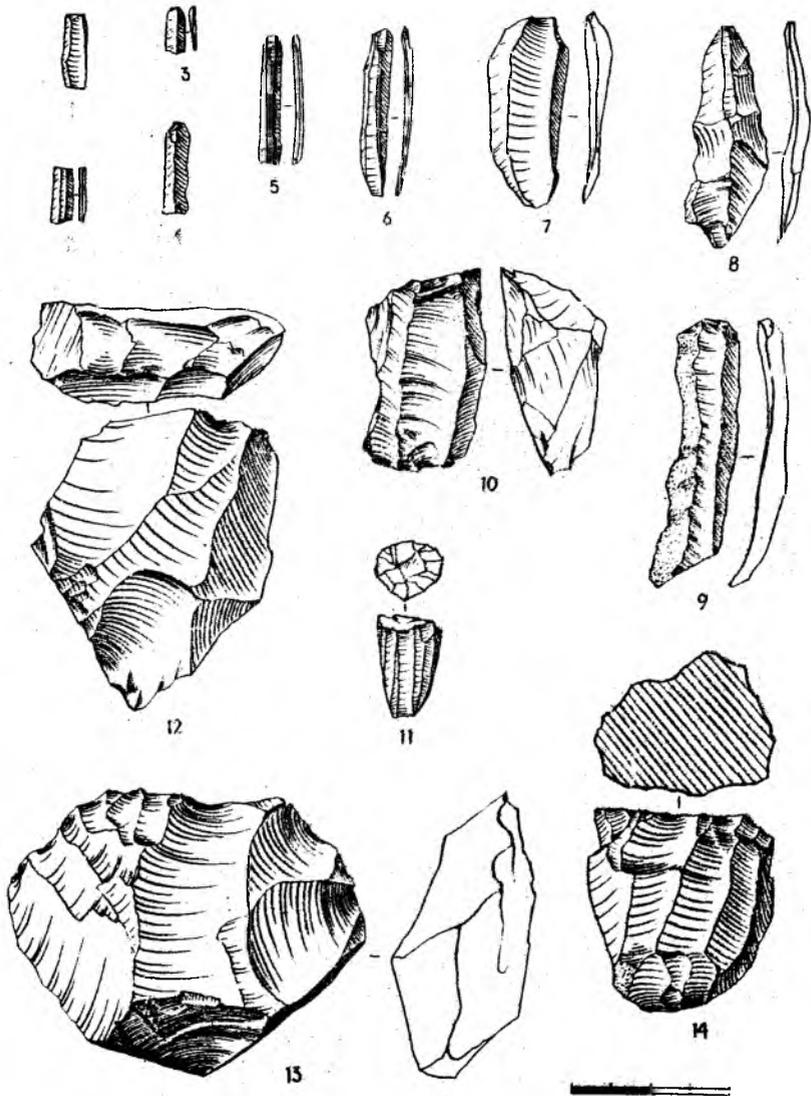

ТАБЛ. 5. Черемушник I.

- 1-2. Топорика. Кремень /подъемный материал/.
3. Нож с двусторонней обработкой. Кремень.
- 4-5. Скребла с "приостренным обухом".
Кварцит /подъемный материал/.
6. Тесловидный инструмент. Кварцит.

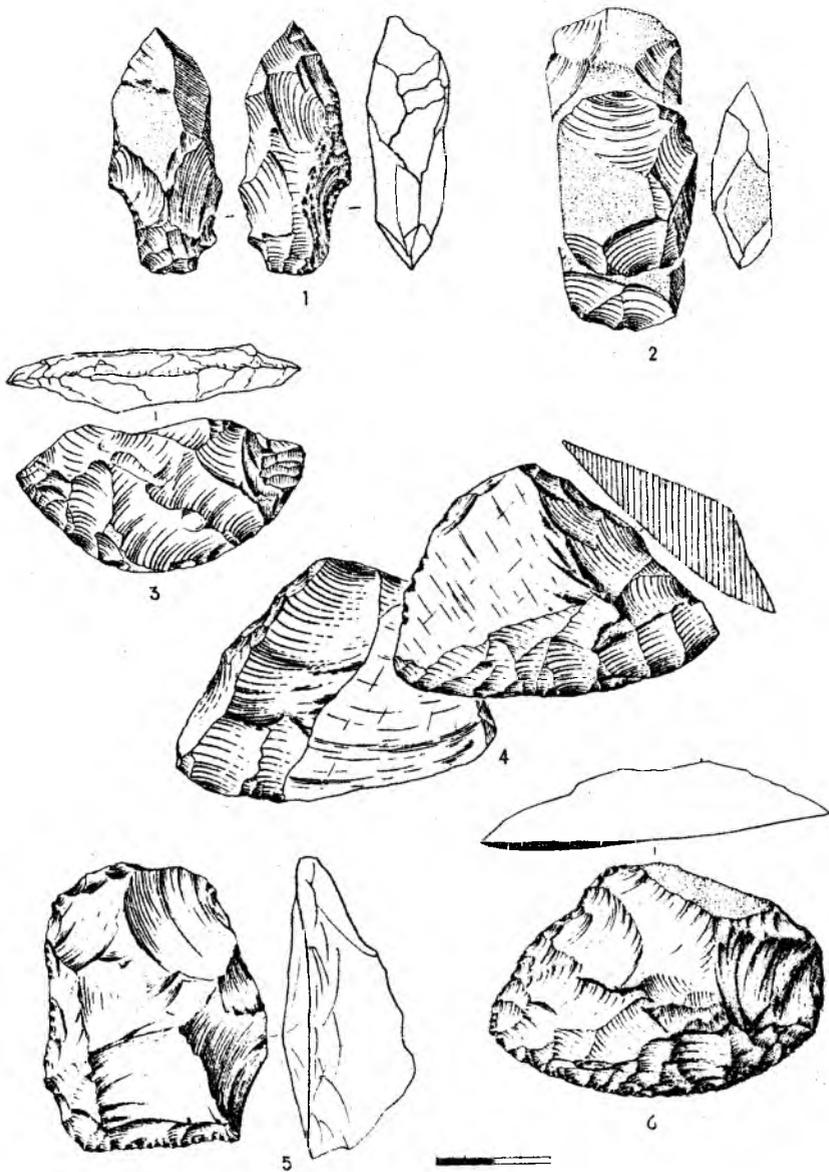

ТАБЛ. 6. Усть-Белая.

План-схема.

1. Раскоп 1937г. /М.М.Герасимов/.
2. Раскопы 1957-59гг. /М.М.Герасимов/.
3. Раскопы 1957,1959 гг. /Л.Я.Кришевская/.
4. Раскопы 1957 г. /Н.Н.Гурина/ .
5. Раскопы 1960-67 гг. /Экспедиция Иркутского университета и Иркутского Музея Краеведения/.

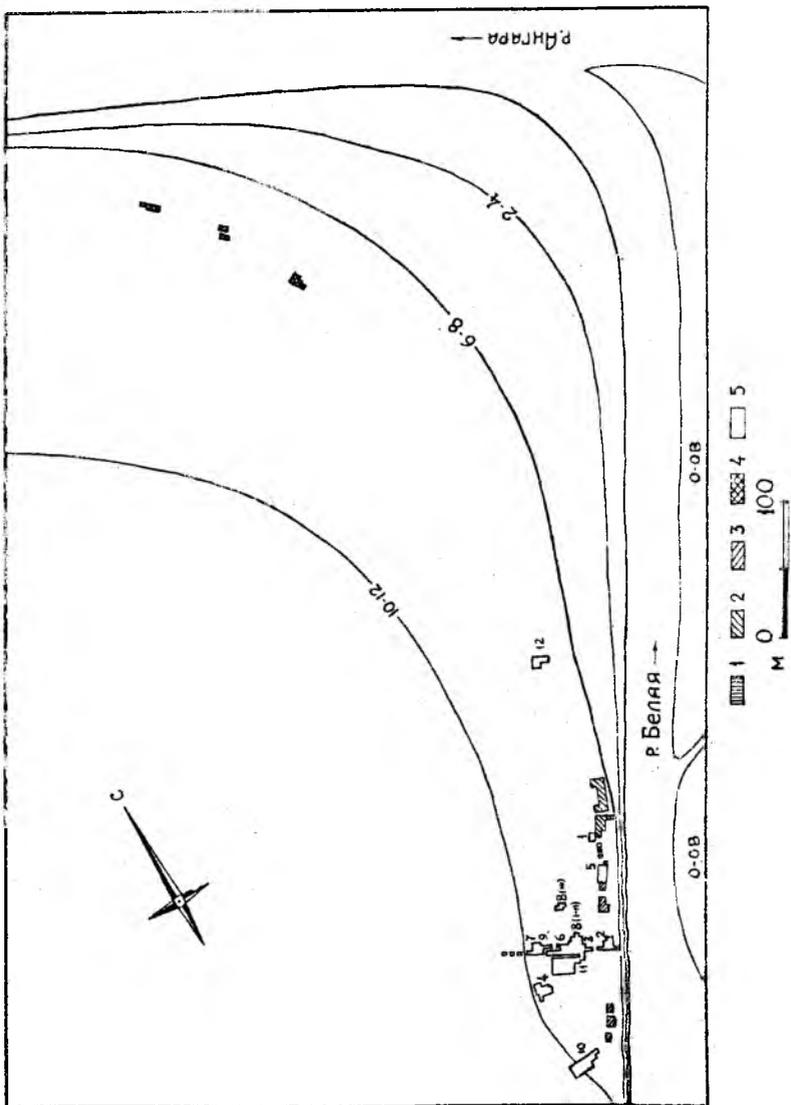

ТАБЛ. 7. Усть-Белая.

Стратиграфический разрез I надпойменной террасы
левого берега р. Белой.

1. Почвенно-растительный горизонт и красно-бурая супесь (культурные остатки эпох железа, бронзы и неолита).
2. Желто-бурая супесь. Первый мезолитический горизонт.
3. Обозначение культурных горизонтов мезолита в аллювиальных отложениях (II-XVI).
4. Обозначение "объединенного" горизонта в средней части террасы.
5. Доломиты кембрия.
6. Пойменный аллювий.
7. Дельтавиальные отложения 10-15 метровой террасы.
8. Русловой галечник.
9. Юрский галечник.

106

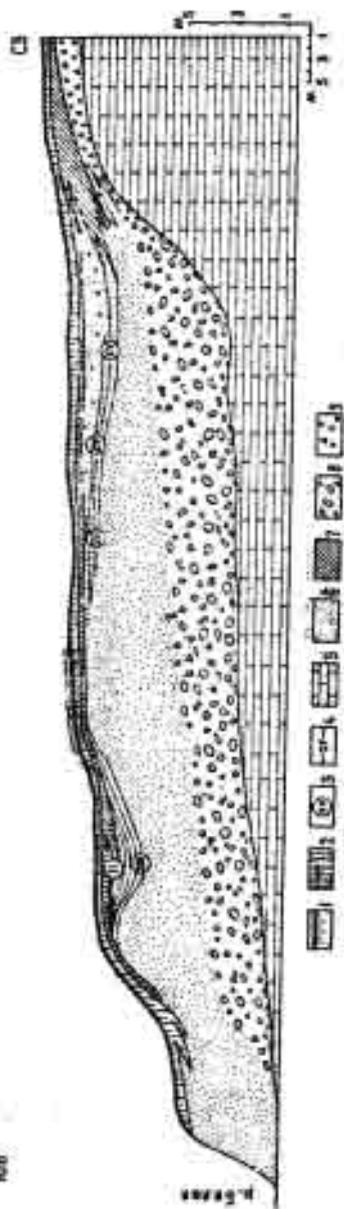

ТАБЛ. 8. Усть-Белая.

XVI мезолитический горизонт. Изделия из камня и рога.

1-2. Трансверсальные резцы. Кремень.

3. Наконечник стрелы. Кремень.

4. Нож (Бифас). Кварцит.

5. Бифас (заготовка изделия?). Кремень.

6. Обломок вкладышевого наконечника. Рог благородного оленя.

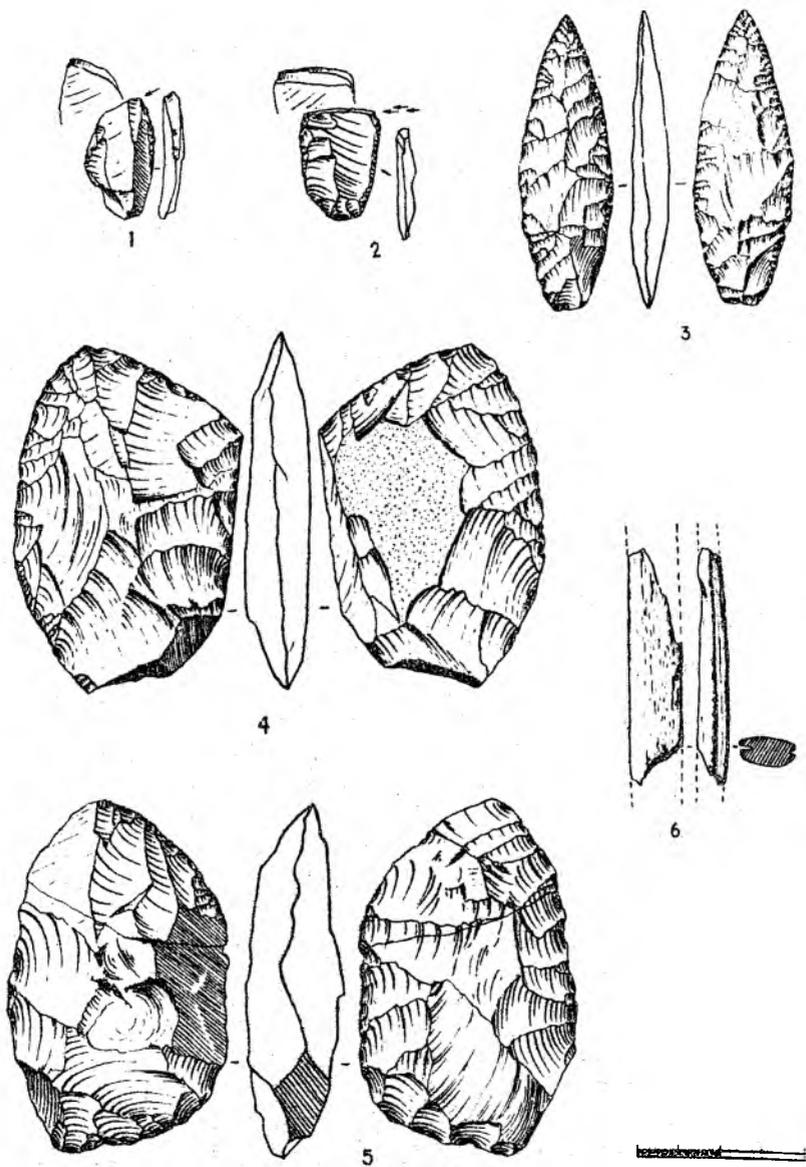

ТАБЛ. 9. Усть-Белая.

XVI мезолитический горизонт. Изделия из камня.

I-5. Скребки. Аргиллит (I-3). Кремень (4-5).

6-II. Призматические пластины. Кремень.

I2. Клиновидный нуклеус со скошенной площадкой.
Кремень.

I3. Клиновидный нуклеус. Кремень.

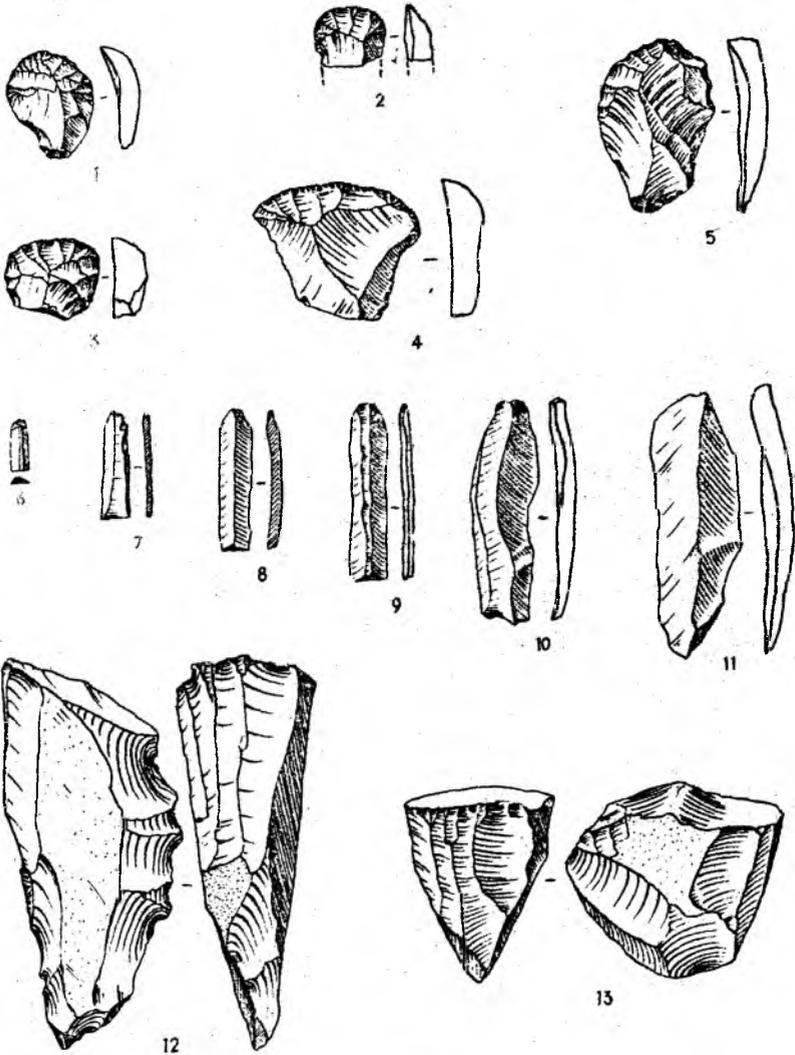
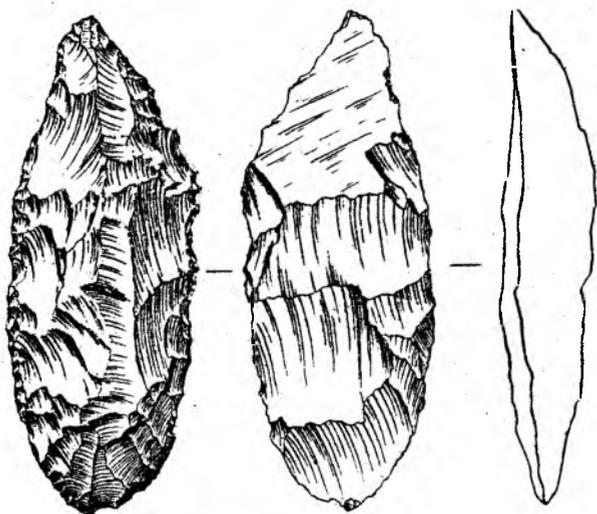
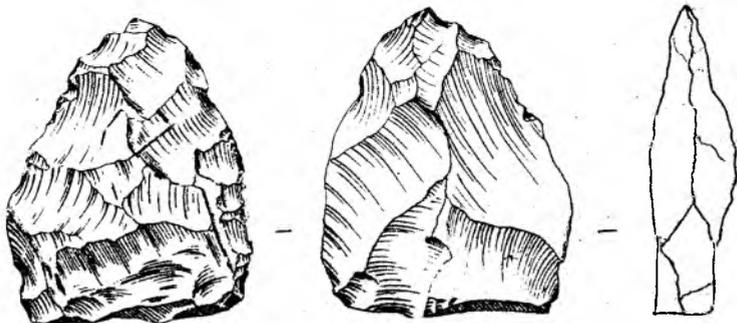

ТАБЛ. 10. Усть-Белая.

XVI мезолитический горизонт. Изделия из камня.

1. Бифас. Кремьнь.

2. Ассиметричный остроконечник из массивной пластины. Мелко-зернистый кварцит.

2

ТАБЛ. II. Усть-Белая.

XV-XIV мезолитические горизонты. Изделия из камня.

1-3. Скрепки. Кремень (XV).

4-5. Остроконечники из пластин. Кремень (4-XV; 5-XIV).

6-7. Клиновидные нуклеусы. Кремень (XV).

8. Дисковидный нуклеус. Кремень (XIV).

9. Грубопризматический нуклеус. Кремень (XIV).

10-11. Микропластинки. Кремень (XV).

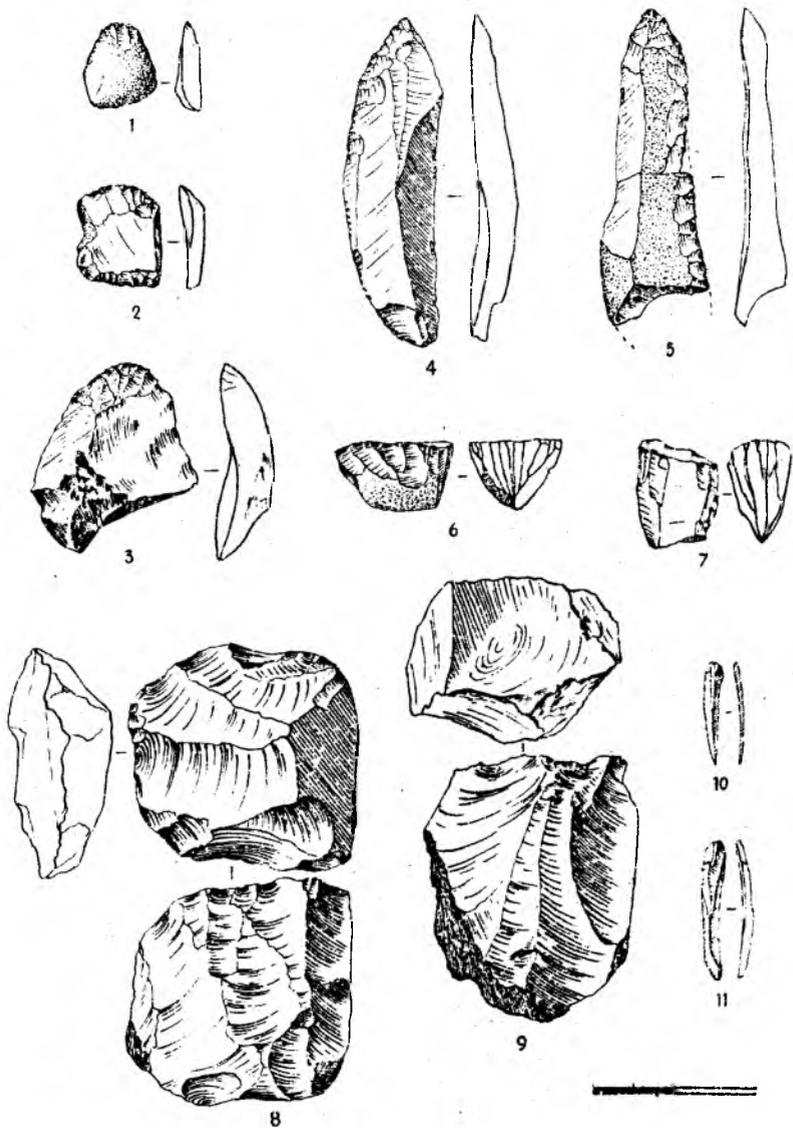

ТАБЛ. 12. Усть-Белая.

X У—XIV мезолитические горизонты. Изделия из кости и рога.

1. Зуб острога. Кость. (XV).
2. Заготовка изделия. Кость (XV).
3. "Колотушка" из рога благородного оленя (XIV).

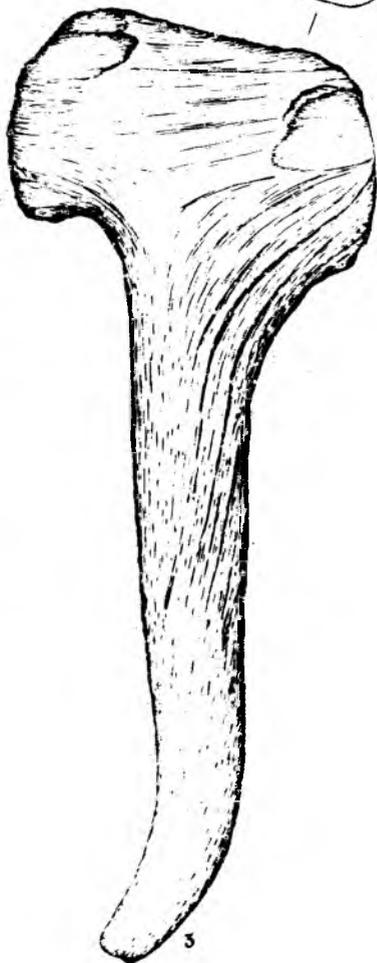
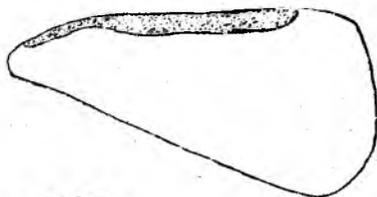

ТАБЛ. 13. Усть-Белая.

Раскоп № 5, план X мезолитического горизонта,
1962 г.

1. Отщепы и осколки кремня.
2. Больно-углистое пятно.

ТАБЛ. 14. Усть-Белая.

Раскоп № 5. План XI мезолитического горизонта,
1962 г.

1. Орудия труда из камня.
2. Отщепы, осколки кремня, пластинки.
3. Агальматолит.
4. Бусы из перламутра и агальматолита.
5. Куски раковин перловицы (амадонты).
6. Осколки костей млекопитающих.
7. Кости рыб.
8. Обломок гарпуна.
9. Плитки доломитов.
10. Речная галька.
11. Зольно-углистое пятно.

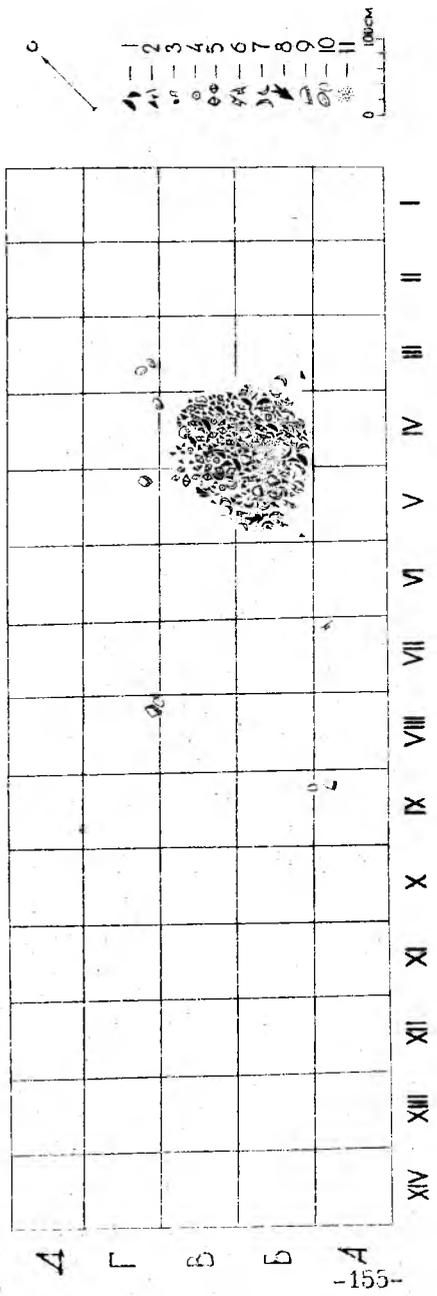

ТАБЛ. 15. Усть-Белая.

Раскоп № 5. План IX мезолитического горизонта,
1962 г.

1. Орудия труда из камня.
2. Отщепы, осколки кремня, пластинки.
3. Плитки доломитов.
- 4-5. Изделия из кости и рога.
6. Подвеска из агальматолита.
7. Обломки костей косули.
8. Рога косули.
9. Зольно-углистоое пятно.

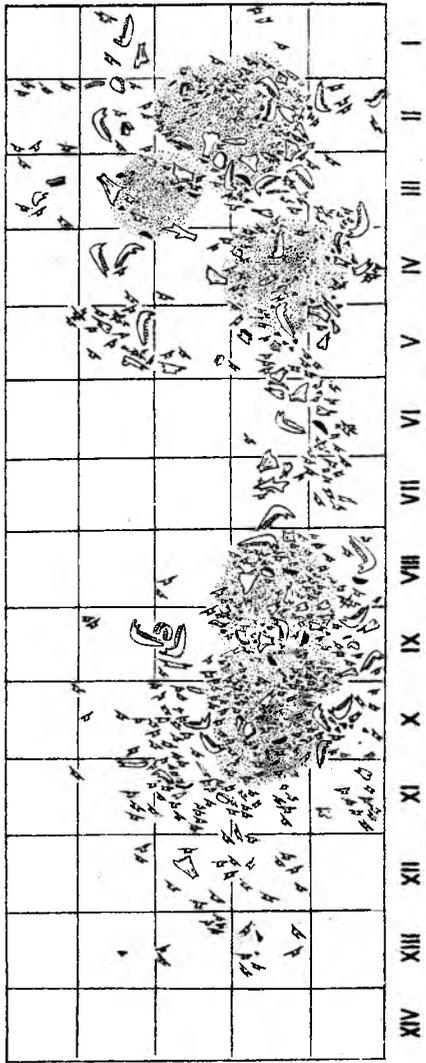
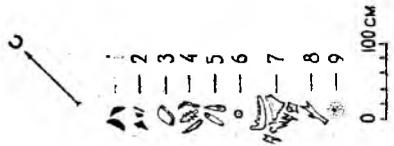

ТАБЛ. 16. Усть-Белая.

Сводный план находок в объединенном горизонте (раскопы № 3; 6; 7; 8-I, -II, -III; 9; II), 1960-1967 гг.

1. Культурные остатки - отщепы, изделия из камня, кости, рога.
2. Шлитки доломитов и речная галька.
3. Рог лося.
4. Пятна кострищ.
5. "Хозяйственные" ямы.

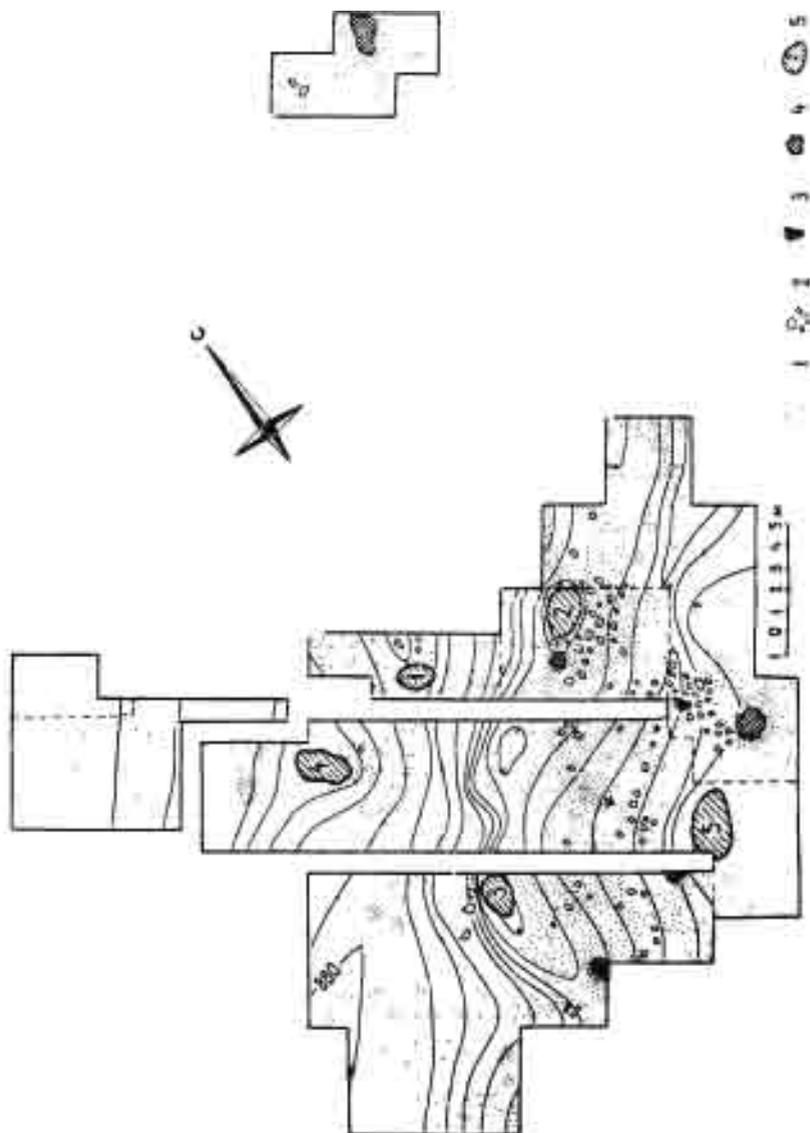

ТАБЛ. 17. Усть-Белая.

Стратиграфический профиль ямы № 3, 1963 г.

1. Почвенно-растительный горизонт и слой гумуса (эпоха железа).
2. Красно-бурая супесь (эпохи бронзы и неолита).
3. Желто-бурая супесь. I мезолитический горизонт.
4. Гумусированное заполнение ямы из I мезолитического горизонта.
5. Желтовато-серый тонкозернистый песок. Объединенный мезолитический горизонт.
6. Слегка окрашенный гумусом серый песок. Верхнее заполнение ямы из "объединенного" горизонта.
7. Ярко гумусированный песок. Нижнее заполнение ямы из "объединенного" горизонта.
8. Серая иловатая супесь, разделенная прослойкой среднезернистого песка; верхняя часть - XV мезолитический горизонт; нижняя - XVI.
9. Речной средне- и крупнозернистый песок. Содержит остатки XIV мезолитического горизонта.
10. Плитки доломитов.

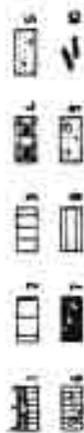
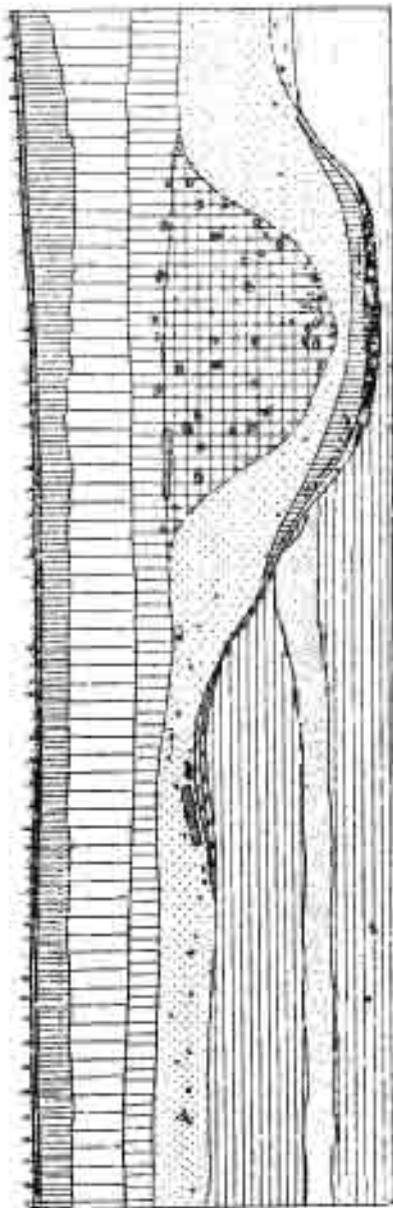

ТАБЛ. 18. Усть-Белая.

Раскоп № II. План находок в яме № 3, 1963 г.

1. Тесло из нефрита.
2. Плитки песчаника для шлифования.
3. Скребло и ножи из пластин.
4. Нуклеусы.
5. Пластинки кремня.
6. Отщепы и осколки кремня.
7. Куски графита.
8. Кости крупной птицы.
9. Изделия из кости и рога.
10. Шлифованный шиферный сланец.
11. Кусочки нефрита.
12. Челюсти бобра.
13. Обломки черепов косули.
14. Обломки лопаток косули.
15. Челюсти косули.
16. Трубчатые кости косули.
17. Кости рыб.
18. Вопролаты собак.
19. Плитки доломитов.
20. Речная галька.
21. Кости хищной птицы.

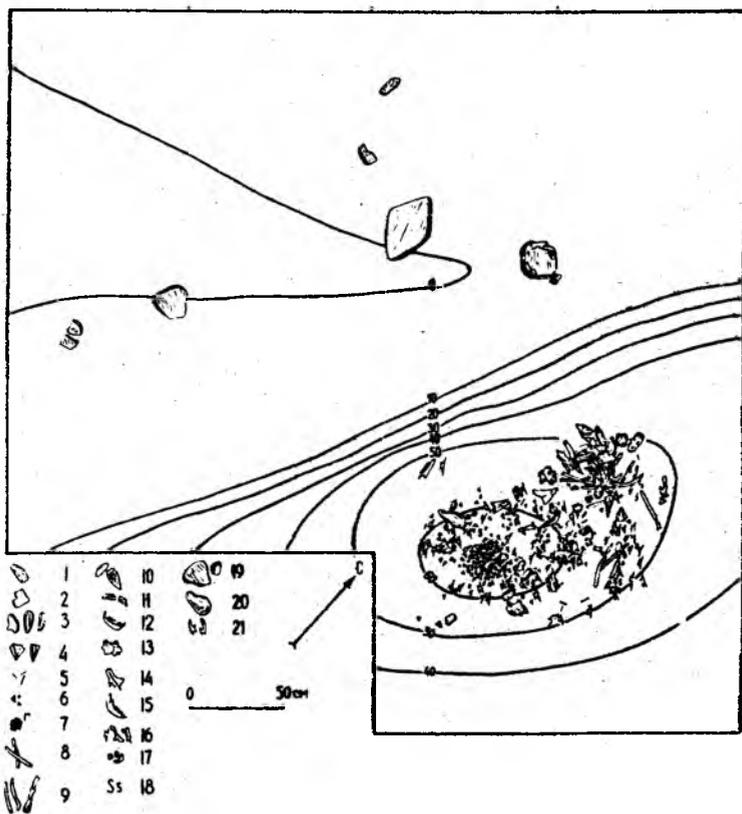

ТАБЛ. 19. Усть-Белая.

Раскоп № 11. Яма № 5. Стратиграфическая блок-схема, 1964, 1967 гг.

1. Почвенно-растительный горизонт и слой гумуса (эпоха железа).
2. Красно-бурая супесь (эпохи бронзы и неолита).
3. Желто-бурая супесь (I мезолитический горизонт).
4. Аллювиальные отложения-илсватие супеси и пески.
5. Заполнение ямы из I мезолитического горизонта.
6. Верхнее заполнение ямы из "объединенного" мезолитического горизонта.
7. Среднее заполнение ямы из "объединенного" мезолитического горизонта.
8. Дно ямы с погребальным комплексом собаки.

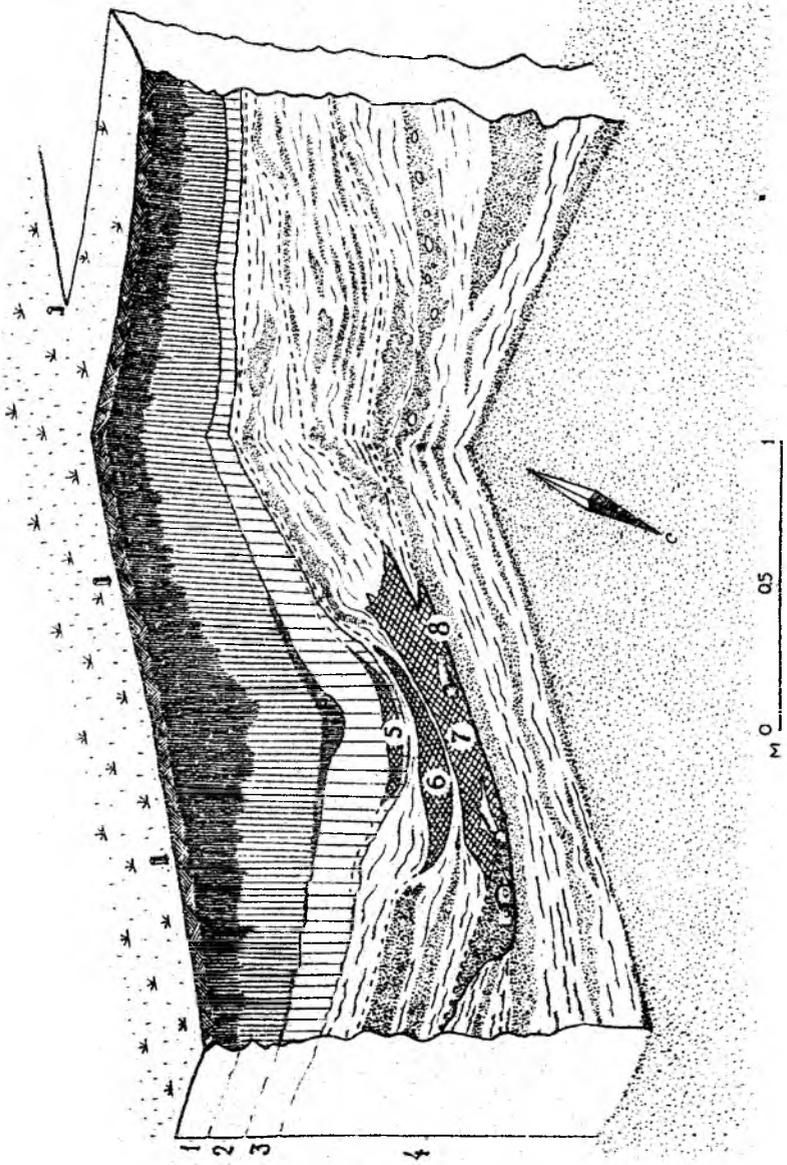

ТАБЛ. 20. Усть-Белая.

Раскоп II. Яма № 5. Погребение собаки, 1967 г.

M 0 0.5 1

ТАБЛ. 21. Усть-Белая.

Подвески из клыков благородного оленя с ошейника
собаки, погребенной в яме № 5.

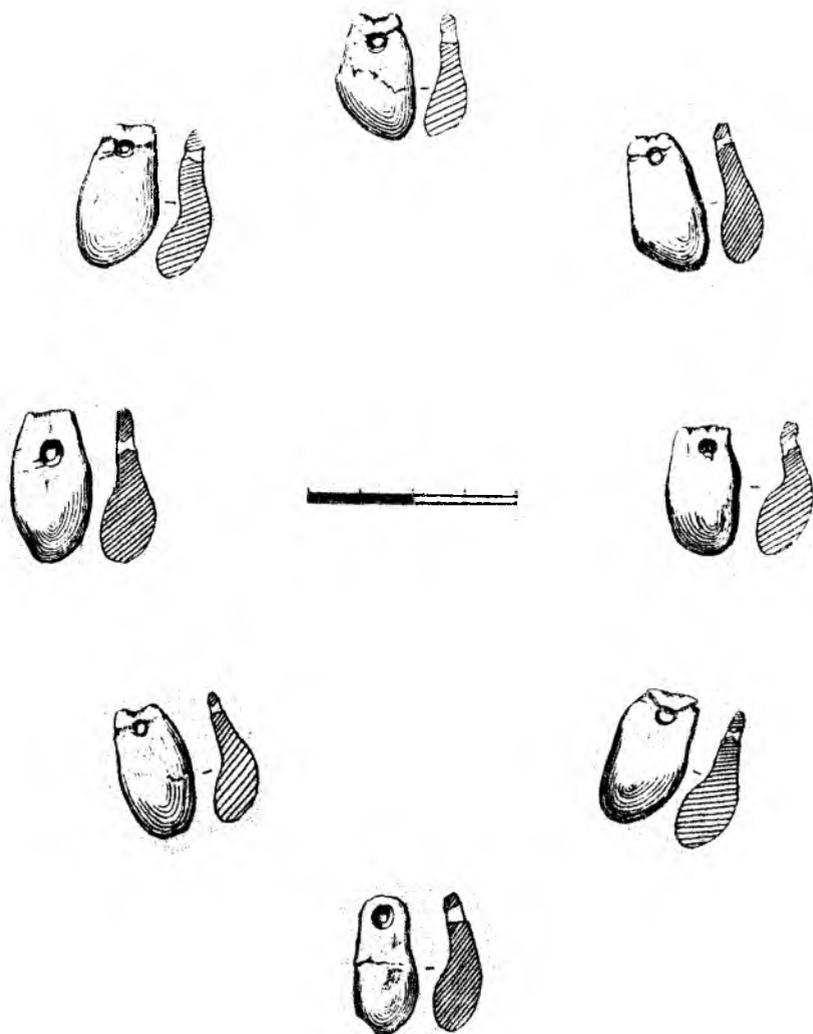

ТАБЛ. 22. Усть-Белая.

XIII-П и "объединенный" мезолитические горизонты.

Изделия из камня.

I-9. Микропластинки. Кремьнь.

10-12. Вкладные лезвия из призматических пластинок. Кремьнь.

13-15. Сечения призматических пластинок. Кремьнь.

16-19. Призматические пластины. Кремьнь.

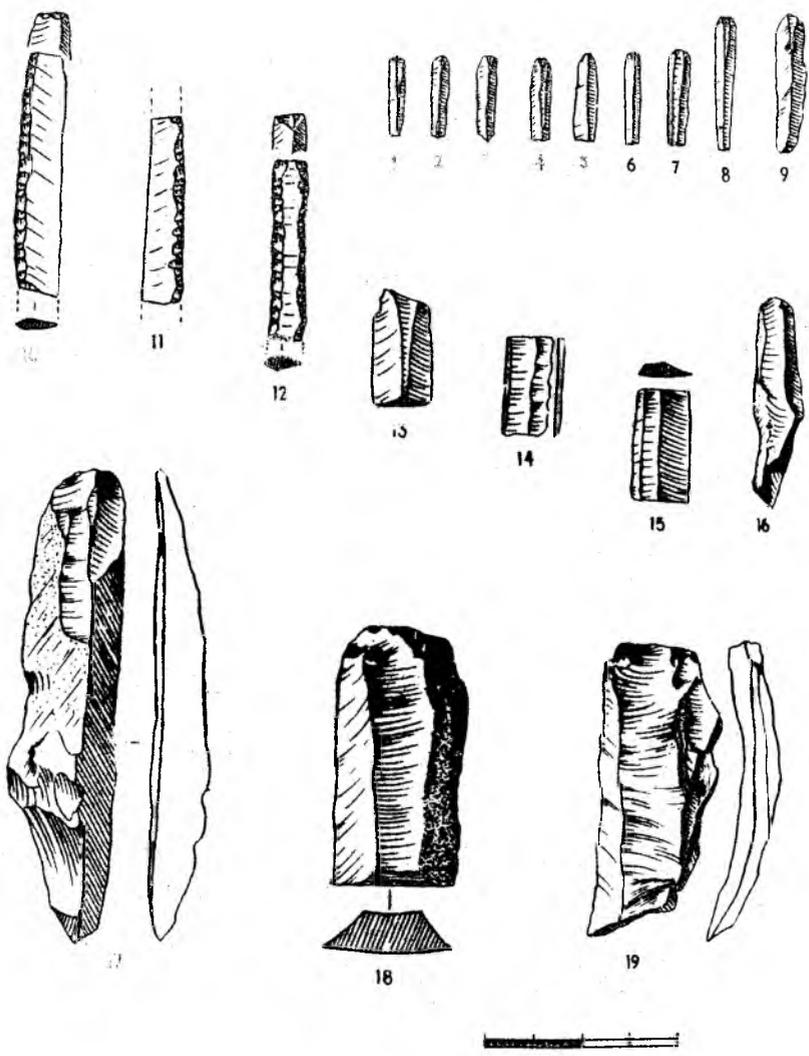

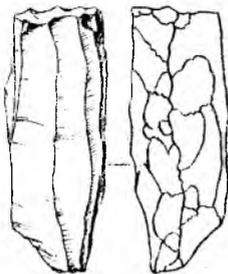
ТАБЛ. 23. Усть-Белая.

XIII-П и "объединенный" мезолитические горизон-
ты. Изделия из камня.

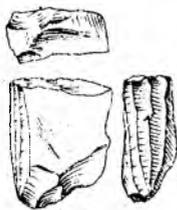
1-5. Призматические нуклеусы. Кремьень.

2-4. Клиновидные нуклеусы. Кремьень.

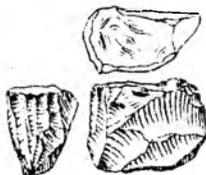
6. "Дисковидный" нуклеус. Кремьень.

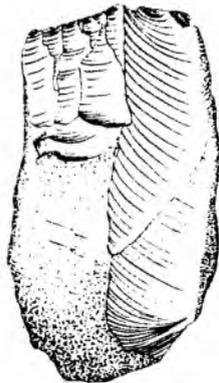
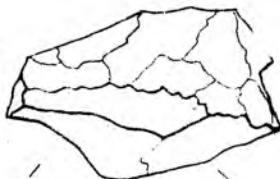
2

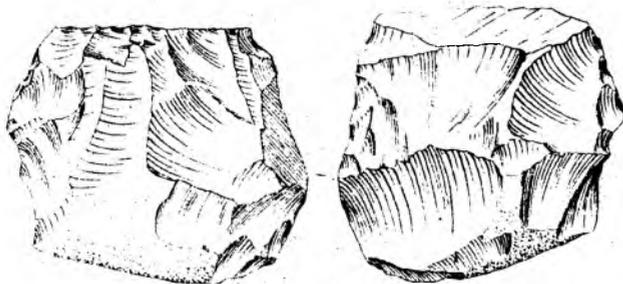
4

3

5

6

ТАБЛ. 24. Усть-Белая.

XIII-П и "объединенный" мезолитические горизонты.

Изделия из камня.

I-Ю. Скрепки. Кремень.

II. Галька со следами шлифования и оббивки. Шиферный сланец.

1

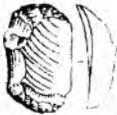
2

3

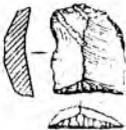
4

5

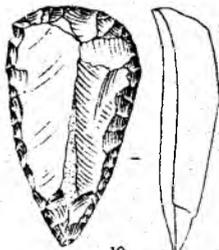
9

6

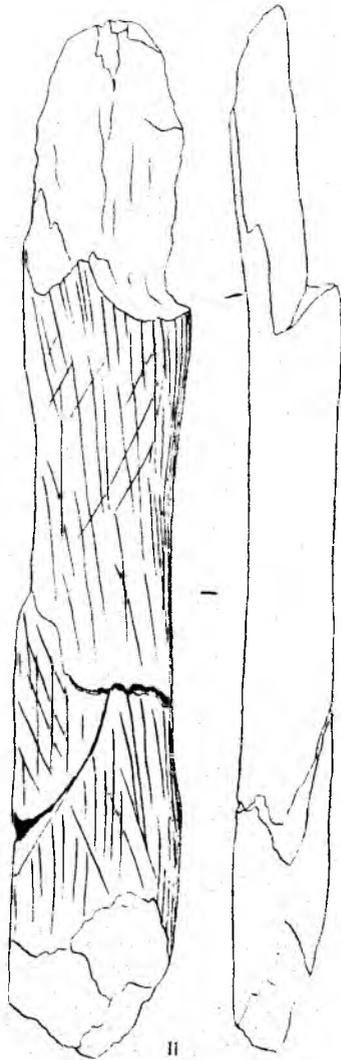
7

10

8

II

ТАБЛ. 25. Усть-Белая.

XIII-П и "объединенный" мезолитические горизонты.

Изделия из камня.

I-6. Ножи из отщепов и пластинок. Кремьнь.

7-9. Ножи из крупных пластин. Кремьнь (7, 8),
кварцит (9).

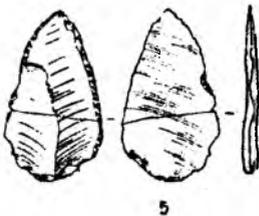
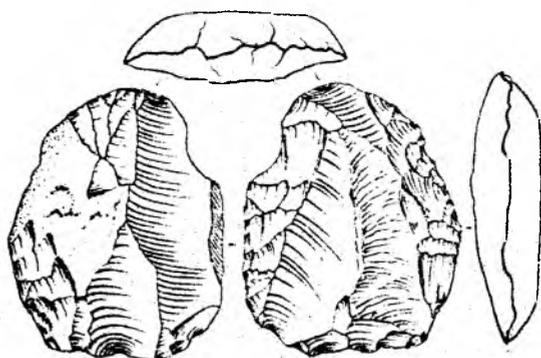

ТАБЛ. 26. Усть-Белая.

XIII-П и "объединенный" мезолитические горизон-
ты. Изделия из камня.

1. Дологовидное орудие. Кварцит.
2. Тесло из гальки. Кварцит.

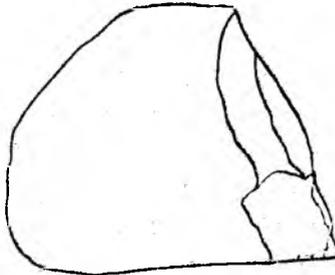
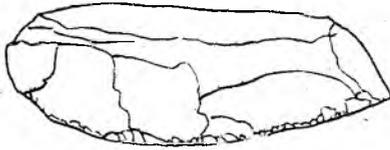
2

ТАБЛ. 27. Усть-Белая.

XIII-П и "объединенный" мезолитические горизон-
ты. Изделия из камня.

1. Чопер из плоской гальки. Окремелая порода.
2. Чопер из гальки. Кварцит.

2

ТАБЛ. 28. Усть-Белая.

XIII-П и "объединенный" мезолитические горизон-
ты. Изделия из камня.

I-3. Скребла.

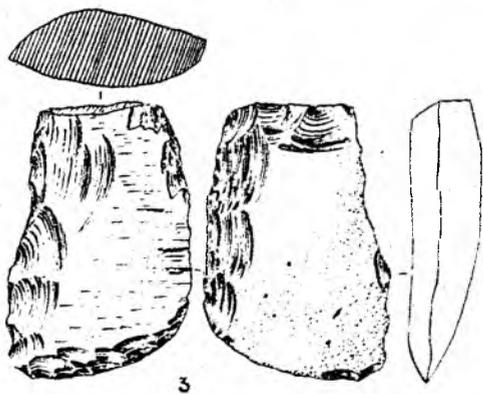
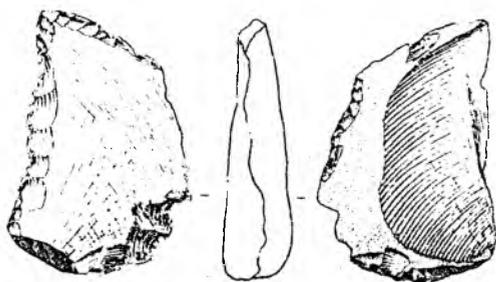
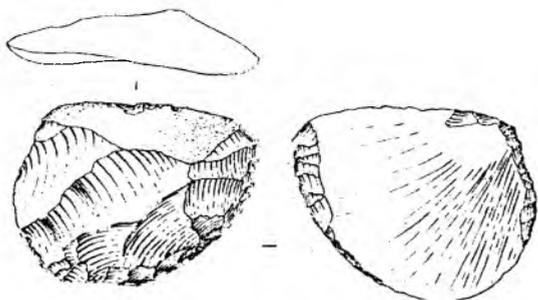

ТАБЛ. 29. Усть-Белая.

XIII-П и "объединенный" мезолитические горизон-
ты. Изделия из камня, "украшения".

1. Бусы из перламутра.

2-13. Подвески и заготовки их из агальматоли-
та.

14. Подвеска из известняка.

15-17. Сверлышки из микропластинок.

18-22. Трансверсальные резцы. Кремь.

23-24. Наконечники стрел. Кремь.

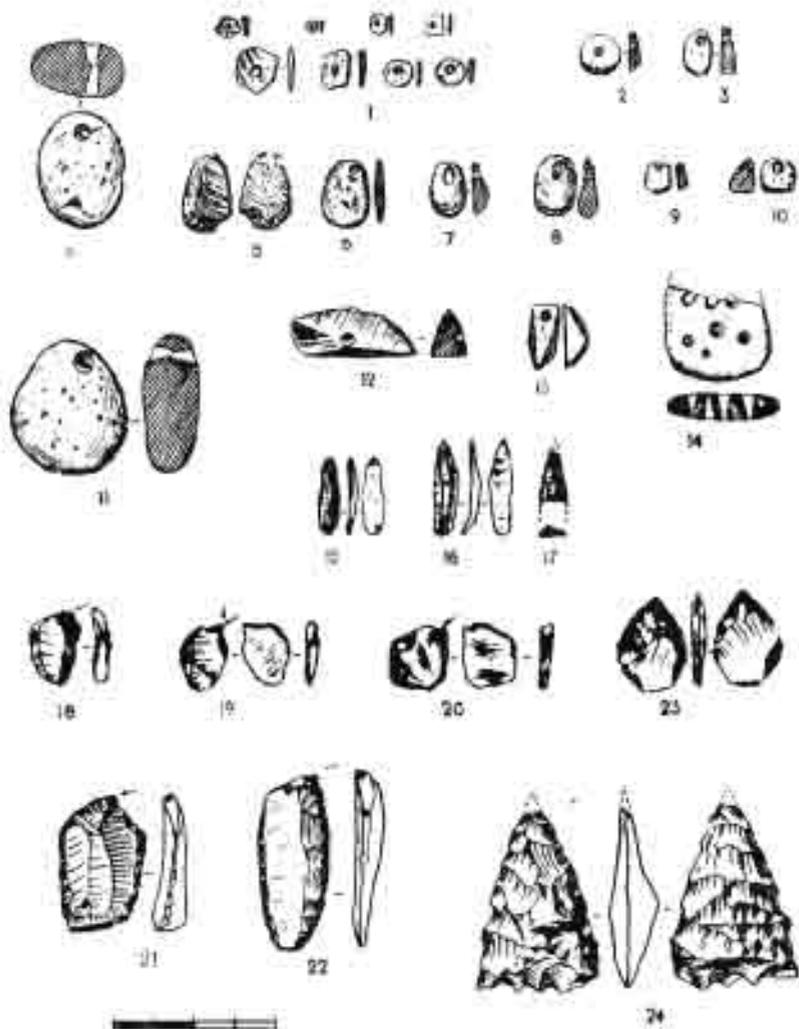

ТАБЛ. 30. Усть-Белая.

XIII-П и "объединенный" мезолитические горизонты. Изделия из кости и рога благородного оленя.

1. Зуб остроги. Кость.

2-3. Вкладышковые наконечники. Рог.

4. Вкладышковый нож. Кость.

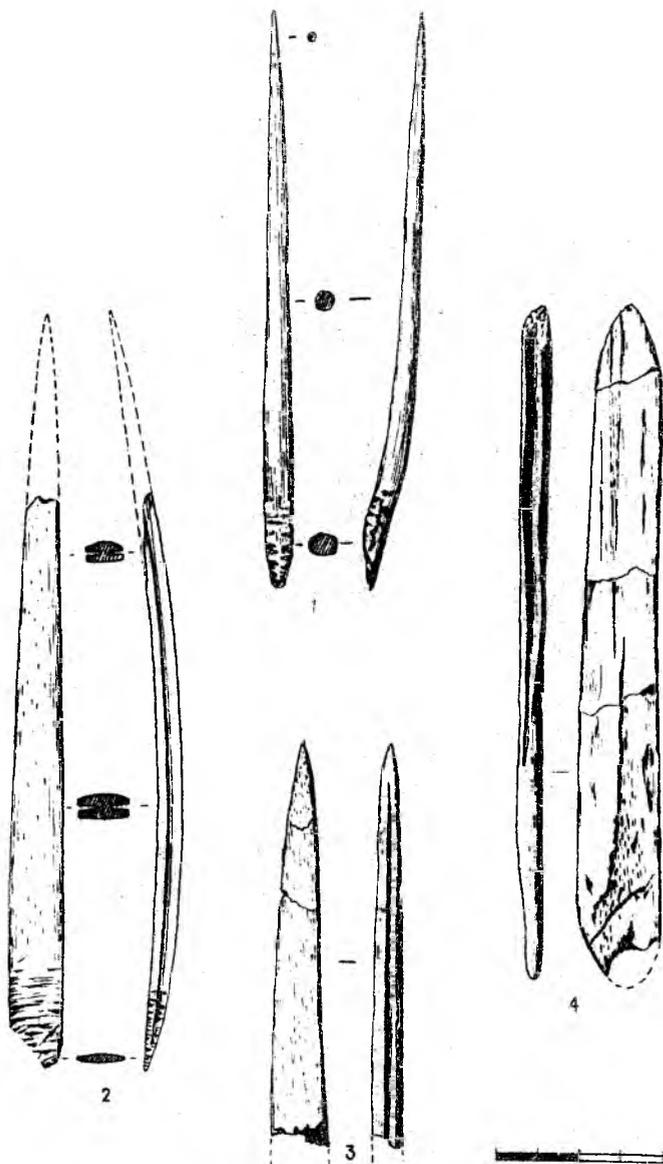

ТАБЛ. 31. Усть-Белая.

XIII-П и "объединенный" мезолитические горизон-
ты. Изделия из кости и рога.

1-3. Рыболовные крючки. Кость.

4. Изделие из рога. Назначение неясно.

5. Украшение (?) из кости.

6. Игла. Кость птицы.

7. Игольник. Кость птицы.

8. Заготовка иглы из кости птицы.

9-14. Наконечники гарпунов. Рог благородного
оленя.

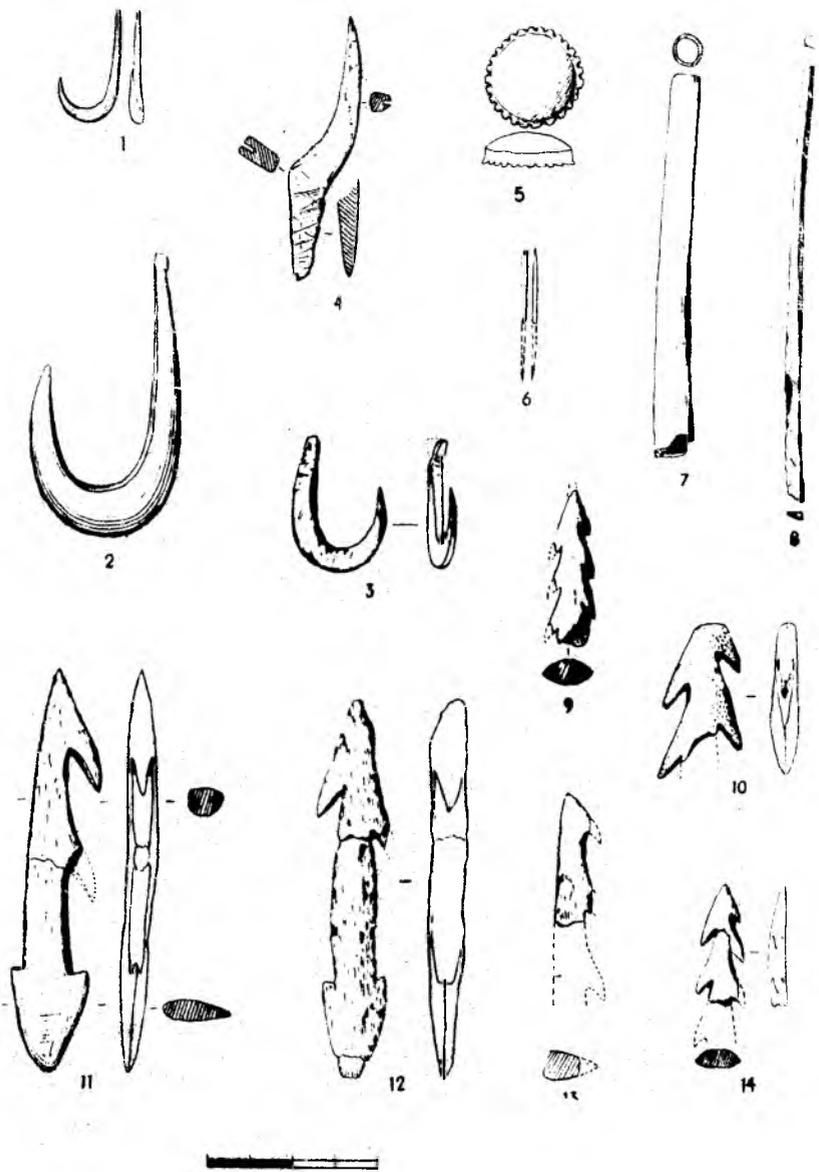

ТАБЛ. 32. Усть-Белая.

XII-П и "объединенный" мезолитические горизонты.

Изделия из рога благородного оленя.

1. Острие.

2. "Колотушка".

3. Зуб "осетровой" остроги.

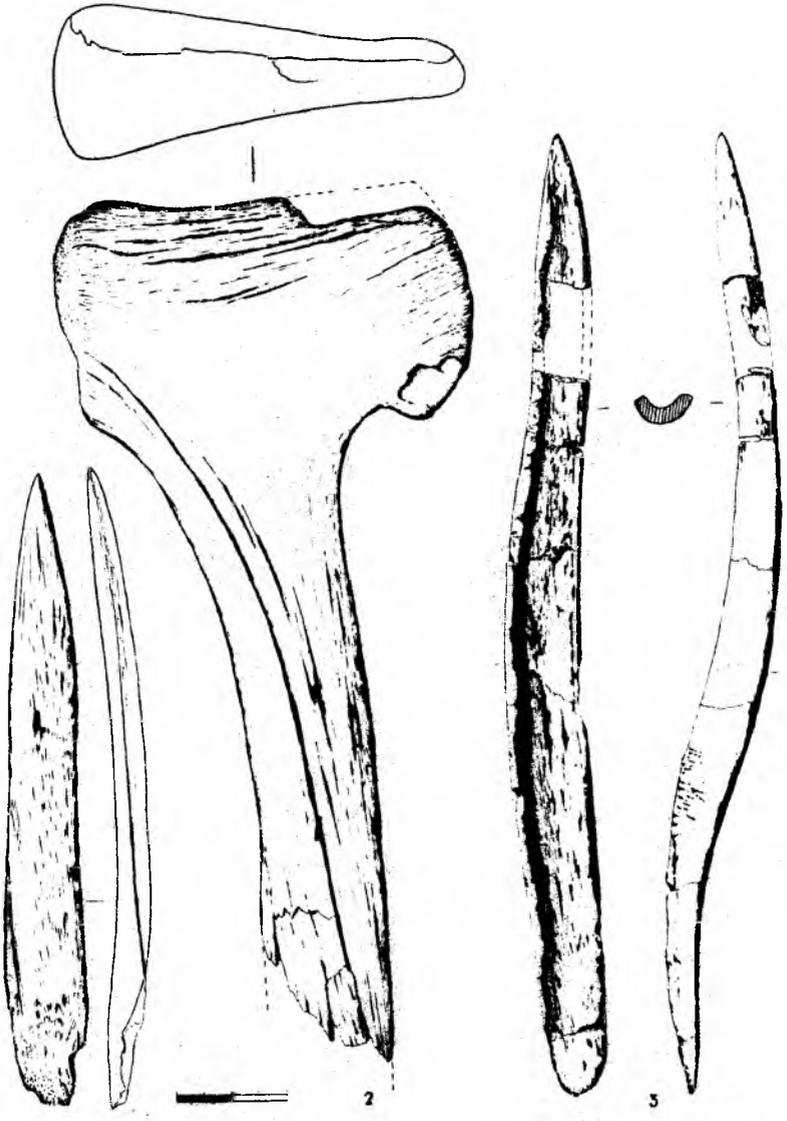

ТАБЛ. 33. Усть-Белая.

XIII—II и "объединенный" мезолитические горизонты.
Изделия из кости и рога.

1. Острие с отверстием и скошенным обухом. Рог
лося.
2. Копательный инструмент из лопатки оленя.

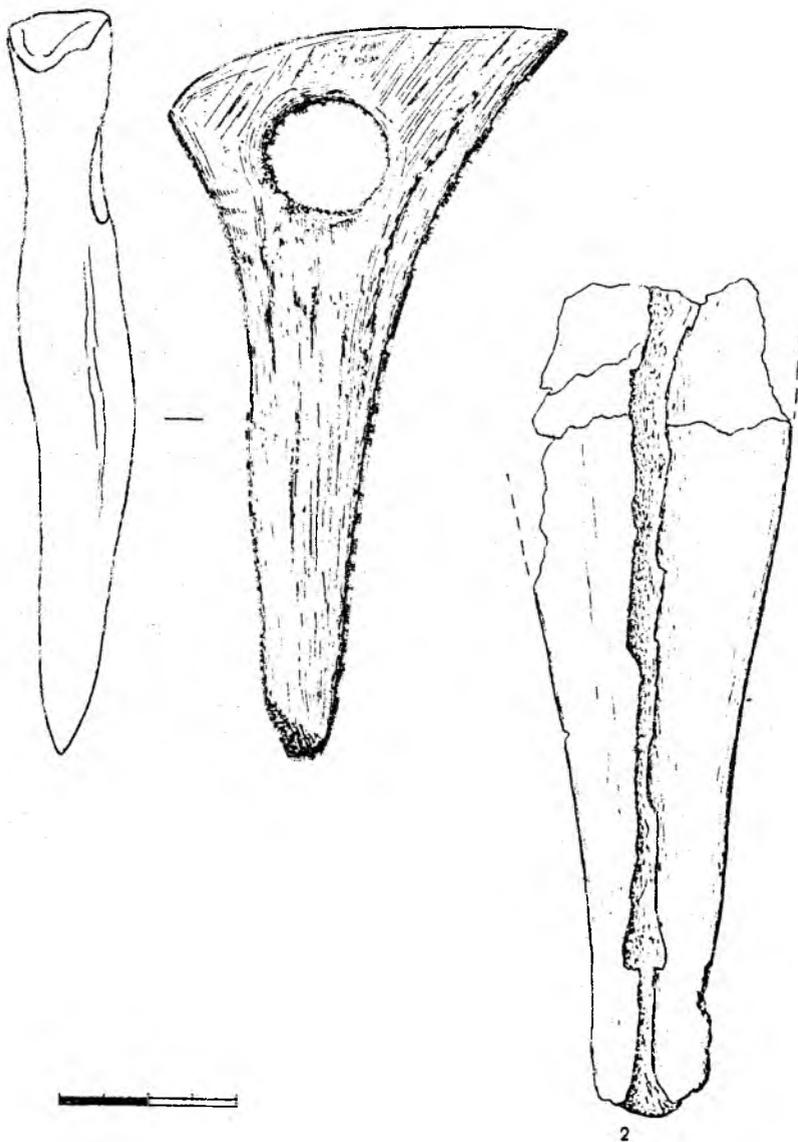

ТАБЛ. 34. Усть-Белая.

Раскоп № II. "Объединенный" мезолитический горизонт. Яма № 3. Изделия из камня.

1. Скребло из отщепа. Кремьень.
2. Шлифованная галечка. Шиферный сланец
3. Скребло из отщепа. Кремьень.
4. Шлифованная плитка шиферного сланца.
5. Тесло из нефритовой гальки.

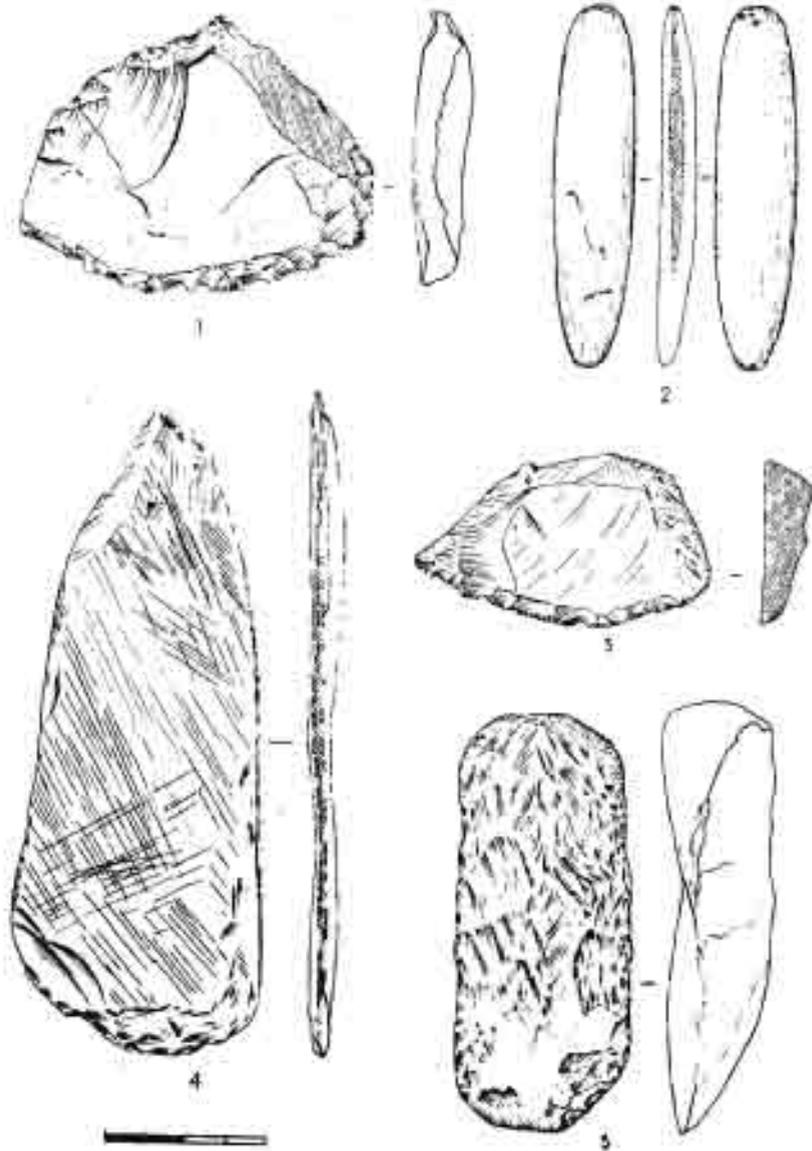

ТАБЛ. 35. Усть-Белая.

Раскоп № II. "Объединенный" мезолитический горизонт. Яма № 3. Изделия из камня.

1. Односторонний грубопризматический нуклеус. Кремьень.
2. Призматический нуклеус концентрической огранки (карандашевидный). Кремьень.
3. Пластинка с ретушью. Кремьень.
- 4-5. Сверла. Аргиллит.
- 7-9. Остроконечники (ножи) из пластин. Кремьень.

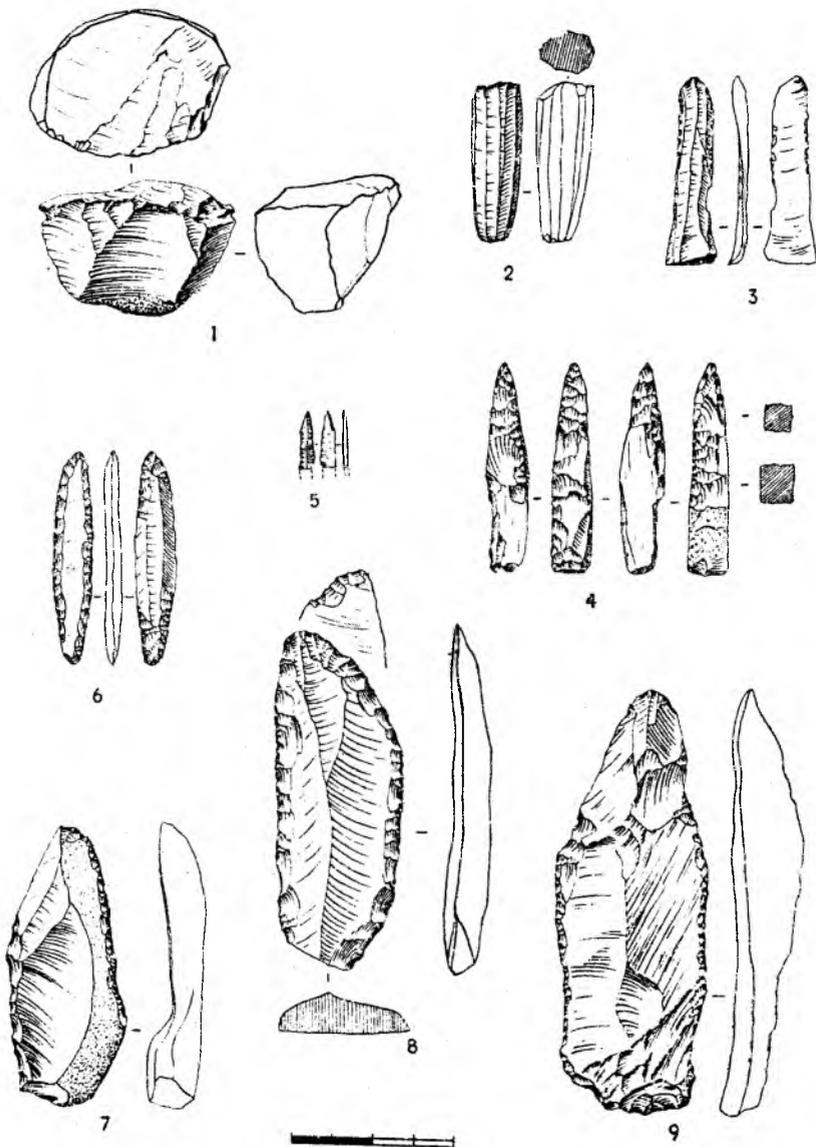

ТАБЛ. 36. Усть-Белая.

Раскоп № II. "Объединенный" мезолитический горизонт. Яма № 3. Изделия из кости и камня.

1. Обломок шипа из "птичьего копыта" Кость.
2. Екладыш из пластины. Кремьень.
3. Острие из трубчатой кости лося.
4. Комбинированный вкладышевый нож-лопатка. Кость.

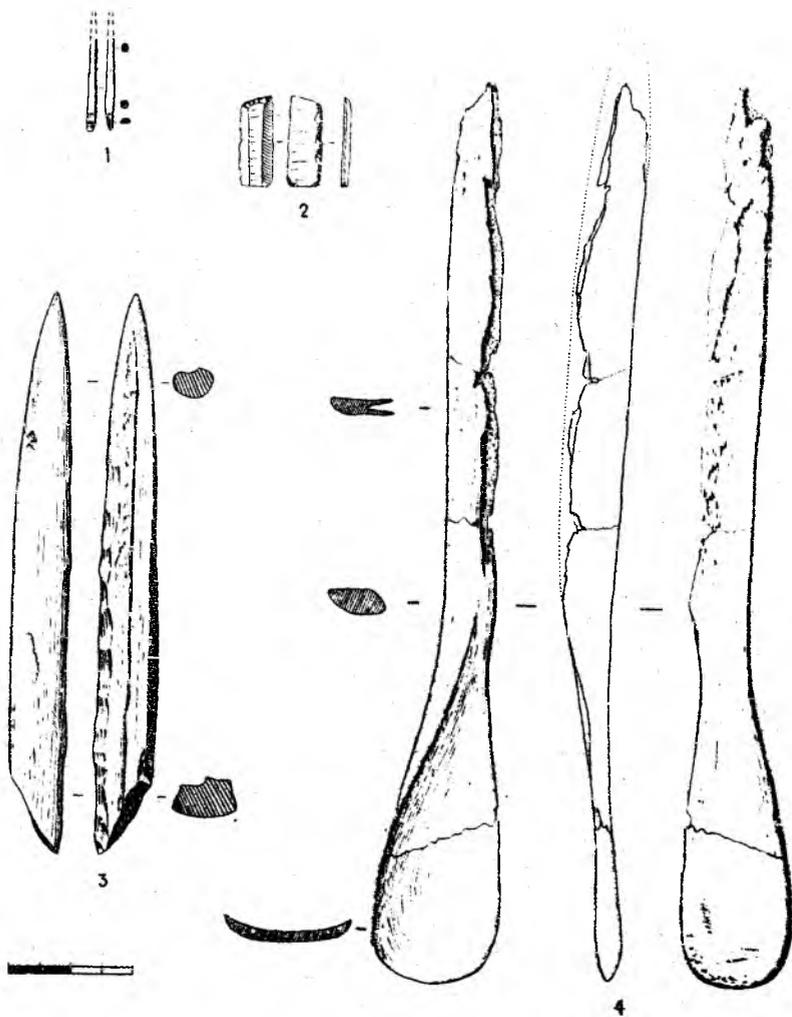
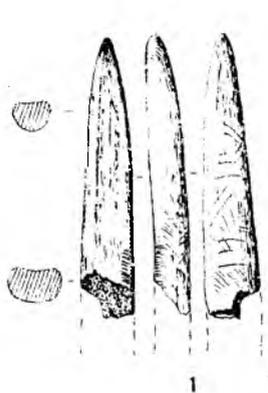

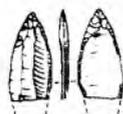
ТАБЛ. 37. Усть-Белая.

I мезолитический горизонт. Изделия из камня.

1. Острие из шиферного сланца (отжимник).
2. Обломок наконечника стрелы с двусторонней ретушью. Кремень.
- 3-4. Обломки "наконечников" из пластин. Кремень.
- 5-7. Сверла из микропластинок.
- 8-II. Призматические нуклеусы (9-II - "бочонкообразные" микроформы с двумя площадками). Кремень.
- 12-13. Клиновидные нуклеусы. Кремень.
- 14-16. Пластинки с ретушью. Кремень.

2

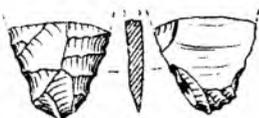
4

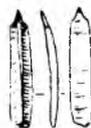
5

6

3

7

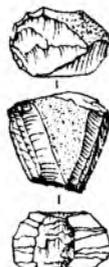
8

9

10

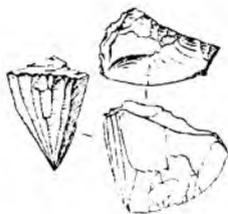
11

14

15

12

13

16

ТАБЛ. 38. Усть-Белая.

I мезолитический горизонт. Изделия из камня.

1. Срединный многофасеточный резец. Аргиллит.
2. Полэдрический резец. Кремень.
- 3-4. Срединные многофасеточные резцы. Кремень.
- 5-6. Угловые резцы на пластинках. Кремень.
7. Полэдрический резец. Кремень.
8. Топорик. Кремень.
9. Тесло "с боковыми выемками" (с "перехватом").
Кварцит.

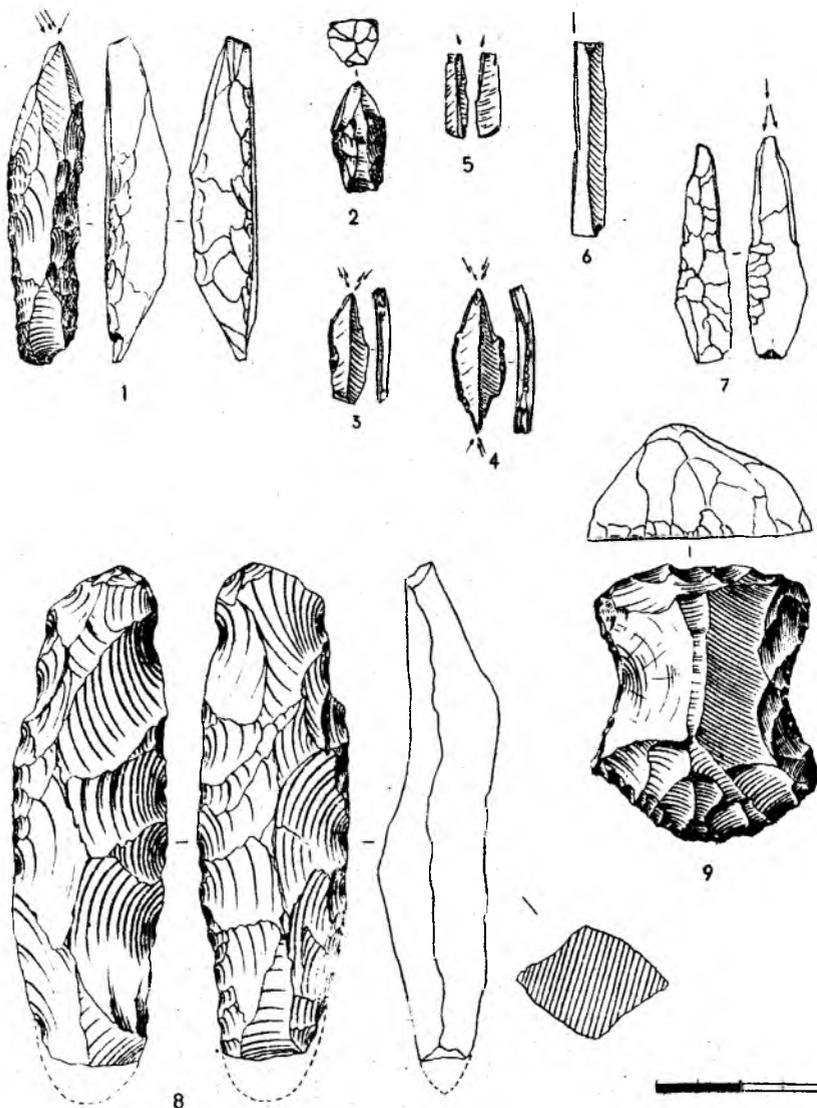

ТАБЛ. 39. Уляха.

Стратиграфический профиль местонахождения. Изделия из камня I мезолитического горизонта.

- I. Профиль стенки раскопа № I.
- 2-4. Скрепки. Кремень.
- 5-6. Срединные многофасеточные резцы. Кремень.
7. Двуплощадный клиновидный нуклеус. Кремень.
8. Клиновидный нуклеус. Кремень.
9. "Бочонкообразный" микронуклеус. Кремень.
10. Заготовка наконечника стрелы (?). Кремень.
11. Трансверсальный резец. Кремень.
12. Высокий скребок (?) из гальки. Кварцит.
13. Тесловидный инструмент из гальки. Кварцит.
- 14-17. Пластижки. Кремень.

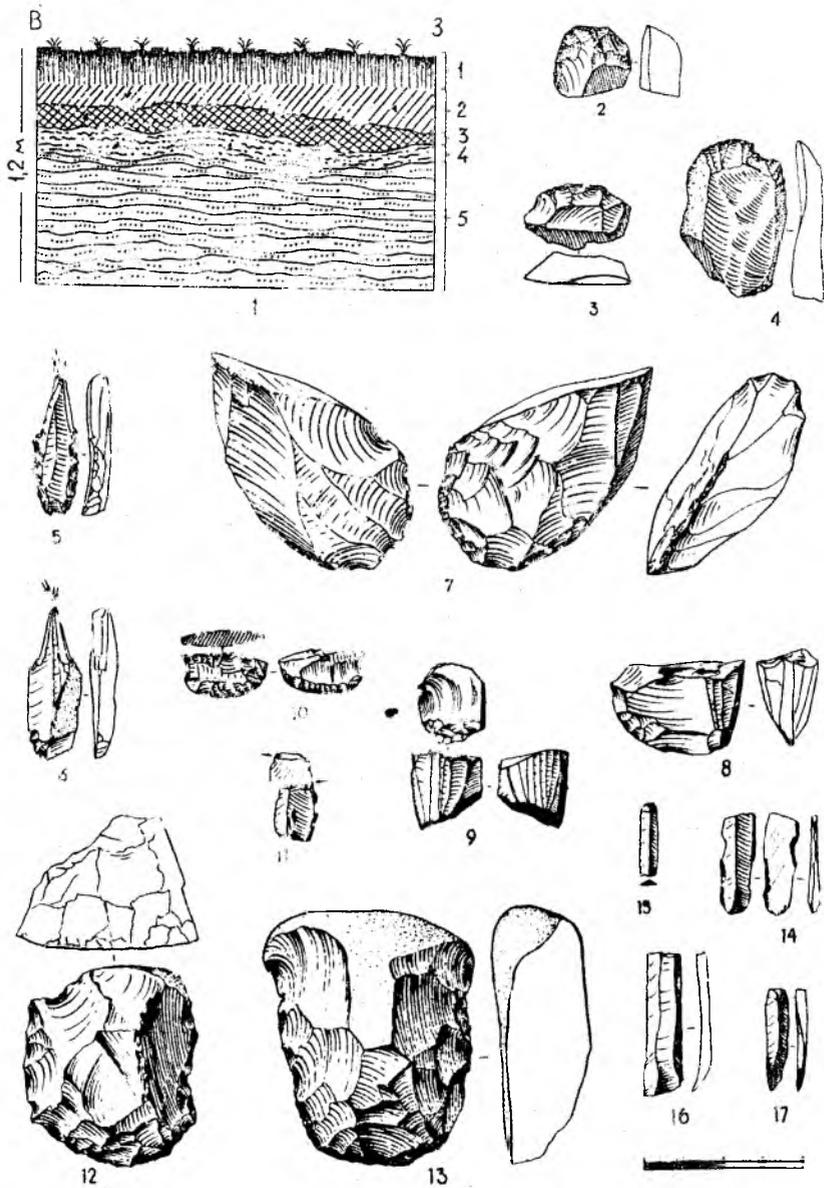

ТАБЛ. 40. Уляха.

П мезолитический горизонт. Изделия из камня.

1-3. Скребки. Кремень.

4-7. Трансверсальные резцы. Кремей.

8. Нож из отщепа. Аргиллит.

9-11. Пластины с ретушью. Кремень.

12. Скребловидный инструмент. Кремень.

13. Тесло из гальки. Окремнелая порода.

14-18. Призматические пластинки. Кремень.

19-21. Клиновидные нуклеусы. Халцедон (19),
кремень (20), кремнелая порода (21).

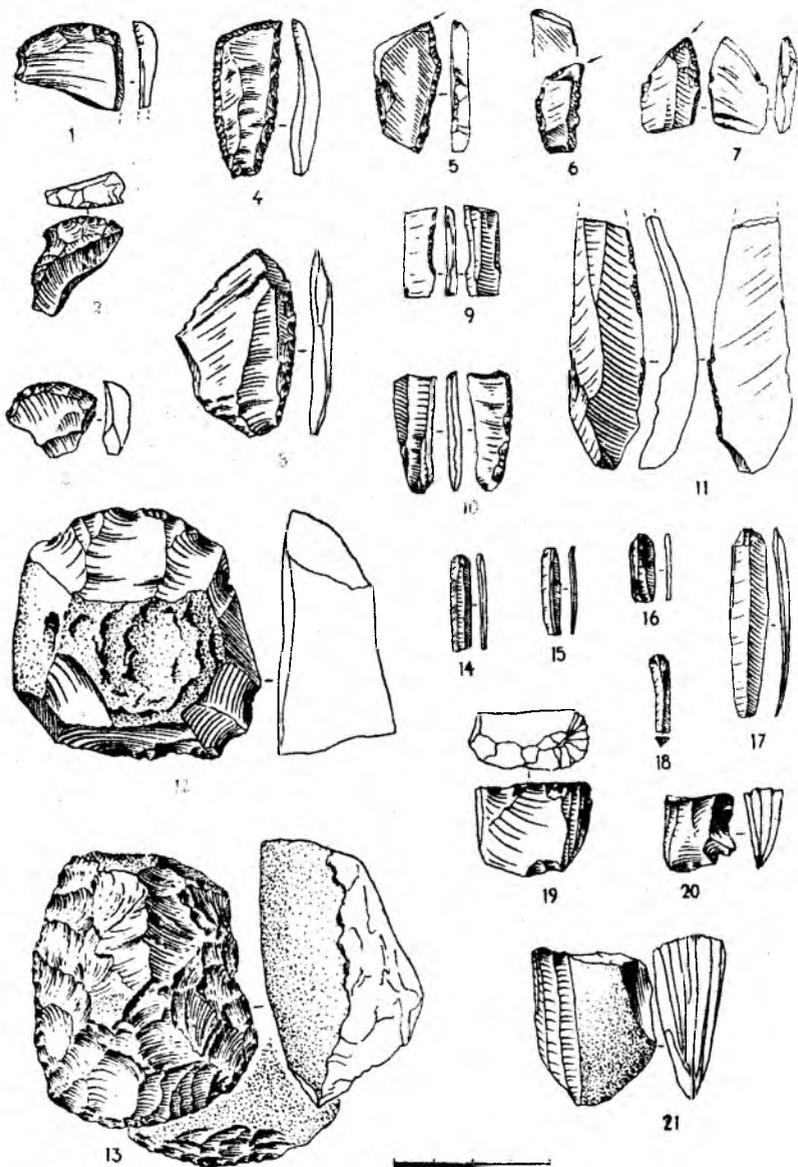

ТАБЛ. 4Г. Уляха.

Ш мезолитический горизонт. Изделия из камня и рога.

1-3. Сиребки. Кремень.

4-6. Гарпуны. Рог благородного оленя.

7-12. Призматические пластинки. Кремень.

13-16. Призматические односторонние нуклеусы. Кремень.

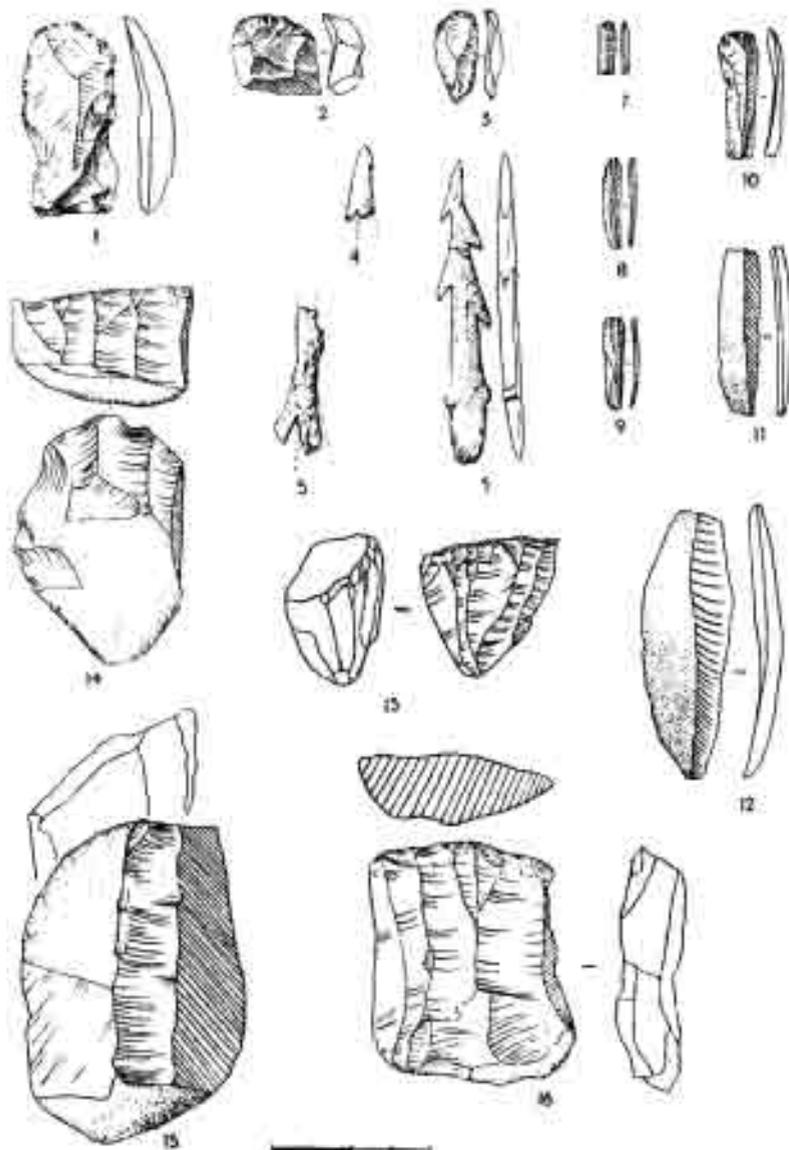

ТАБЛ. 42. Ленковка.

1960 г. Нижний слой. Мезолит.

Гарпуны из рога благородного оленя.

ТАБЛ. 43. Сосновый Бор.

1967-1968 гг. Стратиграфическая блок-схема раскопов № 1, 2. Соблюден вертикальный масштаб.

1. Золотой песок.
2. Прослой гальки со следами золотой обработки.
3. Эллювий юры.
4. Культурные горизонты со своими порядковыми номерами.
5. Морозобойные трещины.

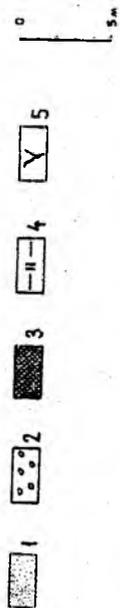
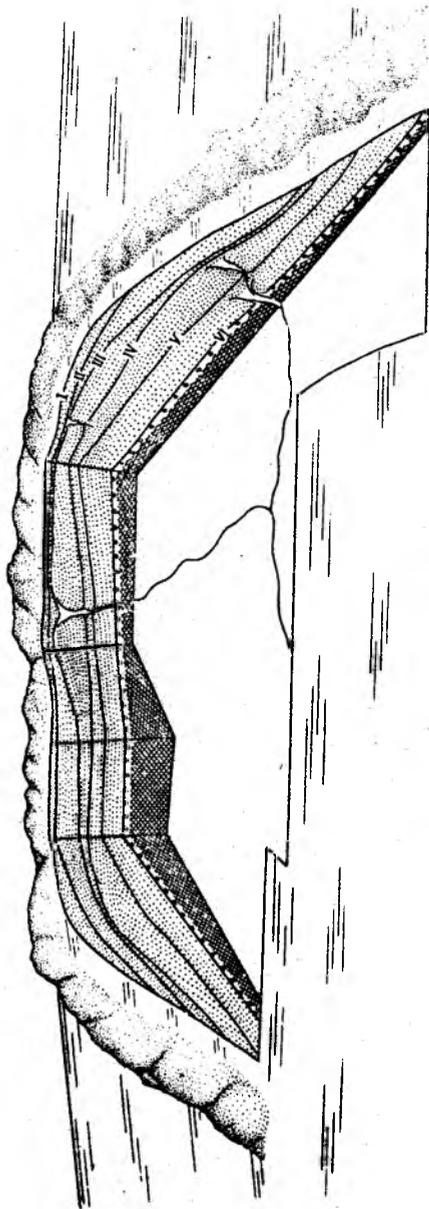

ТАБЛ. 44. Сосновый Бор.

II культурный горизонт. Изделия из камня.

1. Ассиметричное ретушированное острие из призматической пластинки с резцовым сколом по брешку. Кремль.
2. Острие с краевой ретушью из пластины. Кремль.
3. Обломок наконечника с двусторонней ретушью. Кремль (подъемный материал).
4. Трансверсальный резец. Кремль.
- 5-6. Срединные многофасеточные резцы. Кремль.
7. Вкладное лезвие. Кремль.
8. Нуклеус "гобийской" формы. Халцедон.
- 9-10. "Бочонкообразные" двуплощадочные микронуклеусы. Кремль.
11. Призматический нуклеус с концентрической отранкой. Кремль.
12. Призматический односторонний нуклеус. Кремль.

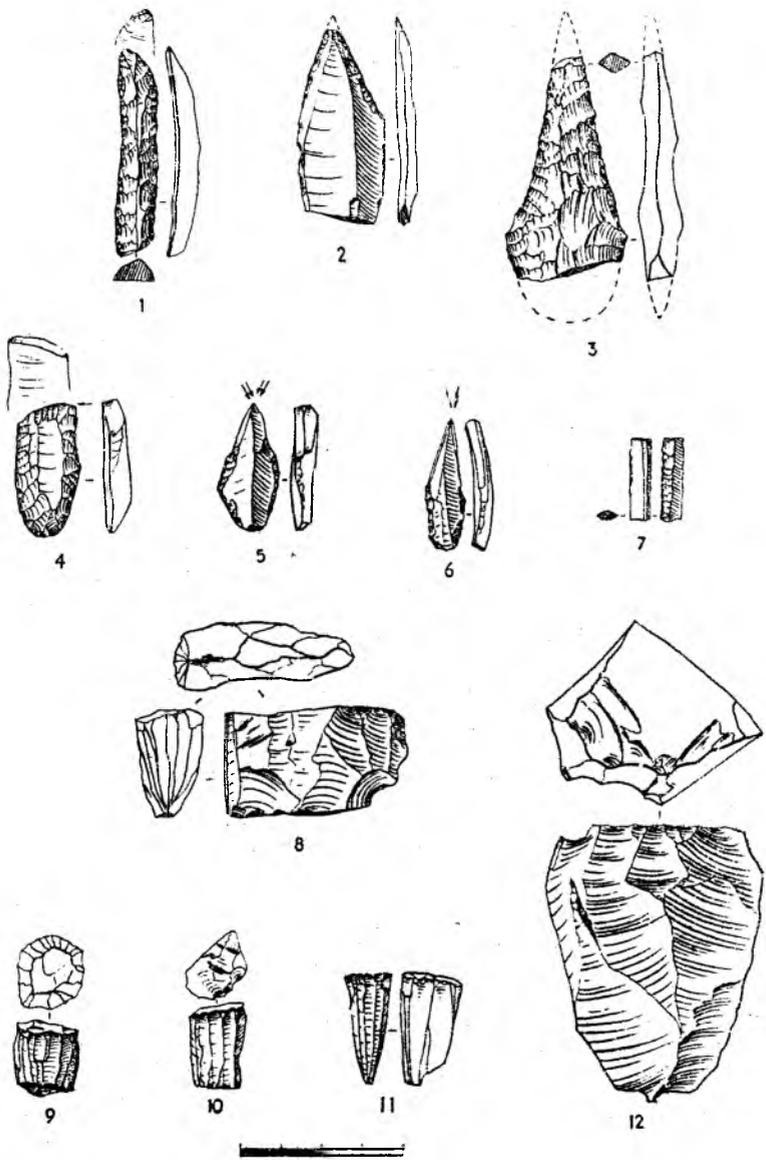

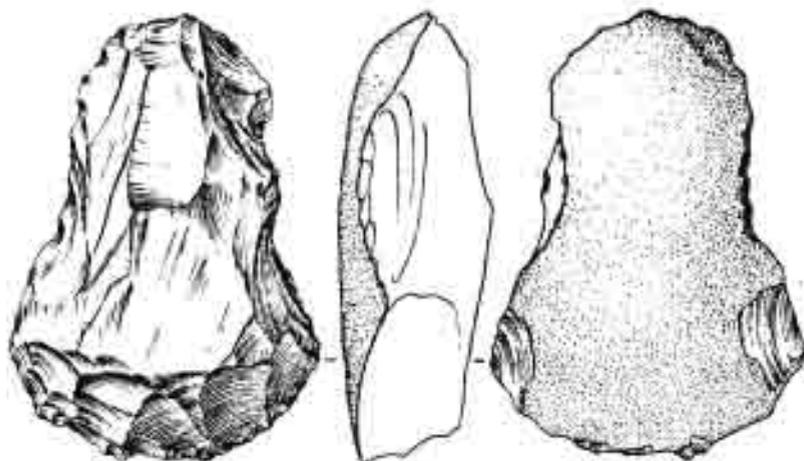
ТАБЛ. 45. Сосновый Бор.

II культурный горизонт. Изделия из камня.

I-2. Тесла "с боковыми выемками" ("перехватом")
из галек. Кварцит.

1

2

ТАБЛ. 46. Сосновый Бор.

III культурный горизонт. Изделия из камня.

- 1-2. Трансверсальные резцы. Кремень.
3. Пластина. Кремень.
4. Нож-скребло. Халцедон.
5. Тесло "с боковыми выемками" ("перехватом")
из гальки. Окремнелая порода.
6. Чоппер. Окремнелая порода.
7. Дисквидный нуклеус. Кремень.
8. Клиновидный нуклеус. Кремень.
9. Двуплощадный клиновидный нуклеус. Кремень.
10. Двуплощадный призматический нуклеус. Кремень.

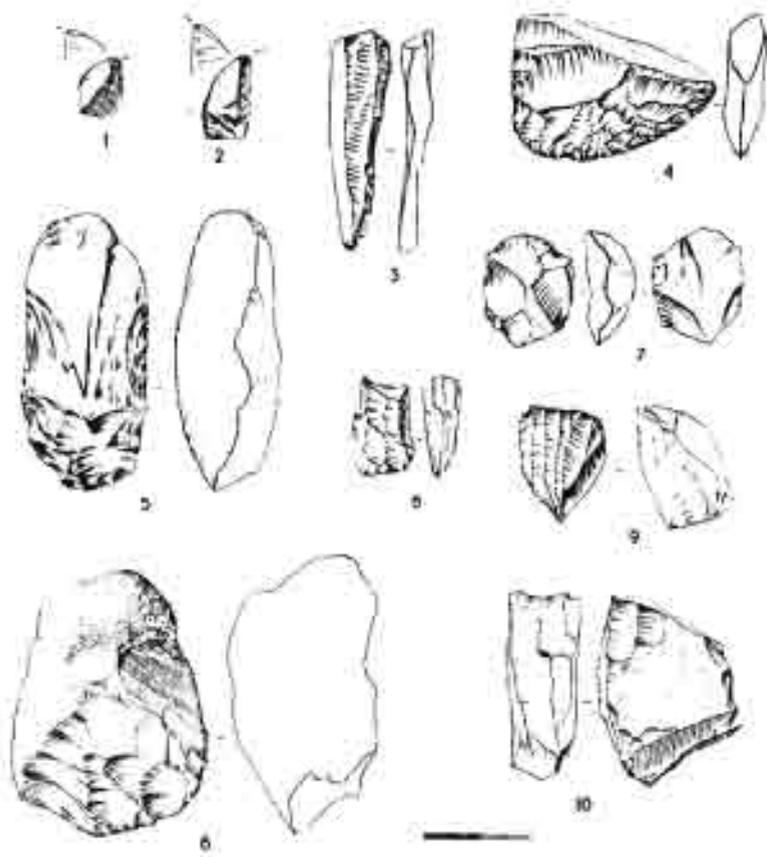

ТАБЛ. 47. Каменка I.

Изделия из камня.

1. Обломок бифаса. Кремень (подъемный материал).
2. Призматический односторонний нуклеус. Аргиллит .
- 3-4. Скрепки. Аргиллит .
- 5-6. Трансверсальные резцы. Кремень.
- 7-II. Пластины. Аргиллит .
12. "Рубильце". Кварцит (подъемный материал).
13. Клиновидный нуклеус. Аргиллит .

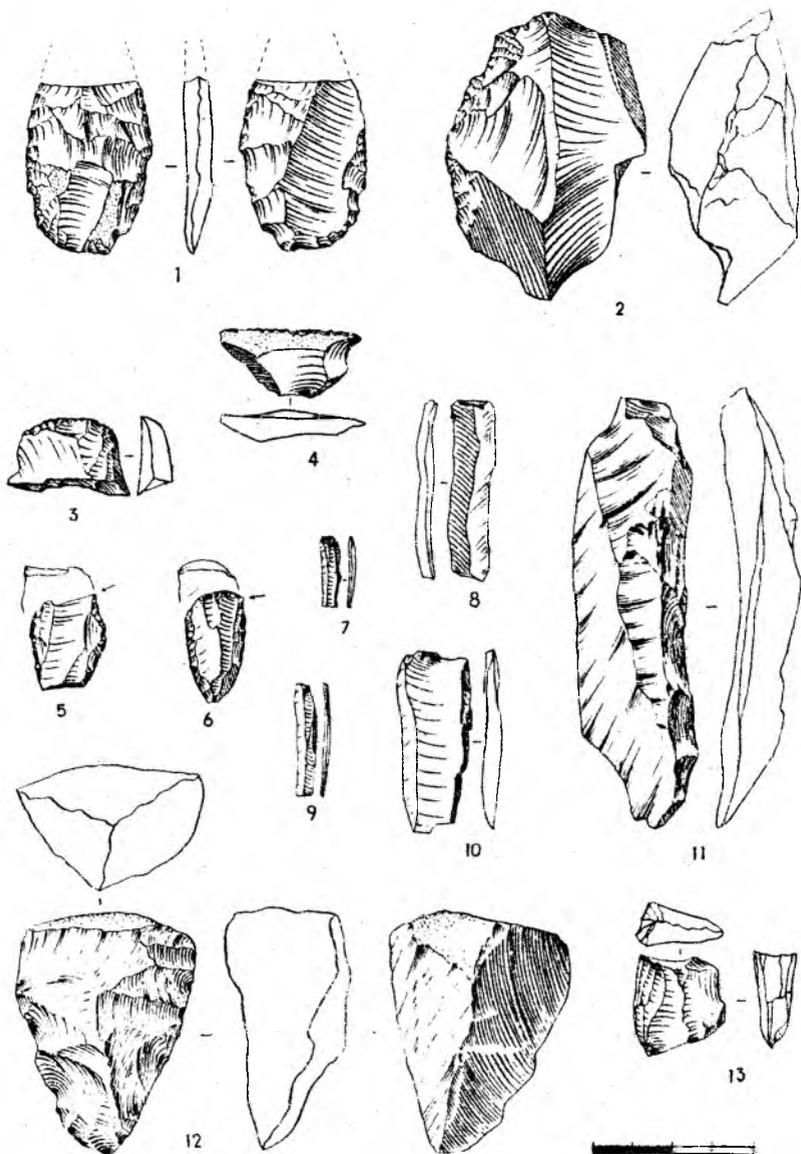

ТАБЛ. 48. Каменка П.

Изделия из камня. Подъемный материал.

1. Остроконечник с двусторонней ретушью из пластины. Кремний.
2. Бифас. Аргиллит.
3. Бифас. с резцовыми околами на острие. Аргиллит.
4. Обломок остроконечника из пластины трапециевидного сечения. Аргиллит.

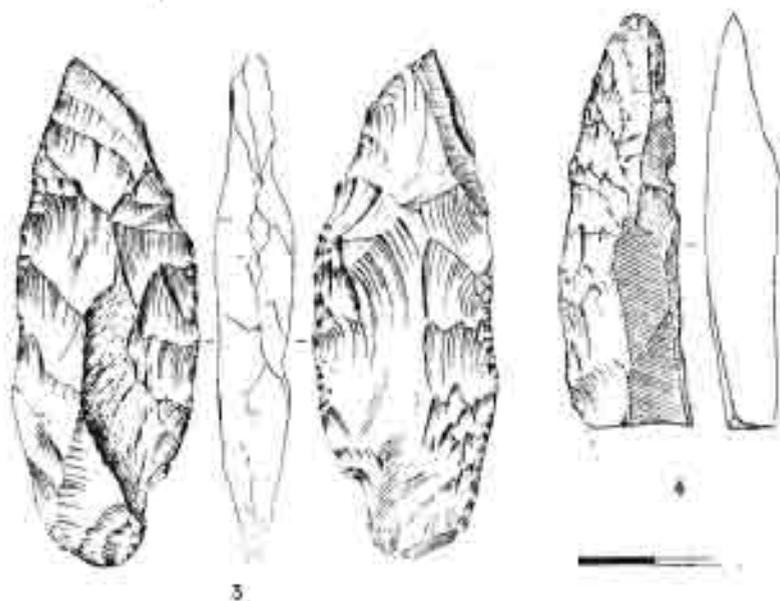
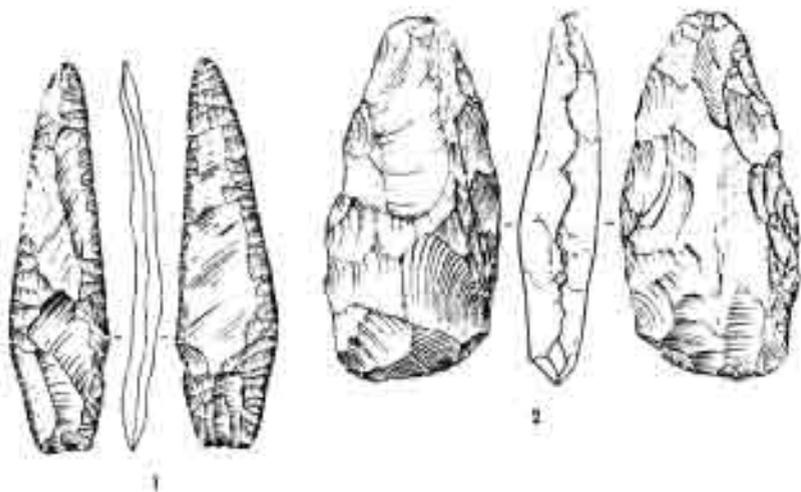

ТАБЛ. 49. Каменка П.

Изделия из камня.

1-2. Нуклеусы "гобийского" типа. Аргиллит.

3. Остроконечник из отщепа. Кремень.

4. Трансверсальный резец. Кремень.

5. Заготовка трансверсального резца. Кремень.

6. Заготовка ножа (или "гобийского" нуклеуса).

Аргиллит.

7. Нож из пластины кварцита.

8. Тесловидный инструмент. Окремнелая кристаллическая порода.

1-7 - подъемный материал. 8 - из слоя.

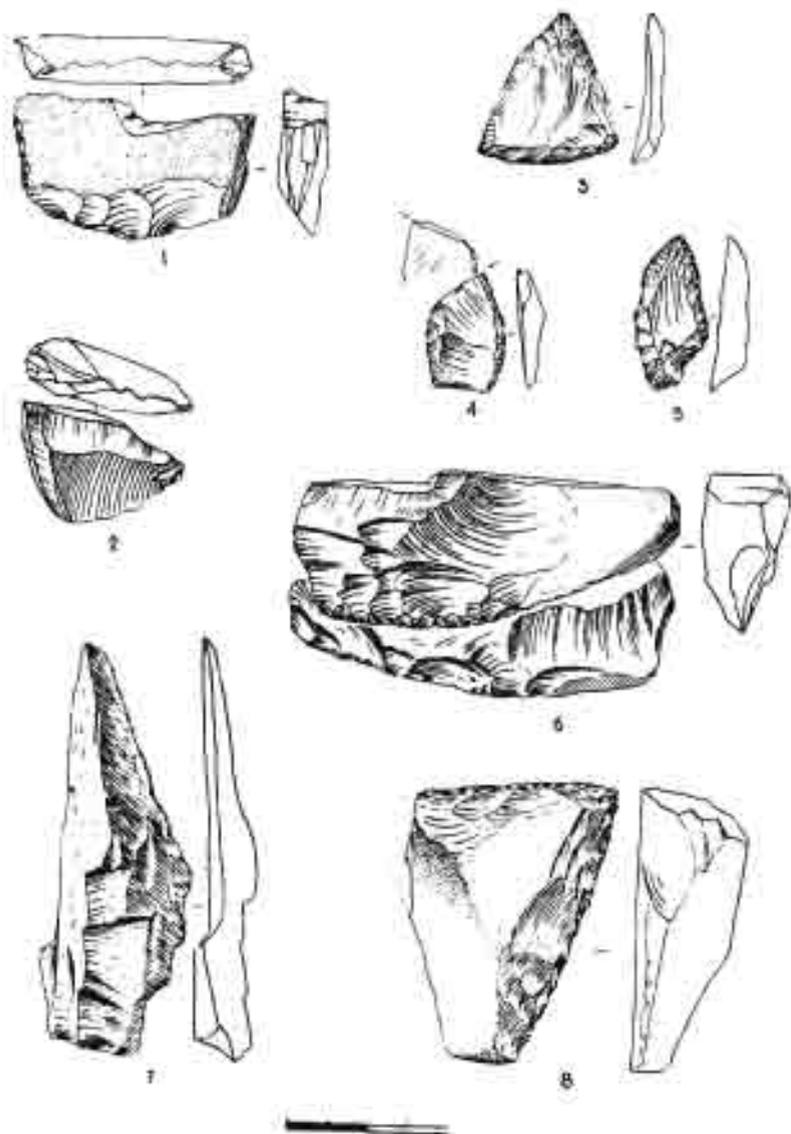

ТАБЛ. 50. Каменка Ш.

Профиль местонахождения. Изделия из камня.

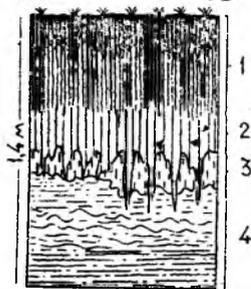
1. Стратиграфический профиль.

2-3. "Ладьевидные" изделия. Аргиллит.

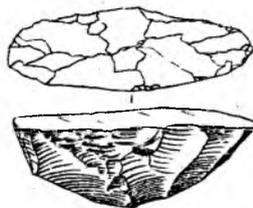
4. Пластинки. Аргиллит.

5. Нож-"уло" с двусторонней ретушью. Аргиллит.

K03 CB

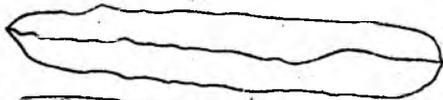
1

2

3

4

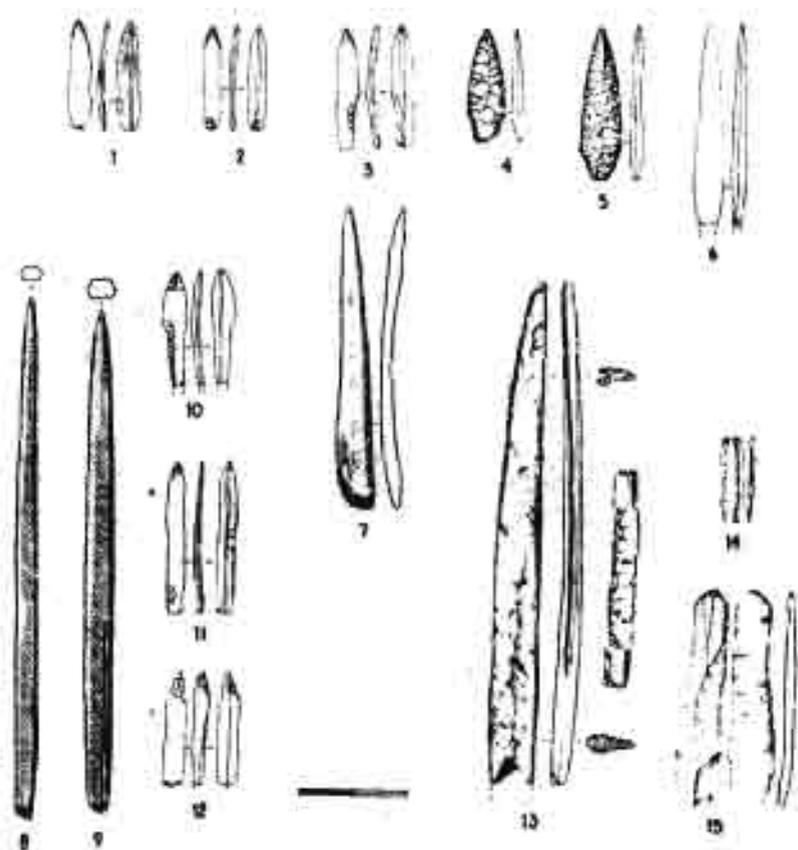
5

ТАБЛ. 51. Инвентарь мезолитических погребений.

I-7. Из погребения в пади Хиньская.

8-12. Из погребения в пади Частые.

13-15. Из погребения в пади Усть-Грязная.

Л И Т Е Р А Т У Р А

Абрамова З.А.

- 1962 Красный Яр — новая палеолитическая стоянка на Ангаре. — "Советская Археология", № 3.

Аксенов М.П.

- 1966 Стоянка Черемушник (К вопросу о месте бадайской культуры в каменном веке Прибайкалья). — Сибирский археологический сборник. Новосибирск.
- 1966а Археологические исследования на многослойном поселении — Верхоленская Гора в 1963—1965 гг. — Отчеты археологических экспедиций за 1963—1965 гг. Иркутск.
- 1967 Археологические исследования ранне-мезолитической стоянки Черемушник. — Изв. Вост.-Сиб. отдела Всесоюзного географического общества, т. 65. Иркутск.

Аксенов М.П., Медведев Г.И.

- 1967 Новые данные по донеполитическому периоду Приангарья. — Изв. Вост.-Сиб. отдела Всесоюзного географического общества, т. 65, Иркутск.

Алексеев М.Н., Равский Э.И., Цейтлин С.М.

- 1965 Об основах геохронологии антропогена Сибирской платформы. — В сб. "Корреляция антропогенных отложений Северной Евразии". М.

Анисимов А.Ф.

- 1936 Родовое общество эвенков (тунгусов). — Научно-исследовательская ассоциация института Народов Севера. Тр. по этнографии, т. 1. Л.

Арембовский И.В.

- 1942 Археология и проблема изучения стратиграфии четвертичных отложений Прибайкалья. — Тр. Иркутского горно-металлургического института, вып. 3, ч. 2.
- 1951 К стратиграфии антропогена Иркутского амфитеатра. — Тр. Иркутского университета, серия геологическая, т. 5, вып. 2.
- 1958 Стратиграфия четвертичных отложений юга Восточной Сибири. Тр. Иркутского университета, серия геологическая, т. 14, вып. 2.

- Арсеньев Ф.А.
1875 Рыбная ловля у зырян. - Сборник в память первого статистического съезда 1870 г. Изд. А.С.Тадинского, Нижний Новгород.
- Астахов С.Н.
1963 Позднепалеолитическая стоянка у дер.Федяево на Ангаре. "Советская Археология", № 3.
- Бадер О.Н.
1960 Основные этапы этнокультурной истории и палеогеографии Урала. - Палеолит и неолит СССР, т.IV. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 79).
- Береговая Н.А.
1960 Палеолитические местонахождения СССР. - Материалы и исследования по археологии СССР, № 81.
- Бибиков С.Н.
1946 Позднепалеолитические поселения в навесе Шан-Коба и в гроте Мурзак-Коба в Крыму. - Краткие сообщения Института истории материальной культуры, вып. 13.
- Бируля А.А.
1929 Предварительные сообщения о млекопитающих из кухонных отбросов стоянки каменного века на Верхоленской Горе близ Иркутска. - "Доклады АН СССР", № 4.
- Брисов А.Я.
1952 Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.
1962 Мезолитическая неурядица.-Историко-археологический сборник. К шестидесятилетию со дня рождения и тридцатипятилетию научной, педагогической и общественной деятельности А.В.Арциховского. М. Изд. МГУ.
- Вангенгейм Э.А.
1961 Палеонтологическое обоснование стратиграфии антропогенных отложений Севера Восточной Сибири. - Тр. Геологического института АН СССР, вып.48.
- Варпаховский Н.А.
1902 Рыболовство в бассейне р.Оби. С-Петербург.
- Вениаминов И.
1840 Записки об островах Уналашкинского отдела, ч.III. С-Петербург.

Витковский Н.И.

- 1889 Следы каменного века в долине р.Ангара. - Изв.Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, т.ХХ, № 1, № 2.

Воеводский М.В.

- 1934 К вопросу о ранней (свидерской) стадии эппалеолита на территории Восточной Европы. - Тр. II Международной конференции Ассоциаций по изучению четвертичного периода Европы, вып.5.
- 1940 К вопросу о развитии эппалеолита в Восточной Европе. "Советская Археология", № 5.
- 1950 Мезолитические культуры Восточной Европы. Краткие сообщения Института истории материальной культуры, вып.ХХХI.

Вологодский Г.П.

- 1965 Карст Южного Приангарья. В кн.: О.В.Павлов, Г.П.Вологодский, Ф.Н.Лещиков. "Инженерно-геологические особенности Приангарского промышленного района и их значение для строительства". М. "Наука".

Воробьев Н.И.

- 1926 Рыболовство на р.Чуне (приток Ангары). - Изд. Сибирской ихтиологической лаборатории. Серия А, вып.1.

Воскресенский С.С.

- 1959 Основные черты четвертичной истории Юго-Западного Прибайкалья. В сб.: "Ледниковый период на территории европейской части СССР и Сибири". М.
- 1962 Геоморфология Сибири. М. Изд. МГУ.

Герасимов М.М.

- 1928 Новые стоянки доисторического человека каменного периода в окрестностях гор.Хабаровска. - Изв.Вост.-Сиб. отдела Русского географического общества, т.53.
- 1931 Мальта - палеолитическая стоянка. Иркутск.
- 1935 Раскопки палеолитической стоянки в с.Мальте. - Изв. Государственной Академии истории материальной культуры, вып.118.
- 1940 Поздние палеолитические стоянки р.Белой. Бюллетень Комис-

сии по изучению четвертичного периода, № 6-7, М-Л.

1941 Реки Селенга и Белая. - Археологические исследования в СССР 1934-1936 гг. М-Л.

Герасимов М. М.

1958 Стоянка каменного века в нижнем течении р. Белой. - Тезисы докладов на сессии Ученого Совета Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, посвященной итогам экспедиционных исследований 1957 г. М.

Гитерман Р. Е., Годубева Л. В., Корнеева Е. В., Матвеева О. В.

1965 Перигляциальная растительность Сибири. - В сб.: "Корреляция антропогенных отложений Северной Евразии". М.

Гордцов В. А.

1929 К определению древности и некоторых особенностей Енисейского палеолита. - "Северная Азия", № 1 (25).

Громов В. И.

1928 К вопросу о возрасте сибирского палеолита. - "Доклады АН СССР", А, № 10.

1948 Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. (Млекопитающие, палеолит). - Тр. Института геологии, вып. 64, геологическая серия, 17.

Громов В. И., Алексеев М. Н., Вангенгейм Э. А., Кинд Н. В., Никифорова К. В., Равский Э. И.

1965 Схема корреляции антропогенных отложений Северной Евразии. - В сб.: "Корреляция антропогенных отложений Северной Евразии". М.

Гурина Н. Н.

1964 Работы неолитического отряда Красноярской экспедиции. - Краткие сообщения Института Археологии АН СССР, вып. 97.

Дебец Г. Ф.

1928 Проф. Б. Э. Петри. "Сибирский палеолит". Атлас, вып. 1, Ангарский палеолит. Иркутск, 1927. (Рецензия). - "Северная Азия", № 3.

1930 Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья. - Изв. Ассоциации научно-исследовательских институтов физ.-мат. фак. ЛГУ, т. III, № 2-А.

- Егоров А.Г.
 1943 Промысел красной рыбы на Ангаре. Иркутск.
 1961 Байкальский осетр. Улан-Удэ.
- Ермолова Н.М.
 1966 Материалы по фауне млекопитающих мезолитической эпохи Прибайкалья. - У истоков древних культур. Эпоха мезолита. /Материалы и исследования по археологии СССР, № 126/.
- Жуков Б.С.
 1923 Стоянка эпохи Маглемозе, открытая на о.Зеландии в 1917г. - "Русский антропологический журнал", т.13, вып.1-2.
 1924 К вопросу о древнейших насельниках Прибалтики в связи с некоторыми проблемами неолита Восточной Европы. - Русский антропологический журнал", т.13, вып. 3-4.
- Замятин С.Н.
 1951 О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. - Тр. института этнографии, т.XVI.
- Иванова И.К.
 1965 Геологический возраст ископаемого человека. М.
- Каров Д.М.
 1960 О развитии примитивных орудий. - Тр. института этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая. Новая серия, т.54, М-Л.
- Канд Н.В.
 1965 Абсолютная хронология основных этапов истории последнего оледенения и последниковья Сибири (по данным радиоуглеродного метода). - В сб.: "Четвертичный период и его история", М.
- Кларк Дж.Г.
 1953 Доисторическая Европа. М.
- Крайнов Д.А.
 1960 Пещерная стоянка Таш-Аир I, как основа для периодизации послепалеолитических культур Крыма. - Материалы и исследования по археологии СССР, № 91.
- Крижегская Л.Я.
 1961 К вопросу о производстве каменных орудий у неолитических

плотен Приангарья (раскалывание камня с помощью огня)
В сб.: "Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока."
Новосибирск.

Логачев Н.А.

1958 Геологические экскурсии в окрестности г.Иркутска и
соседние районы. Иркутск.

Логачев Н.А., Ломоносова Т.К., Климанова В.М.

1964 Кайнозойские отложения Иркутского амфитеатра. М.

Макаренко А.А.

1902 Промысел Красной рыбы на Ангаре. СПб.

Медведев Г.И.

1961 Место культуры Верхоленской Горы в археологической
периодизации Прибайкалья. - Вопросы истории Сибири
и Дальнего Востока. Новосибирск.

1966 Новые данные о нижних слоях Усть-Белой. - Сибирский
археологический сборник. Новосибирск.

1966а Археологические исследования многослойной палеолити-
ческой стоянки Красный Яр на Ангаре в 1964-1965 гг. -
Отчеты археологических экспедиций за 1963-1965 гг.
Иркутск.

1967 К итогам исследования мезолита на многослойном посе-
лении Усть-Белая. - Изв.Восточно-Сиб.отдела Всесоюз-
ного географического общества СССР, т.65. Иркутск.

1967а Исследование мезолита на Ангаре в 1966 г. - Археоло-
гические открытия 1966 года. М.

Медведев Г.И., Аксенов М.П.

1963 О хронологическом расчленении памятников переходного
периода от палеолита к неолиту в Прибайкалье. - Тезисы
докладов к отчетной конференции Восточно-Сиб.Совета
по координации и планированию гуманитарных наук.Иркутск.

Мергарт Г.

1923 Результаты археологических исследований в Приенисейс-
ком крае (автореферат). - Изв.Красноярского отдела Рус-
ского географического общества, т.Ш, вып. I. Красноярск.

Мишарин К.И.

1950 Рыбы и рыбный промысел в Иркутской области. Иркутск.

Морган Ж.

1926 Доисторическое человечество. М.-Л.

Мортилье Г. и А.

1903 Доисторическая жизнь. С-Петербург.

Обермайер Г.

1913 Доисторический человек. С-Петербург.

Окладников А.П.

1938 Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья. - Вестник Древней Истории, № I(2).

1940 Новые данные о палеолитическом прошлом Прибайкалья (к исследованиям в Бурети 1936-1939 гг.) - Краткие сообщения Института истории материальной культуры, У. М.-Л.

1950 Неолит и Бронзовый век Прибайкалья, ч I-II.-Материалы и исследования по археологии СССР, № 18.

1953 Следы палеолита в долине р.Лены. Палеолит и неолит СССР. - Материалы и исследования по археологии СССР, № 39.

1959 Палеолит Забайкалья. - Археологический сборник, № I, Улан-Удэ.

1966 К вопросу о мезолите и эопалеолите в азиатской части СССР. Сибирь и средняя Азия. - У истоков древних культур. /Материалы и исследования по археологии СССР, № 126/.

Окладников А.П., Флоренсов Н.А.

1961 Новые данные по палеолиту и четвертичной геологии Забайкалья (находки на горе Тологой и у д.Ошурково). - Материалы Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода, т. I, М.

Орлов

1853 Амурские ороченн.-Вестник императорского Русского географического общества, ч.2I.

Петри Б.Э.

1922 Первые следы доисторического человека в Сибири. Чита.

1923 Сибирский палеолит. Иркутск.

1926 Сибирский неолит. - Изв.Биолого-Географического научно-

исследовательского института при Иркутском государственном университете, т.Ш, вып.І. Иркутск.

1927 Сибирский палеолит. Атлас. Иркутск.

1928 Леккое прошлое Прибайкалья. Иркутск.

1930 Охота и оленеводство у тугурских тунгусов в связи с организацией охотхозяйства. Иркутск.

Подгорбунский В.И.

1928 Вопросы археологических изысканий в пределах Прибайкалья и прилегающих к нему районах. - Тр.І Сибирского Краевого Научно-исследовательского съезда, т.5. Новосибирск.

Попов А.А.

1937 Охота и рыболовство у долган. - Памяти В.Г.Богораза. Сборник. М-Л.

1948 Нганасаны. М.

Равский Э.И.,

1959 Геология мезозойских и кайнозойских отложений и алмазонность юга Тунгусского бассейна. - Тр. Геологического института АН СССР, вып. 22.

1960 К стратиграфии четвертичных (антропогенных) отложений юга и востока Сибирской платформы.-Тр. Геологического института АН СССР, вып.26.

1961 Перигляциальные явления и перигляциальные зоны плейстоцена Восточной Сибири. - Вопросы геологии антропогена. М.

Равский Э.И., Алексеев М.Н.

1960 Четвертичный период в Восточной Сибири. - Хронология и климаты четвертичного периода. /Международный геологический конгресс, XXI сессия. Доклады советских геологов/. М.

Равский Э.И., Александрова Л.П., Вангенгейм Э.А., Гербова В.Г., Голубева Л.В.

1964 антропогенные отложения юга Восточной Сибири.-Тр. Геологического института АН СССР, вып.105.

Равский Э.И., Цейтлин С.М.

1965 Геологическая периодизация памятников палеолита Сибири. - Основные проблемы изучения четвертичного периода. М.

- Радде Г.
1858 Оз. Байкал. Извлечено из отчета натуралиста Г. Г. Радде о совершенном им летом 1855 г. путешествии вокруг озера. "Вестник РГО", № 21.
- Рогачев А. Н., Гурина Н. Н., Любин В. П., Векилова Е. Л., Крижевская Л. Я., Хлобыстин Л. П., Бадер О. Н., Косарев М. Ф., Смирнов К. Ф., Соколовский Н. И., Смирнов А. П., Зяблин Л. П., Розенфельд Р. Л.
1967 Достижения археологической науки в РСФСР за 50 лет. "Советская археология", № 3.
- Рычков К. М.
1917 Енисейские тунгусы. - Землеведение, кн. I-II.
- Савенков И. Т.
1892 О палеолитической эпохе в окрестностях г. Красноярск Енисейской губернии. - Отчет общества врачей Енисейской губ. за 1891-1892 гг. Год шестой, Красноярск.
- Свинин В. В.
1960 Стратиграфия многослойного поселения Усть-Белая. - Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. /Тезисы докладов и сообщений/. Иркутск.
- Серебрянный Л. Р.
1965 Применение радиоуглеродного метода в четвертичной геологии. М.
- Соколов Н. И.
1934 Геоморфология долины р. Ангары от истока до порогов. - Тр. Первого Всесоюзного географического съезда. Вып. 3. Секционные заседания. Л.
- Сосновский Г. П.
1933 Следы пребывания палеолитического человека в Забайкалье. - Тр. комиссии по изучению четвертичного периода, т. III.
1934 Палеолитические стоянки Северной Азии. - Тр. II Международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы (АИЧПЕ), вып. У.
1936 Работы по районам проектируемых гидроэлектростанций на Ангаре, Енисее, Бие и Иртыше. - Археологические работы на новостройках в 1936-1938 гг. Л. 2. /Изв. Государственной Академии истории материальной культуры, вып. 110./
- Толстов С. И.
1931 Проблемы родового общества. - "Советская этнография", в. 3-4.

- 1932 Очерки первоначального ислама. - "Советская этнография", № 2.
- Тюменцев Н.В.
- 1941 К вопросу о геологическом возрасте стоянки Буреть (из полевых наблюдений 1939-1940). - Краткие сообщения института Истории материальной культуры АН СССР, вып. X.
- Фетисов А.С.
- 1953 Козуля в Восточной Сибири. Ее биология и промысел. - Иркутский государственный университет и Восточно-Сиб. отдел географического общества. Иркутск.
- Формозов А.А.
- 1959 Микролитические памятники Азиатской части СССР. - "Советская Археология", № 2.
- 1959а Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М.
- Хангалов.
- 1988 Ээгэтэ-аба, облава на зверей у древних бурят. - Изв. Восточно-Сиб. отдела Русского географического общества, т. XIX, № 3.
- Хлобыстин Л.П.
- 1965 Древнейшие памятники Байкала. - Палеолит и неолит СССР, т. 5. /Материалы и исследования по археологии СССР, № 131/. М.-Л.
- Цейтлин С.М.
- 1964 Сопоставление четвертичных отложений ледниковой и внеледниковой зон Центральной Сибири (бассейн Нижней Тунгуски). - Тр. Геологического института АН СССР, вып. 100.
- 1965 О расчленении последнего ледникового Сибири. - Четвертичный период и его история. М.
- Чайлд Г.
- 1952 У истоков европейской цивилизации. М.
- 1956 Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.
- Чердынцев В.В.
- 1956 Определение абсолютного возраста палеолита. - "Советская геология", т. 25

- 1961 Определение абсолютного возраста четвертичных окаменелых костей по отношению изотопов тяжелых элементов. - Вопросы геологии антропогена. М.
- Чердынцев В.В., Алексеев В.А., Кинд Н.В., Форова В.С., Зовельский Ф.С., Сулержицкий Л.Д., Форсенкова И.В.
- 1966 Данные лаборатории геологического института АН СССР. Сообщение № 2. - В кн: "Верхний плейстоцен. Стратиграфия и абсолютная геохронология". М.
- Черский И.Д.
- 1872 Несколько слов о вырытых в Иркутске изделиях каменного периода. - Изв.Сибирского отдела Русского географического общества, т.Ш.
- Шостакович Б.
- 1888 Промыслы Нарымского края. - Западно-Сибирский отдел Русского географического общества, кн.І.
- Штепнер Вальтер
- 1928 Путешествие к северо-востоку от Мергэня (Предварительное сообщение). - Изв.Общества изучения Маньчжурского края, № 7.
- Morlan R.E.
- 1966 The preceramic period of Hokkaido: an outline. Arctic anthropology, vol. IV. No 1. Wisconsin.
- Nelson E.W.
- 1899 The Eskimo about Bering Strait 18-th Annual Report of the Bureau of American Ethnology 1896-97. Washington.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

От авторов	3-5
Г.И. Медведев. К истории исследования мезолита Приангарья	5-25
Г.И. Медведев, А.М. Георгиевский, Г.Н. Михнюк, И.Л. Лежненко, Н.А. Савельев. Памятники мезолита Верхнего Приангарья.....	26-110
1. Г.И. Медведев, А.М. Георгиевский, Г.Н. Михнюк, Н.А. Савельев. Стоянки Ангаро-Бельского района ("Бадайский" комплекс)	33
Бадай I	35
Перешеек	36
Черемушник I	38
Мальта	45
Усть-Белая	46
Уляха	78
Ленковка	83
Сосновый Бор	85
2. И.Л. Лежненко. Стоянки Ангаро-Идинского района ("Идинский" комплекс)	91
Каменка I	94
Каменка II	95
Каменка III	97
3. Г.И. Медведев. Мезолитические погребения Верхнего Приангарья	99
4. Р е з ю м е	104
Г.И. Медведев. Хозяйственный уклад мезолитического населения Усть-Белой	III-126
Иллюстрации	127-229
Литература	231-241

Подписано к печати 15. XII. 1971

Формат 60x90 1/16

Объем 12.0 п.л. Заказ № 10 Тираж 600 экз. НЕ 00294 Цена 1.50к.

Отпечатано в фотоофсетной лаборатории

Иркутского государственного университета имени А. А. Жданова